

Н. А. ВИТАШЕВСКІЙ.
ПО ТЯГЪ ЗА ЗОЛОТОМЪ.

0-216744

90 810-93
885-X

MK Kp
B-54

Глубокоу уважаемому
Господину Александру
Кропоткину
оф
адресу.

ПО ТАЙГѢ ЗА ЗОЛОТОМЪ.

15/III 907

Genève.

Н. А. Виташевскій.

mk

ПО ТАЙГЪ ЗА ЗОЛОТОМЪ.

ПО ДНЕВНИКУ И ПИСЬМАМЪ АВТОРА

ПЕРЕРАБОТАЛИ

Н. Я. Мануилова и Н. А. Виташевскій.

Съ 36 рисунками С. М. Дудина по фотографіямъ автора.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Издание А. Ф. ДЕВРІЕНА.

ПРИГОТОВЛЕНІЯ.

I.

Я родился въ тайгѣ. Мои родители жили на пріискѣ, на рѣкѣ Шалтыркѣ,—и первыя мои воспоминанія рисуютъ мнѣ картины таежнаго лѣса,—густого, высокаго, величественнаго, таинственнаго лѣса.

Тайгой называютъ въ Сибири дѣвственный лѣсъ, который такъ густъ, такъ богатъ быстрыми горными рѣчками, такъ заваленъ упавшими отъ старости или грозы деревьями, что для сообщенія лѣтомъ никакихъ дорогъ въ немъ проложить невозможно.

Громадныя сосны, высоко поднявшія свои вер-хушки, густые кедры, покрытые заманчивыми шиш-

ками, пахучая черемуха, кусты шиповника, множество цвѣтовъ и травъ были моими первыми друзьями изъ растительнаго царства; а пушныхъ обитателей тайги и ея лѣтнихъ пернатыхъ гостей я зналъ и любилъ съ первыхъ сознательныхъ лѣтъ моей жизни.

Лѣтомъ, съ утра, выпьешь густого молока, закусишь шаньгой и тарелочкой ягодъ, смотря по сезону: земляники, клубники, малины,—да и въ лѣсъ, среди котораго стоитъ нашъ домъ. Въ лѣсу время незамѣтно пролетитъ до обѣда, а то дѣла и на цѣлый день хватить. Дѣвочки больше увлекаются собираніемъ цвѣтовъ или ягодъ, а у насъ, мальчиковъ, свои заботы. То надо пойти съ отцомъ на работы, на промывку золота, то понадобилось составить гербарій или минералогическую коллекцію; то мы устраиваемъ свой пріискъ и производимъ всевозможныя изслѣдованія, подражая взрослымъ; то мы будто снаряжаемъ караванъ; то мы—бѣглые и скрываемся въ лѣсу. Однимъ словомъ, лѣтомъ дѣла и впечатлѣній не оберешься.

Да и зимой своя жизнь. Ждешь, какъ установится санный путь. Снѣгъ валить громадными хлопьями въ продолженіе нѣсколькихъ дней и ночей. И вотъ, въ одинъ прекрасный день, отецъ входитъ въ нашу уютную столовую съ довольнымъ и веселымъ видомъ. Мы всѣ ждемъ его у стола, на которомъ дымитя миска пельменей.

— Дорога установилась, объявляетъ отецъ, садясь за столъ.

Сердце дрогнетъ, какъ услышишь эту давно ожидаемую вѣсть. Теперь-то начнутся всевозможные катанья, поѣздки, переѣзды, а иногда и полное переселеніе съ приска на присскъ. Намъ, дѣтямъ, такое переселеніе—забава и радость. Дѣвочки, правда, боятся сами править, сидя въ узенькихъ крошечныхъ санкахъ, на какихъ ѣздятъ по тайгѣ; но я съ гордостью беру вожжи. Для меня это—привычное дѣло: я держалъ ихъ, еще сидя у няни на рукахъ. Хотя и не я правлю, а конюхъ, сидящій на передней изъ 2 или 3 впряженныхъ въ сани гусемъ лошадей, но все-таки вожжи отъ ближайшей лошади у меня въ рукахъ,—и я чувствую себя самостоятельной личностью.

Впослѣдствіи мнѣ случалось слышать въ Петербургѣ мнѣніе, что въ Сибири нестерпимый холодъ, лютыи морозъ. Не помню, чтобы мнѣ приходилось когда-нибудь зябнуть или отморозить себѣ что-нибудь, даже во время большихъ переѣздовъ. Да и вообще я росъ крѣпкимъ, здоровымъ мальчикомъ; не помню, чтобы я когда-нибудь былъ боленъ, пока жилъ въ тайгѣ.

Но вотъ пришлось разстаться съ дорогой родиной. Отцу поручили везти золото въ Петербургъ, куда мы и переселились совсѣмъ.

Петербургъ не только не поразилъ меня, но

просто-таки мнѣ не понравился. Зима безъ искристаго снѣга, сырость, слякоть; никакого вида изъ оконъ, никакого простора кругомъ. Еще зимой Нева, коньки, да и то — какое сравненіе съ катаньемъ въ тайгѣ! А какъ пришло лѣто да поселились мы на дачѣ, — изъ тайги, да на дачу подъ Петербургомъ! — такъ я сильно затосковалъ.

Я привыкъ съ толпой мальчишекъ бродить въ чащѣ, прокладывая себѣ дорогу, ожидая на каждомъ шагу встрѣтить медвѣдя; привыкъ слышать лѣсной шумъ, когда вѣтеръ пробѣжитъ по верхушкамъ сосенъ. Я зналъ, что кричить каждая птичка: птенцовъ ли она зоветъ, предупреждаетъ ли ихъ объ опасности или просто кричить, летя за кормомъ. У меня въ лѣсу была своя жизнь, свои интересы. И вдругъ все рушилось, все исчезло, все отступило далеко, далеко, какъ чудный сонъ. Что могъ дать мнѣ паркъ съ его дорожками, съ его искусственной природой?

Къ довершенію несчастія, пришлось въ первое же лѣто усиленно заниматься, чтобы поступить въ гимназію.

Въ тайгѣ я учился только зимой, когда самъ хотѣлъ, безъ принужденія. Отецъ прекрасно зналъ географію и такъ увлекательно рассказывалъ мнѣ по вечерамъ, разложивши передо мной карту, что я навсегда запоминалъ каждое его слово. Мать

занималась со мной языками, и я незамѣтно для себя научился читать и говорить на иностранныхъ языкахъ. А тутъ, въ Петербургѣ, пришлось «зубрить» то, что меня вовсе и не могло еще интересовать и чего я не могъ понять при самомъ сильномъ напряженіи воображенія,—пришлось приноравливать свои занятія къ «программѣ» и заниматься не тогда, когда являлось желаніе, а когда было свободное время у репетиторовъ. А кто они, эти репетиторы? Это—люди, которые съ утра до ночи бѣгаютъ отъ одного ученика къ другому и которымъ давно опротивѣло ихъ ремесло. И вмѣсто живыхъ свѣдѣній изъ книги жизни и природы я здѣсь набивалъ свою голову сухими параграфами казенныхъ учебниковъ.

Экзаменъ я все-таки выдержалъ. Умѣнье хорошо разсказать и написать, быстро сосчитать и толково отвѣтить на вопросы выручило меня, и я былъ принятъ въ гимназію, несмотря на то, что латынь и греческій у меня хромали.

Сначала меня завлекла новая гимназическая жизнь,—товарищи, уроки; но скоро сухость послѣднихъ и непривычная дисциплина стали давить меня. Отсутствіе природы съ ея красотой, дѣятельности на чистомъ воздухѣ чувствовалось мною настолько сильно, что на второй годъ ученія я сталъ прихварывать, а на третій переболѣлъ, кажется, всѣми болѣзнями, которыми Петербургъ заражаетъ дѣтей.

Видя, какъ я, послѣ экзаменовъ, ослабъ, поху-
дѣлъ, поблѣднѣлъ, сталъ неестественно расти и
горбиться, родители мои подняли тревогу и при-
задумались не на шутку.

Въ это время изъ Сибири, съ пріисковъ, прі-
ѣхалъ нашъ знакомый докторъ Дмитрій Матвѣевичъ.
Я его очень любилъ. Красивый, живой, энергичный,
онъ былъ, впрочемъ, не только моимъ, но и всеоб-
щимъ любимцемъ. Замѣчательно добрый и простой,
онъ пріобрѣлъ себѣ друзей и между пріисковыми
рабочими, которые уважали его и относились къ
нему съ замѣчательнымъ довѣріемъ. Дмитрій Мат-
вѣевичъ никому не отказывалъ въ своемъ доктор-
скомъ совѣтѣ, слылъ за искуснаго хирурга и со-
вершалъ иногда переѣзды за сотни верстъ ради
опасной операціи.

— Вотъ пріѣдетъ Дмитрій Матвѣевичъ, гово-
рить, бывало, искалѣченный рабочій:—только бы
дожить до него, а ужъ онъ подниметъ.

Дѣйствительно, Дмитрій Матвѣевичъ пріѣзжалъ
и поднималъ больного на ноги.

Его пріѣздъ всюду и всегда вносилъ оживленіе,
надежду, бодрость, особый подъемъ духа. Такъ
было и теперь.

Увидавъ, какимъ меня сдѣлалъ Петербургъ,
Дмитрій Матвѣевичъ поднялъ крикъ:

— Какъ, это—Сережа? Это—нашъ таежникъ?
Мать сообщила доктору свои опасенія отно-

сительно могущей развиться у меня чахотки. Дмитрій Матвѣевичъ меня основательно выслушалъ.

— Тутъ не микстуры нужны, не пилюли! шумѣль онъ:—тутъ нужны энергичныя мѣры, нужны воздухъ, физическая работа!

Въ этомъ шумномъ приговорѣ слышалось столько энергіи, что я воспрянулъ духомъ. Въ моихъ глазахъ Дмитрій Матвѣевичъ всегда былъ идеаломъ, а его слова—закономъ. Мать моя тоже всегда вѣрила его докторской опытности и на этотъ разъ тоже рѣшилась вполне послѣдовать совѣтамъ Дмитрія Матвѣевича, чего бы онъ ни потребовалъ.

А потребовалъ онъ дѣйствительно необыкновенныхъ вещей.

Дмитрій Матвѣевичъ сказалъ матери, что онъ придумаетъ самыя радикальныя средства для моего излѣченія, что въ его головѣ бродитъ въ нѣкоторомъ родѣ идея, но ему нужно ее взвѣсить и кое-что обдумать. Послѣ этого разговора Дмитрій Матвѣевичъ пропадалъ дня три, затѣмъ появился съ обычнымъ шумомъ.

— Ну-съ! кричалъ онъ, влетая къ намъ, причемъ предварительно взбудоражилъ всѣхъ неистовымъ звонкомъ.—Ну-съ, рѣшено! Я берусь вылѣчить Сережу отъ всѣхъ его настоящихъ и будущихъ недуговъ.

Мое сердце замерло отъ ожиданія.

— Только, чуръ, на попятный нельзя: все ужъ улажено. Ну, да я знаю, вы умница, для сына на всякія жертвы готовы, говорилъ Дмитрій Матвѣвичъ моей матери, взявъ ее за руку и ласково заглядывая ей въ глаза.

— Да не томите, Дмитрій Матвѣвичъ! взмолилась мать съ тревогой.

— Нѣтъ, позвольте! Сначала взвѣсимъ дѣло. Вы хотите, чтобы Сережа былъ здоровъ?

— Конечно.

— Ну, такъ выбирайте: вѣчную разлуку или временную...

— Конечно, временную. Но неужели необходимо везти Сережу за-границу? Боже мой, у насъ и средствъ на это нѣтъ!... и кто съ нимъ поѣдетъ?...

— За-границу? Эка невидаль—за-границу! Мы знаемъ лучшее средство. Мы съ нимъ махнемъ въ тайгу,—вотъ что!

— Въ тайгу?

— Вѣстимо!.. на родину! Братъ вашъ, Николай Алексѣвичъ, писалъ вамъ, что ѣдетъ съ экспедиціей, которую снаряжаютъ для изслѣдованія береговъ Амги и Алдана. Я тоже ѣду съ этой экспедиціей въ качествѣ врача. Ну, и Сережа съ нами въ качествѣ... ну, хотя бы метеоролога—наблюдателя. Въ его вѣдѣніи будетъ барометръ, термометръ, и т. п...

— Да какъ же?..

— Что тутъ толковать! Все улажено: я обмѣнялся съ Николаемъ Алексѣвичемъ телеграммами... Сережа, даю тебѣ недѣлю на сборы. Ты—членъ нашей экспедиціи!...

Съ этими словами Дмитрій Матвѣевичъ исчезъ.

Я ѣду въ Сибирь... Я—членъ экспедиціи... Я увижу тайгу. Со мною будутъ разные приключенія... Что это? Сонъ?

Я не буду описывать того переполоха, который поднялся въ нашей семьѣ послѣ рѣшенія Дмитрія Матвѣевича: всѣхъ разговоровъ, споровъ, обсужденій не передать.

Дмитрій Матвѣевичъ привыкъ къ Сибири, онъ чувствовалъ себя тамъ нужнѣе, полезнѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь; поэтому онъ рѣшилъ вернуться въ тайгу, принявъ участіе въ экспедиціи, которая отправлялась по порученію золотопромышленной компаніи для разысканія новыхъ золотоносныхъ пластовъ по притокамъ р. Лены. Братъ моей матери около 12 лѣтъ пробылъ въ ссылкѣ по политическому дѣлу среди якутовъ, среди суровой природы и всевозможныхъ лишеній. Дядя Николай часто писалъ намъ, что онъ никогда не чувствовалъ себя такимъ бодрымъ и здоровымъ, какъ именно въ эти годы, которые онъ провелъ на морозѣ, на чистомъ воздухѣ, занимаясь изслѣдованіями, какъ членъ научныхъ экспедицій. И мои родители не задумались отпустить меня въ далекое и опасное путешествіе:

участіе въ этомъ путешествіи такихъ людей, какъ Дмитрій Матвѣевичъ и дядя Николай, служило въ ихъ глазахъ ручательствомъ, что, кромѣ пользы, отъ этого для меня ничего не произойдетъ.

Экспедиція наша... (съ гордостью говорю: *наша*) должна была тронуться изъ г. Якутска осенью. Но Дмитрій Матвѣевичъ рѣшилъ раньше покинуть Петербургъ, чтобы окончить въ Иркутскѣ свои дѣла до отъѣзда съ экспедиціей. Кромѣ того, онъ находилъ необходимымъ, чтобы я провелъ лѣто на берегу Байкальскаго озера, въ селеніи Тункѣ, которое славится своей красотой и живительнымъ воздухомъ. Говорятъ, тамъ никогда не было чахотки: кто и пріѣзжалъ туда съ предрасположеніемъ къ этой болѣзни или даже больнымъ,—и тотъ выздоравливалъ навсегда. Рѣшено было, что я проведу лѣто съ дядей въ Тункѣ, а осенью мы соединимся къ экспедиціи.

II.

Дядя воспользовался лѣтомъ, чтобы приготовить меня къ предстоящей экспедиціи.

Прежде всего дядя познакомилъ меня съ метеорологическими инструментами и научилъ меня ими пользоваться. Цѣлое лѣто я производилъ аккуратно всѣ наблюденія, и дядя нашелъ, что я не только

могу быть хорошимъ помощникомъ ему, но скоро мнѣ можно будетъ поручить самостоятельное веденіе метеорологической станціи.

Мы съ дядей совершали экскурсіи по окрестностямъ, полныя жизни и интереса, давшія мнѣ много

Оз. Байкаль и тайга около него.

знаній, благодаря дядинымъ указаніямъ и рассказамъ, которыми онъ сопровождалъ наши прогулки, и моимъ собственнымъ наблюденіямъ. Дядя, живя среди якутовъ въ продолженіе 12 лѣтъ, испыталъ не разъ и холодъ, и голодъ, и всякія превратности судьбы, такъ закалился и пріобрѣлъ столько

практическихъ навыковъ, что ему теперь не были страшны никакіе сибирскіе морозы, никакія лишенія. Дядя хотѣлъ и меня приготовить, по возможности, къ той жизни, которая мнѣ предстояла, и спѣшилъ подѣлиться со мной своимъ опытомъ. Напримѣръ, умѣнье быстро осѣдлать и запречь лошадь такъ, чтобы потомъ не приходилось останавливаться для поправокъ, имѣть громадное значеніе въ Сибири, при переѣздахъ по морозу въ 40° и болѣе. Во время нашихъ экскурсій верхомъ или въ телѣжкѣ, я долженъ былъ все дѣлать самъ, и въ послѣдствіи я много разъ сказалъ дядѣ «спасибо» за пріобрѣтенные мною навыки. Громадные переходы совершали мы и пѣшкомъ, прокладывая иногда себѣ дорогу по самымъ глухимъ мѣстамъ. Я научился владѣть топоромъ, пилой, ружьемъ, ходили мы и на охоту, случались съ нами и разныя приключенія.

За Байкаломъ, въ ущельяхъ горъ, нерѣдко снѣгъ остается круглый годъ. Лѣтомъ мѣстами снѣгъ этотъ дѣлается только болѣе рыхлымъ, а растаять такъ и не успѣетъ. Мнѣ случалось не разъ проваливаться въ такой снѣгъ во время нашихъ экскурсій и принимать ледяную ванну. Къ моему удивленію, я ни разу не простудился. Дядя только подсмѣивался надо мной, говоря, что въ тайгѣ, во время переѣздовъ по рѣкамъ и снѣговымъ нетронутымъ мѣстамъ, мнѣ придется купаться въ ледяной водѣ и обогрѣваться у костра при 40° морозѣ.

Дядя, казалось, нарочно подводилъ меня подъ всякія бѣды и приключенія, и это приучило меня къ смѣлости, ловкости, изворотливости. Въ эти 3 мѣсяца я окрѣпъ, выросъ, развился физически и духовно.

Я писалъ мамѣ самые восторженные письма о моемъ пребываніи въ Тункѣ и моихъ успѣхахъ въ дѣлѣ приготовленія меня къ участию въ экспедиціи, къ которой дядя подготавливалъ меня и въ научномъ отношеніи.

Между прочимъ, я многое узналъ о горномъ дѣлѣ и его правилахъ и законахъ. Мнѣ придется вкратцѣ познакомить съ этимъ и читателя, чтобы сдѣлать для него ясными цѣль и характеръ нашей экспедиціи.

Сибирь богата металлами, которые глубоко заложены въ нѣдрахъ земли, и чѣмъ цѣннѣе металлъ, тѣмъ глубже спрятала его природа отъ глазъ человека, точно желая, чтобы человекъ много и долго трудился, прежде чѣмъ ему удастся добыть необходимый металлъ.

Металлы находятся въ природѣ чаще всего въ видѣ руды, т.-е. въ соединеніи съ какой-нибудь примѣсью, напримѣръ: желѣзо—съ сѣрою, золото—съ кварцемъ. Громадные пласты песку или глины,

содержаніе въ себѣ руду, называются жилой. Случается, что жила проступить гдѣ-нибудь наружу, но при дальнѣйшемъ своемъ распространеніи опять уйдетъ въ глубь земли, и трудно распознать, въ какомъ именно направленіи жила эта идетъ подь землею.

Изъ всѣхъ горныхъ породъ, встрѣчаемыхъ въ Сибири, золото уступаетъ по цѣнѣ только платинѣ. Въ Сибири оно появилось наноснымъ путемъ, т.-е. много тысячелѣтій тому назадъ вода снесла его съ первоначальнаго мѣстонахожденія въ Китаѣ. Чтобы найти теперь это золото, необходимо снять всѣ позднѣйшіе наносы и добратъся до пласта глины или песку, въ которомъ находятся крупинки, листики или кусочки золота. Но какъ узнать, гдѣ и какіе пласты нужно снять, гдѣ искать жилу, т.-е. пласть съ золотомъ?

Изъ геологіи я узналъ, что металлы не случайно разбросаны въ землѣ, а размѣщены въ ней въ опредѣленномъ порядкѣ, по извѣстнымъ законамъ. Ученый можетъ впередъ сказать, какія горныя породы должны встрѣтиться въ томъ или другомъ мѣстѣ, — но гдѣ именно, въ какомъ направленіи вести работы? — Горная наука разработана еще не вполне; горные инженеры цѣлыми годами учатся своему дѣлу, но все-таки многого не знаютъ, часто въ своихъ поискахъ бредутъ, какъ въ потьмахъ, а тамъ, гдѣ не хватаетъ знаній, прихо-

дится полагаться на случай, выжидать этого случая, не теряя энергіи.

Поиски золотоноснаго пласта называются «развѣдками на золото».

Чаще всего развѣдки производятся въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ уже находятся или прежде находились прииски, — въ надеждѣ, что жила или пласть, откуда добывается уже и добывалось золото, имѣть необнаруженное еще продолженіе близъ разработаннаго мѣста. Управление существующихъ приисковъ посылаетъ на развѣдки снаряженные имъ партіи съ инженеромъ во главѣ, который и долженъ выяснить, есть ли золото въ изслѣдуемой мѣстности.

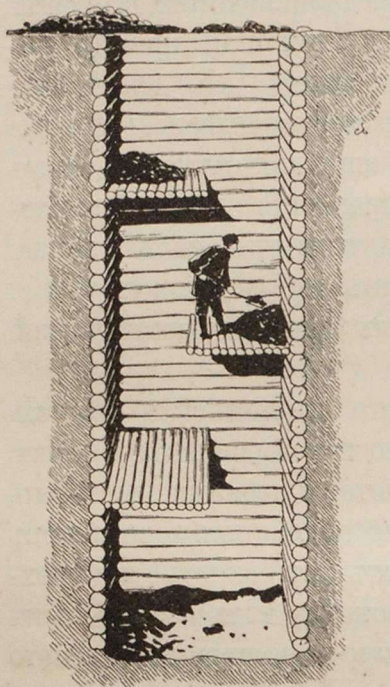
Въ случаѣ, если золото въ томъ или другомъ мѣстѣ найдется, партія, по закону, не имѣетъ права унести съ собой это золото, а обязана составить протоколъ, сколько именно долей или золотниковъ оказалось въ выкопанныхъ глубокихъ, четырехугольныхъ или круглыхъ ямахъ, такъ называемыхъ шурфахъ. Вынутое изъ шурфа и промытое золото должно быть, по закону, брошено обратно въ шурфъ.

Все золото, сколько и гдѣ бы его ни нашли, должно продаваться не иначе, какъ въ казну: никто не имѣетъ права перерабатывать добытое изъ нѣдръ земли золото ни въ вещи, ни въ монету. Правительство уплачиваетъ владѣльцу прииска соотвѣтствующую сумму денегъ за доставленное золото;

ни онъ, ни рабочіе ни крупинки не должны оставлять себѣ,—это строго преслѣдуется закономъ.

Придя на мѣсто предполагаемыхъ поисковъ, ставятъ развѣдочные столбы, начальный и конеч-

Разрѣзь шурфа.

ный, и этимъ лишаютъ возможности всякое другое лицо производить въ этомъ мѣстѣ свои развѣдки. Развѣдки требуютъ настолько много времени, что приходится строить избѣжку для рабочихъ и начальника партіи.

Устроившись на временное жительство, приступаютъ къ работамъ и прежде всего «бьютъ шурфъ», т.-е. выкапываютъ четырехугольную яму, по сажени съ каждой стороны и такой глубины, какая ока-

жется необходимой, чтобы добраться до слоя песку, содержащаго въ себѣ золото. Когда шурфъ достигаетъ такой глубины, что становится невозможнымъ выбрасывать землю, то настилаютъ полати, т.-е. кладутъ горизонтально доски на одной

половинѣ ямы, укрѣпляютъ ихъ и уже на нихъ набрасываютъ землю, продолжая углублять шурфъ. Съ полатей землю выбрасываютъ наружу. Иногда шурфъ такъ углубляется, что приходится настилать вторыя, даже третьи полаты. Послѣ этого, при дальнѣйшемъ углубленіи шурфа, землю вытаскиваютъ при помощи бады и ворота.

На достаточной глубинѣ вынимаютъ «пробу» съ каждой четверти выкапываемаго песку, и «промываютъ» пробы изъ тѣхъ слоевъ, въ которыхъ можно предположить присутствіе золота. Это дѣлается чрезвычайно просто. Въ жестяной ковшъ большихъ размѣровъ («американскій») набираютъ земли изъ шурфа и наливаютъ ковшъ водою. Въ водѣ поднимутся болѣе легкія части земли (напр., глина), и эту воду сливаютъ. Потомъ наливаютъ воду во второй и въ третій разъ—и т. д., и такимъ образомъ постепенно удаляютъ все болѣе и болѣе тяжелыя части. Золото, какъ самый тяжелый металлъ, должно остаться на самомъ днѣ.

Если золото окажется въ такомъ количествѣ, что его выгодно разрабатывать, и предприниматель заявить по начальству о желаніи приступить къ развѣдкамъ, то присланнымъ отъ правительства лицомъ ставятся столбы и въ ихъ границахъ бьютъ шурфы, располагая ихъ въ правильномъ порядкѣ,—напр., въ видѣ одноцвѣтныхъ квадратовъ шахмат-

ной доски, и т. п. Это дѣлается для того, чтобы опредѣлить наивыгоднѣйшіе способы будущей добычи золота *).

Работы въ шурфахъ могутъ производиться и зимою, и лѣтомъ; для этого существуютъ различные приемы и способы. Немало трудностей и опасностей представляютъ всѣ эти работы, въ чемъ я и убѣдился, когда самъ сдѣлался свидѣтелемъ ихъ.

Во всѣмъ работамъ въ шурфахъ ведется «шурфовочный журналъ», въ которомъ отмѣчается, какая партія производила работы, по теченію какой рѣки, какъ располагались шурфы, съ обозначеніемъ номера каждаго, ежедневное состояніе шурфа, способъ, какимъ производились работы, характеръ породы, выбранной на каждой четверти отъ поверхности земли, и т. п. Если журналъ ведется аккуратно и породы опредѣляются правильно, то такіе журналы служатъ хорошимъ матеріаломъ для ознакомленія съ геологическимъ строеніемъ мѣстности.

Любознательные начальники поисковыхъ партій не ограничиваются записываніемъ данныхъ шурфовочнаго журнала, а присоединяютъ къ этому гео-

---

*) Въ недавнее время формальности, соблюдаемыя при развѣдкахъ на золото и добываніи его, значительно упрощены по сравненію съ тѣмъ, какъ онѣ описаны въ текстѣ.

логическія, астрономическія и метеорологическія наблюденія, производятъ топографическія и барометрическія съемки, снимаютъ фотографіи и т. п.

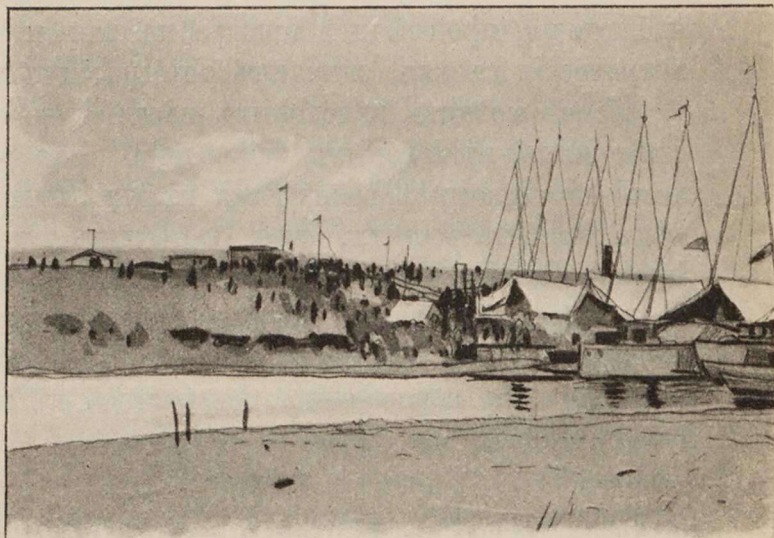
Кромѣ мелкихъ поисковыхъ партій уже существующихъ приисковыхъ управленій, для развѣдокъ на золото организуются цѣлыя экспедиціи, какъ правительствомъ, такъ и частными лицами. Въ подобной-то экспедиціи мы съ дядей и принимали участіе, причемъ поиски производились не близъ существующихъ или существовавшихъ приисковъ, а въ совершенно неизвѣстной мѣстности глухой тайги.

III.

Въ концѣ августа мы отправились въ село Жигалово, гдѣ должны были постепенно собраться члены нашей экспедиціи.

Село Жигалово расположено въ верховьи р. Лены и служитъ перегрузочнымъ пунктомъ для товаровъ, идущихъ изъ Иркутска внизъ по Ленѣ. Товары, доставленные сюда на лошадяхъ, грузятся на пароходы, плоты, паузки и т. п. и отправляются дальше, внизъ, уже исключительно по водѣ. Въ Жигаловѣ много складовъ, есть церковь, почтово-телеграфная контора.

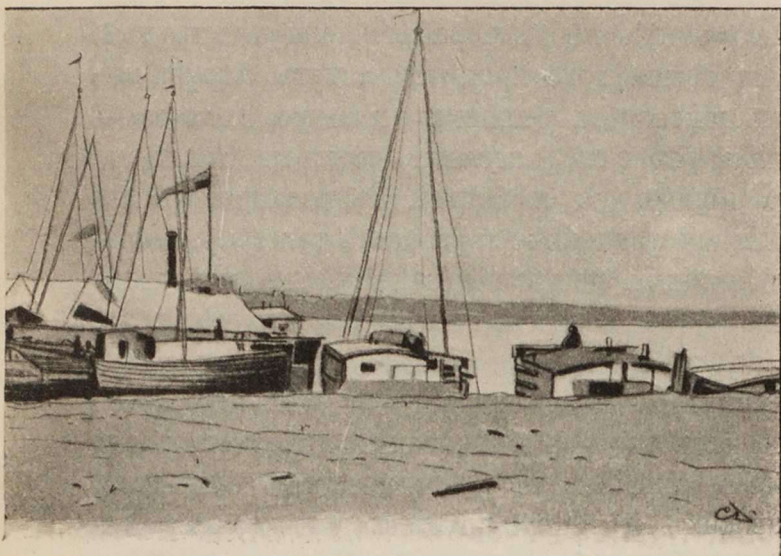
Особенное оживленіе въ Жигаловѣ замѣтно ран-

Ярмарка на р. Ленѣ
(Съ фото

ней весной, передъ открытіемъ навигаціи, когда село представляетъ центръ, гдѣ жизнь бьетъ ключемъ: сюда стекается множество рабочихъ, жаждущихъ найма, или уже заранѣе нанятыхъ матросовъ, лоцмановъ, горнорабочихъ.

Съ открытіемъ навигаціи товары подвозятся громадными партіями, и ежедневно внизъ по рѣкѣ отправляются разнаго рода суда. На паузкахъ, установленныхъ въ рядъ у самого берега, открывается ярмарка самыхъ разнообразныхъ товаровъ, прибывшихъ изъ Иркутска. Вечеромъ рѣка и все

у г. Якутска.
графин).

село оглашается пѣснями, звуками гармоніи, криками, а подчасъ и бранью ссорящихся рабочихъ. Но вотъ ярмарка уплываетъ внизъ, чтобы посѣтить всѣ города и крупныя селенія по рѣкѣ Ленѣ вплоть до Якутска, гдѣ она остается на іюнь и іюль. Съ осени село Жигалово пустѣетъ, жизнь въ немъ замираетъ до слѣдующей весны.

Но наша экспедиція выбила село изъ его обычной колеи.

Еще съ весны стали появляться въ немъ какіе-то невѣдомые люди. Хотя жители села и при-

выкли видѣть каждую весну новыхъ лицъ, но то были большею частью простые рабочіе, ищущіе труда и живущіе бѣдно, хотя и шумно; а тутъ вдругъ появились инженеры, техники, механики, доктора,— все люди молодые, веселые, которые жили не только шумно, но и богато. Съ появленіемъ новыхъ людей усиленнѣе заработалъ телеграфъ; оживились ящики, постоянно нанимаемые для далекихъ поѣздокъ; повеселѣли мѣста для гуляній; засуетились рабочіе.

Пришла и кладъ новыхъ людей. Это были ящики всевозможныхъ величинъ и размѣровъ съ клеймами англійскихъ механическихъ заводовъ, варшавскихъ и петербургскихъ оптическихъ мастерскихъ, Главной физической обсерваторіи, Академіи наукъ, Географическаго общества, оружейныхъ магазиновъ, сѣдельныхъ мастерскихъ; 18 ящиковъ съ медикаментами, множество ящиковъ съ консервами, табакомъ и проч.

Населеніе долго недоумѣвало, что за люди появились среди нихъ и какое назначеніе должны имѣть диковинные предметы въ сотняхъ ящиковъ, такъ рѣзко отличающихся отъ обычной товарной упаковки. Наконецъ было кѣмъ-то уловлено слово «экспедиція». Этимъ словомъ стали называть и людей, и ихъ кладъ, и цѣль, съ которой эти люди пріѣхали и поѣдутъ дальше. Говорили, что у экспедиціи будутъ аллюминіевые пароходы, что она за-

чѣмъ-то ѣдетъ въ Ледовитый океанъ, что всѣ люди будутъ вооружены для сраженія съ дикарями,—да и мало ли чего еще не говорили! Пылкая фантазія приписывала нашей экспедиціи небывалыя цѣли.

Необыкновеннаго, даже невѣроятнаго здѣсь было только то, что поиски направлялись въ очень отдаленныя мѣста, до сихъ поръ совершенно неизвѣстныя ни въ золотопромышленномъ, ни въ научномъ отношеніи; да развѣ то, что поденная плата рабочимъ была чрезмѣрно повышена. Поэтому, рабочіе стали стекаться въ Жигалово со всѣхъ сторонъ. Слухъ о выгодной работѣ проникъ далеко. Дѣла нашлось для многихъ: съ работами, очевидно, спѣшили.

Прежде, всего приступили къ распаковкѣ ящиковъ съ марками англійскихъ пароходо-строительныхъ фирмъ. Наскоро выстроены были два небольшихъ эллинга, и партія рабочихъ, подъ наблюдениемъ двухъ техниковъ, стала собирать по пароходу на каждомъ эллингѣ. Пароходы выходили удивительнаго вида: оба—плоскіе, длинные, съ тупыми, полукруглыми носами. Но оригинальнѣе всего было то, что пароходы имѣли всего по одному колесу сзади, а котлы и машины располагались не внутри корпуса, какъ обыкновенно, а на палубѣ,—котель на носу, а машина на кормѣ. Каюты тоже устроены на палубѣ, въ видѣ дощатаго балагана. Внутри корпуса находились только трюмы.

Къ тому времени, какъ пароходы были спущены на рѣку, прибывала все новая и новая кладь: цыбики съ чаемъ, рогожные кули съ сахаромъ, ящики со спичками, со свѣчами, съ одеждой, съ обувью для рабочихъ, бочки съ медомъ, сельдями, масломъ, листовое желѣзо, сталь, канаты, гвозди, подковы,—и чего-чего только тутъ не было! Всего не перечесть. Экспедиція снаряжалась весьма основательно,—всѣмъ, что можетъ скрасить неприглядныя стороны жизни въ глухой тайгѣ, гдѣ намъ предстояло пробыть 3 года.

Послѣ обычнаго богослуженія и пробнаго плаванія, пароходы нагрузились кладью, набрали соотвѣтствующую команду и до 50 человекъ рабочихъ: плотниковъ, кузнецовъ, горнорабочихъ,—и приготовились къ отплытію.

Съ замираніемъ сердца ждалъ я этого момента.

Въ день отплытія пароходовъ я замѣтилъ на лицѣ дяди какое-то особенное выраженіе; видно было, что его что-то тревожитъ. Взглядъ его, задумчивый и серьезный, часто останавливался на мнѣ.

— Сережа, наконецъ сказалъ онъ:—мы ѣдемъ съ тобой въ такія мѣста, гдѣ, можетъ-быть, никогда не ступала человѣческая нога.

— Ну, такъ что же? Это-то и интересно!

— Да, но что ждетъ насъ впереди? Вѣдь мы ѣдемъ на 3 года. Я привыкъ ко всему, а вотъ какъ-то ты вынесешь испытаніе?

— Богъ съ тобой, дядя! съ испугомъ воскликнулъ я:—да я себя такъ великолѣпно чувствую, какъ никогда.

— Вѣрю, Сережа; но теперь еще—не зима. Я вижу, что ты очень окрѣпъ за лѣто; но какъ ты вынесешь въ тайгѣ суровую зиму, — это еще вопросъ.

— Дядя, да ты забываешь, что тайга—моя родина, что я въ ней провелъ мое раннее дѣтство, что я знакомъ съ сибирскими морозами! Нѣтъ, пожалуйста, не беспокойся обо мнѣ...

— Подумай, Сережа; дѣло не шуточное. Сейчасъ ты еще можешь вернуться...

— Ни за что!

— Ну, будь что будетъ! рѣшилъ дядя.

На пароходѣ, между тѣмъ, все пришло въ движеніе. Еще нѣсколько минутъ,—и мы отвалили, провожаемые различными пожеланіями и возгласами толпы, собравшейся на берегу.

— «Ну, слава Богу, двинулись! сказалъ я себѣ. — Теперь дядя не вернетъ уже меня назадъ».

Рѣка сильно обмелѣла. Я не могъ себѣ представить, какъ мы будемъ подвигаться впередъ по такой мелкой рѣкѣ. Хорошо еще, что наши пароходы были какіе-то особенные: они сидѣли въ водѣ всего на 4 четверти, т.-е. на 1 аршинъ.

— Дядя, а вѣдь мы, пожалуй, и на мель сядемъ, сказалъ я, видя, что и дядя пристально и напряженно смотреть вдаль.

— И сядемъ! подтвердилъ дядя.

Дѣйствительно, мы весьма легко садились на мель,—но зато такъ же легко и снимались. Человѣка два рабочихъ, вооруженные шестами, спускаются въ воду и помогаютъ пароходу сдвинуться съ мѣста, чтобы при первомъ удобномъ случаѣ снова сѣсть на мель.

Такъ шли мы до первой остановки въ Олекминскѣ. Когда мы причалили, команду отпустили на берегъ, а мы съ дядей остались на пароходѣ.

Матросы поздно вечеромъ вернулись, но въ какомъ видѣ! Нѣкоторые изъ нихъ напились, многіе перессорились между собой, даже передрались,—и настолько серьезно, что пришлось прибѣгнуть къ помощи фельдшера.

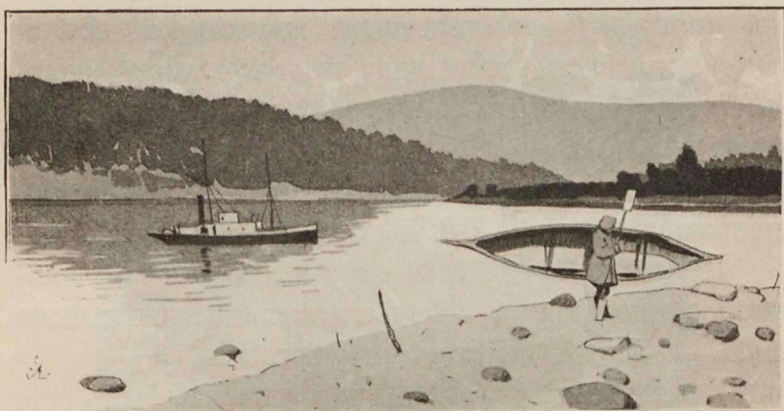
Подобные беспорядки происходили всегда, когда мы останавливались въ большихъ селахъ и городахъ. Это казалось всеѣмъ зауряднымъ явленіемъ. А останавливаться намъ было необходимо для совершенія послѣднихъ покупокъ, заключенія контрактовъ и т. п., главное же—чтобы запастись дровами.

Время стоянки пролетало быстро. Я устраивался поудобнѣе, чтобы написать письмо домой и

записать въ свой дневникъ событія послѣднихъ дней.

Дядя снималъ многіе виды,—снимали и другіе любители.

Берега Лены мѣстами чрезвычайно живописны; по обѣ стороны тянутся густые лѣса, гдѣ попадаются отвѣсныя скалы.

Ленскій пейзажъ.

(Съ фотографіи).

Мнѣ было поручено наблюденіе надъ облаками, я долженъ былъ замѣчать направленіе ихъ движенія, форму, срисовывать по возможности или обращать вниманіе фотографовъ на болѣе выдающіяся облачныя картины. Само собой разумѣется, что я постоянно записывалъ и температуру, которая, кстати сказать, начинала сильно понижаться,—осо-

бенно по ночамъ. Палуба частенько обращалась въ ледяной паркетъ, по которому очень трудно было передвигаться. Намъ пришлось надѣвать валенки и теплое платье.

Наконецъ пароходъ свернулъ въ р. Олекму, притокъ Лены, и пошелъ вверхъ по теченію, по совершенно незнакомому фарватеру. Къ счастью, нашелся якутъ, который плавалъ по этой рѣкѣ къ тунгусамъ по торговымъ дѣламъ и взялся теперь провести пароходъ; но онъ плохо зналъ фарватеръ, поэтому на ночь мы приставали къ берегу.

Ночи наступили темныя, температура быстро понижалась, сталъ выпадать снѣжокъ.

Шли такъ день, шли другой, третій. Начальникъ экспедиціи со всѣми служащими выходилъ не разъ на берегъ осматривать мѣстность.

Начальникъ, Сергѣй Аристарховичъ, былъ еще молодой человѣкъ, страстно преданный наукѣ и той задачѣ, которую онъ взялъ на себя. Я съ большимъ интересомъ прислушивался къ его планамъ, распоряженіямъ, рассказамъ. Жизнь въ тѣсномъ кругу на пароходѣ насъ всѣхъ сблизила. Я чувствовалъ себя очень хорошо среди этихъ молодыхъ и энергичныхъ людей, которые обращались со мной, какъ съ товарищемъ,—хотя и юнымъ, но все же товарищемъ по работѣ.

IV.

На четвертыя сутки нашего плаванія по Олекмѣ я проснулся утромъ, разбуженный какимъ-то особеннымъ шумомъ и суетой, поднявшимися на пароходѣ. Было еще очень рано и очень холодно, но всѣ уже покинули свои постели и каюты.

Р. Олекма противъ зимовья.
(Съ фотографіи).

Поспѣшно одѣвшись, я вышелъ и сразу понялъ, въ чемъ дѣло. Мы пристали къ берегу и, очевидно, съ цѣлью тутъ остаться. Я сбѣжалъ на берегъ.

Мѣсто, выбранное для зимовья, было дико и пустынно,—на берегу не менѣе дикой рѣки, которая вилась передъ нами, готовая замерзнуть.

За нами—и вправо, и влѣво, и сзади,—стояла тайга,—глухая, таинственная тайга, гдѣ, какъ говорилъ дядя, можетъ-быть, еще никогда не ступала нога человѣка. Мнѣ показалась моя родина такой суровой, непривѣтливой!

Острыя верхушки елей въ вышинѣ какъ будто шептались между собой. Широкіе кедры, казалось, еще шире простирали свои вѣтви, чтобы захватить ими и напугать пришельцевъ, которые нарушили мрачную тишину дѣвственного лѣса. Молодые поросли малины, дикаго хмеля, рябины, черемухи, хотя уже и обнаженные отъ листьевъ, такъ опутывали собою большія деревья и ихъ вѣтви и такъ наполняли малѣйшее пустое пространство между деревьями исполинскихъ размѣровъ, что дѣлали лѣсъ непроходимымъ,—ставили человѣку словно непреодолимую преграду, заслоняя собою таинственную глубь тайги.

Дикіе звѣри, навѣрное, насторожились, заслышавъ необыкновенные для нихъ звуки человѣческаго голоса. Они готовы бы также помочь тайгѣ защитить ея тайны отъ человѣка.

Но на этотъ разъ человѣкъ пришелъ во всеоружіи: у него—два парохода, оружіе лучшихъ новѣйшихъ системъ; у него—знанія, опытъ, всевозможные инструменты, громадная энергія, желаніе покорить тайгу, пробраться въ ея непроходимую глушь, изрыть ея нѣдра и найти то, что скрыто въ ихъ глубинѣ.

И застонала тайга подъ ударами топоровъ и кайль! Крики звѣрей и птицъ смѣнились звуками гармоніи и гитары; эхо окрестныхъ горъ стало разносить по вѣтру отголоски русской пѣсни и оперныхъ арій.

Странное чувство испыталъ я при звукѣ первыхъ ударовъ топора,—при трескѣ валимыхъ вѣ-

Тайга, расчищенная подъ зимовье.

(Съ фот. Н. А. Виташевского).

ковыхъ гигантовъ, грузно и медленно склонявшихся къ землѣ. И жалко было, что разрушаются волшебныя чары тайги, — и появлялось чувство уваженія къ уму, энергіи и волѣ человѣка. Это сознаніе силы человѣка и меня какъ-то возвысило въ моихъ собственныхъ глазахъ. Я почувствовалъ гордость, что и я,—давно ли боль-

ной, хилый мальчикъ? — тоже явился сюда для борьбы съ когда-то непобѣдимой тайгой.

Переночевавъ на пароходѣ, мы наутро бодро и весело принялись за работу, какъ только распростившіеся съ нами пароходы неожиданно скрылись изъ глазъ за поворотомъ рѣки: они ушли назадъ, чтобы поискать себѣ удобное мѣсто для зимовки.

Никто для насъ здѣсь помѣщенія не приготовилъ: намъ нужно было самимъ и немедленно же устроить себѣ жилище.

Для этого прежде всего было необходимо очистить около десятины отъ поваленныхъ нашими рабочими лѣсныхъ гигантовъ, отъ поросли, бурелома, отъ кучъ вѣтвей и листьевъ, сорванныхъ съ деревьевъ вѣтромъ и бурей. На этомъ пространствѣ, ниже по теченію, принялись за устройство землянки для рабочихъ; выше назначили мѣсто для нашего дома.

До поры до времени служащимъ пришлось помѣститься въ холодныхъ палаткахъ. Неподалеку отъ землянки рабочихъ расположился завѣдующій работами, рижанинъ Рудольфъ Карловичъ, вмѣстѣ съ механикомъ, норвежцемъ Ганзеномъ. Саженьяхъ въ десяти выше по теченію поставили палатку начальника, за ней, ближе къ рѣкѣ, устроился докторъ со штейгеромъ, еще выше мы съ дядей, инженеромъ и казакомъ Расторгуевымъ, который былъ прикомандированъ къ намъ.

Расторгуевъ былъ мастеръ на всѣ руки. Съ нимъ, какъ сказалъ мнѣ про него дядя, въ тайгѣ не пропадешь.

Прежде чѣмъ перенести наши вещи на берегъ съ парохода, Расторгуевъ расчистилъ изъ-подъ снѣга и вѣтвей небольшое пространство земли, сажени въ двѣ въ квадратъ, и разостлалъ войлокъ, на который и

сложилъ наши вещи.

Тѣмъ временемъ рабочій на рубилъ въ лѣсу нѣсколько жердей. Вколовивши двѣ изъ нихъ въ

землю, мы съ Расторгуевымъ нало-

Наша палатка до постройки зимовья. Дядя пишетъ на 20°-номъ морозѣ письмо моей мамѣ.

(Съ фотографіи).

жили на нихъ третью въ видѣ перекладины, накинули на нее брезентъ, оттянули его въ стороны и края прикрѣпили посредствомъ веревокъ къ вбитымъ въ землю колышкамъ. Такъ образовались два ската, — восточный и западный. Съ сѣверной стороны образовавшійся треугольникъ задѣлали войлокомъ, съ южной стороны та-

кой же войлокъ былъ сдѣланъ откиднымъ и служилъ дверью. Неподалеку отъ этой двери развели неугасаемый костеръ; у него можно было погрѣться, но согрѣть внутренность палатки онъ не могъ. Устроивъ такъ стѣны и потолокъ палатки, внизу всё отверстія заложили дерномъ, поверхъ котораго утрамбовали снѣгъ. Для устройства пола на очищенную отъ снѣга землю наложили очень толстый слой еловыхъ и сосновыхъ вѣтвей и прикрыли ихъ войлокомъ вдвое. На такой полъ клали мы свои подушки, мѣховые тюфяки, сами укутывались въ мѣховыя одѣяла и сладко засыпали, когда наступало время отдыха, не справляясь съ температурой, которая опускалась все ниже и ниже нуля.

Такая же палатка, только большихъ размѣровъ, была устроена для склада припасовъ и различныхъ матеріаловъ.

Такъ мы и зажили пока, до постройки дома.

Неподалеку отъ палатки начальника находилась наша кухня. Собственно, варка пищи производилась у костра, подъ открытымъ небомъ.

Тутъ же, на ящикѣ изъ подъ товара, нашъ поваръ производилъ свою стряпню: мылъ мясо, рубилъ котлеты, „заводилъ“, по сибирскому выраженію, тѣсто для прѣсныхъ оладій и т. п. Само собой разумѣется, что столъ нашъ не отличался ни разнообразіемъ, ни изысканностью пригото-

нія. Скоро, когда температура даже днемъ оставалась ниже 0°, пришлось выбросить большую часть свѣжихъ овощей и употреблять консервы. У очага, на которомъ приготавливалась пища, стояла еще палатка, гдѣ поваръ хранилъ посуду и свои запасы.

Въ другомъ мѣстѣ, неподалеку отъ землянки рабочихъ, устроена была походная кузня. Горна для большихъ кузнечныхъ работъ у насъ не было,—мы довольствовались небольшимъ горнушкомъ, назначеніе котораго было разогрѣвать заклепки при котельныхъ работахъ. Но и при этихъ условіяхъ наши искусные мастера Агѣевъ и Батраковъ умудрялись изготовлять все, что требовалось для нуждъ экспедиціи и для постройки дома.

Къ постройкѣ дома было приступлено съ первыхъ же дней нашего выхода на берегъ. Въ этой постройкѣ заключалась главная работа перваго періода нашей жизни на зимовьѣ.

Для этихъ работъ громадное значеніе имѣли волы, которыхъ у насъ было нѣсколько. Въ работу волы употреблялись не парами, а въ одиночку; если же одинъ не могъ справиться съ тяжестью, то подпрягался на помощь другой не рядомъ, а впереди, и волы шли гуськомъ по узенькимъ, протоптаннымъ ими же дорогамъ. Одна партія рабочихъ была занята рубкой деревьевъ и пригтовленіемъ бревень; другая вывозила ихъ изъ лѣсу

къ мѣсту постройки. Предварительно тайга была прочищена подъ дороги для возки бревенъ; но по нимъ нельзя было бы проѣхать на колесахъ, и бревна возили на „волокушахъ“.

Волокуша,—это, кажется, чисто сибирское, таежное изобрѣтеніе. Представьте себѣ пару закругленныхъ кверху оглобель, приче́мъ на концы этихъ закругленій наложенъ толстый деревянный брусъ,—и вы составите себѣ понятіе о волокушѣ. На брусъ взваливается бревно. Волокуши съ привязанными къ нимъ тяжелыми бревнами отлично отшлифовали наскоро проложенныя дороги.

Третья партія рабочихъ занята была самой постройкой.

Такимъ образомъ, работа по постройкѣ шла правильнымъ чередомъ съ перваго дня нашей высадки на берегъ, но подвигалась все-таки медленно.

Волокуша.

Моя работа началась тоже съ момента нашего поселенія въ тайгѣ.

— А ну-ка, тезка, сказалъ мнѣ начальникъ,— посмотримъ, какъ то вы тутъ метеорологическую станцію устроите?—Къ наблюденіямъ-то надо приступить немедленно. Придумайте-ка что-нибудь.

Да, нужно было что-нибудь придумать. Кажется, было бы проще всего построить метеорологическую

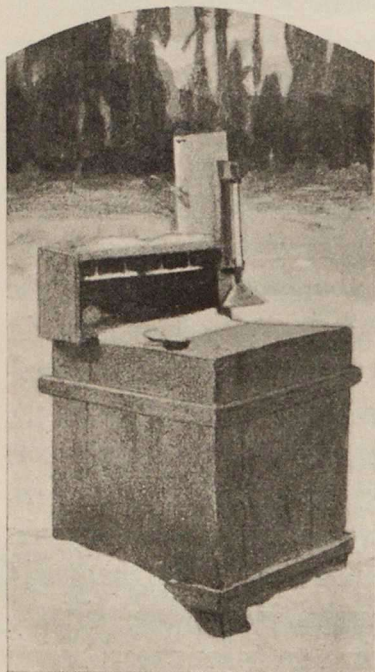

будку по образцу, указанному Главной физической обсерваторіей въ Петербургѣ для станцій 2-го класса 1-го разряда, какую намъ полагалось имѣть; матеріалу для этого въ лѣсу было довольно. Но невозможно было отрывать рабочихъ отъ постройки дома, потому что холода быстро усиливались, и съ домомъ спѣшили, какъ могли. Мы съ дядей отправились въ складъ, гдѣ лежали выгруженные съ парохода ящики и прочая кладь. Складомъ завѣдывалъ штейгеръ, за неимѣніемъ пока дѣла по своей прямой специальности въ шахтахъ. Онъ скоро нашелъ ящики съ нужными намъ инструментами; тутъ были: нормальный термометръ для измѣренія температуры воздуха въ моментъ наблюденія, термометръ максимальный и минимальный для опредѣленія высшей и низшей температуры за время съ момента предыдущаго наблюденія до момента даннаго наблюденія; барометръ анероидъ для опредѣленія давленія атмосферы; психрометръ, опредѣляющій влажность воздуха; дождемѣръ для измѣренія количества осадковъ, выпавшихъ на поверхность земли въ одинъ квадратный футъ.

Я призадумался, какъ устроить станцію. Зато дядя рѣшилъ это очень скоро.

Онъ принесъ и поставилъ на выбранное имъ для станціи мѣсто два большихъ пустыхъ ящика изъ-подъ товара. На больший изъ нихъ мы поставили другой поменьше и продолговатый, повер-

нувь его дномъ къ югу. Внутри этого второго ящика повѣсили на ниткахъ максимальный и минимальный термометры. Такимъ образомъ, инструменты находились исключительно подъ вліяніемъ

Метеорол. станція.
(Съ фотографіи).

температуры воздуха и защищались отъ дѣйствія солнечныхъ лучей боками ящика. Въ этомъ же ящикѣ мы положили и aneroidъ, чтобы его не закидывало снѣгомъ. Что касается нормального термометра, то вокругъ его шарика со спиртомъ былъ металлическій зонтикъ,—поэтому не нужно было устраивать никакихъ приспособленій для защиты его отъ дѣйствія солнечныхъ лучей. На верхній ящикъ я поставилъ и дождемѣръ, т.-е.

цинковое ведро для скопленія снѣга, который потомъ таяли, и количество полученной воды измѣрялось мѣркой съ дѣленіями.

Кромѣ инструментовъ, въ ящикѣ хранилась и луна. Дѣленія максимального и минимального тер-

мометровъ такъ мелки, что нужно очень близко при-сматриваться къ столбику, чтобы точно опредѣлить показываемую температуру. А инструменты эти чрезвычайно чувствительны и быстро измѣняютъ свои показанія не только отъ дыханія, отъ котораго на нѣсколько секундъ можно и удержаться, но даже отъ близости согрѣтаго человѣческаго тѣла. Чтобы устранить такія погрѣшности, показанія этихъ термометровъ разсматриваютъ въ лупу, а чтобы и температура лупы не вліяла на показанія, дядя счелъ за лучшее держать лупу постоянно у самыхъ термометровъ.

Устроивъ, такимъ образомъ, нѣчто въ родѣ метеорологической будки, я приступилъ къ исполненію своихъ обязанностей. Я долженъ былъ три раза въ день записывать показанія всѣхъ инструментовъ и, кромѣ того, направленіе и силу вѣтра, видъ и направленіе движенія облаковъ и облачность, т.-е. какая часть неба покрыта облаками. При тщательномъ и аккуратномъ веденіи наблюденій каждое изъ нихъ требовало около пяти минутъ,—особенно, если приходилось работать при фонарѣ. Всѣ приемы наблюденій до мельчайшихъ подробностей разработаны у насъ Главной физической обсерваторіей въ С.-Петербургѣ и ведутся однообразно во всемъ Россійскомъ Государствѣ. Для меня не составляло большой трудности вести эти наблюденія,—тѣмъ болѣе, что дядя, страстный

любитель метеорологіи, все время руководил мною и общалъ руководить, пока ему не передадутъ завѣдываніе складомъ.

Я, въ свою очередь, долженъ былъ помогать потомъ дядѣ въ завѣдываніи складомъ. Поэтому я и теперь присматривался, какъ тамъ распоряжался штейгеръ, временно завѣдывавшій складомъ, и иногда помогалъ и ему. Немалая это была возня: поминутно, въ теченіе всего дня, приходилось то отмѣривать, то отвѣшивать провизію;—разыскивать ящики съ тѣми или другими инструментами или предметами обихода;—выдавать служащимъ и рабочимъ—кому шапку, кому сахаръ, кому веревки или желѣзо.

Каждому изъ насъ было много дѣла. Сначала штейгеръ, а потомъ дядя завѣдывалъ складомъ, механикъ наблюдалъ за кузнечными работами, одинъ изъ служащихъ провѣрялъ свои астрономическіе инструменты, другой знакомился по картѣ съ мѣстностью, гдѣ предстояло намъ заниматься развѣдками на золото. Особенно много дѣла было рижанину, завѣдующему работами по постройкѣ дома: съ 6 часовъ утра до 6 часовъ вечера онъ или находился на постройкѣ, или, обходя дровосѣковъ, давалъ указанія, какія деревья подваливать и какія бревна изъ нихъ тесать.

Множество дѣла было и доктору. Работа у него не прерывалась: тотъ руку себѣ порѣзалъ, другой

получилъ легкую простуду, а тамъ, смотришь, двое-трое рабочихъ и серьезно заболѣли. Дмитрій Матвѣевичъ присоединился къ намъ въ Олекминскѣ и съ перваго момента своего появленія принялся за дѣло. Энергія и веселость его меня всегда поражали, а теперь въ особенности мнѣ постоянно приходилось удивляться ему. Ко всѣмъ всегда одинаково внимательный, внушающій довѣріе своимъ авторитетнымъ рѣшеніемъ, Дмитрій Матвѣевичъ былъ незамѣнимымъ человѣкомъ среди такой глуши, почти отрѣзанной отъ всего прочаго міра.

Такъ мы и зажили среди труда и дневныхъ заботъ, безъ особенныхъ приключеній,—до тѣхъ поръ, пока не начались отправки поисковыхъ партій.

V.

Шесть часовъ утра.

Громко звучитъ въ утреннемъ морозномъ воздухѣ труба Рудольфа Карловича, призывающая рабочихъ на работу. Обыкновенно эта труба будитъ и меня: ровно въ 7 часовъ я долженъ произвести и записать метеорологическія наблюденія.

Я прислушиваюсь къ звукамъ и голосамъ, которыми начинается жизнь на зимовѣ.

Я слышу, какъ изъ загона, который устроенъ у землянки рабочихъ, Анищенко, Савельевъ, Соро-

кинъ и еще кто-то выводятъ, понукая, замерзшихъ за ночь воловъ, которые еле шевелятся, съ усиленіемъ расправляя свои окоченѣвшія, застывшія въ одномъ положеніи ноги. Погонщики съ трудомъ загоняють воловъ въ оглобли. Раздается поскрипываніе оглобель, поднимаемыхъ съ утоптаннаго снѣга. Мнѣ кажется, что я лежу въ возкѣ... вотъ сейчасъ, послѣ нѣкоторой остановки, перепрягутъ лошадей, и мы поѣдемъ дальше; я начинаю дремать.... Но вотъ какъ разъ мимо нашей палатки проходятъ группы плотниковъ, направляясь къ мѣсту постройки. Скрипятъ ихъ грузные сапоги, доносятся обрывки ихъ разговоровъ.

— Стой, братцы! Кисеть съ табакомъ забылъ!

— Тетеря!

И я слышу, какъ отъ группы кинулся назадъ кто-то изъ рабочихъ.

— Сегодня эту дуру въ гору подымать придется, доносится голосъ хохла Самойличенко, говорящаго, очевидно, о какомъ-нибудь особенно толстомъ бревнѣ.

— Поды-имешь! внушительно-успокоительнымъ тономъ, нараспѣвъ, отвѣчаетъ ему товарищъ.

Вотъ раздается раскатистый смѣхъ Михайлы, съ которымъ идетъ его вѣчный товарищъ по работѣ, силачъ Ульянинъ, рассказывающій что-то. Пока я стараюсь уловить смыслъ его замысловатыхъ рѣчей, со стороны постройки раздается первый ударъ

топора о мерзлое дерево. А тамъ другой, третій. Съ каждымъ моментомъ число ударовъ возрастаетъ; къ нимъ присоединяется визгъ пилы и удары деревяннаго молотка по долоту.

Въ противоположномъ концѣ зимовья другая, тоже своеобразная музыка. Это норвежець Гансенъ, уже проснувшійся и выскочившій изъ своей палатки, играетъ со своей собакой, заставляя ее продѣлывать эквилибристическія упражненія, бѣгать и кидаться къ нему на грудь. Послѣ этого собака, не привыкшая къ сибирскому холоду, перестаетъ дрожать, а у ея хозяина разгораются щеки.

Между тѣмъ гудко разносятся въ лѣсу удары топоровъ дровосѣковъ; начинаютъ поскрипывать и волокуши, везущія свои первыя бревна. Скрипъ все приближается, и въ щелку между дверью-войлокомъ и брезентомъ я вижу, какъ бычище «Ванька», пыхтя, кряхтя и изрѣдка оступаясь, протаскиваетъ къ мѣсту постройки бревно необычайной длины и толщины. Хвастунишка Анищенко гикаетъ, замысловато похлестываетъ быка, подергиваетъ его за поводъ, перебѣгаетъ съ одной стороны волокуши на другую, желая этимъ обратить вниманіе всего крещенаго міра на то, съ какимъ необыкновеннымъ умѣніемъ онъ заставляетъ животное тащить огромную тяжесть. Черезъ нѣсколько минутъ такимъ же точно порядкомъ, какъ въ пано-

рамѣ, проходить передо мной флегматичный хохоль Игнатъ, ограничивающійся традиціоннымъ «цобѣ, цобе» и легкимъ похлестываніемъ быка, но дѣлающій свое дѣло нисколько не хуже Анищенки.

То тамъ, то здѣсь, то у одной палатки, то у другой слышится раскалываніе дровъ, и спеціальные служители разводятъ вездѣ костры. Такіе же звуки слышатся и у палатки-кухни.

Изъ всего этого я заключаю, что времени прошло уже немало. Степанъ Расторгуевъ, осторожно подошедшій къ нашей палаткѣ, начинаетъ усиливать огонь на нашемъ кострѣ и тихонько окликаетъ дядю.

— Николай Алексѣевичъ! Кажется, пора вставать.

— Я ужъ проснулся, отвѣчаетъ дядя:— чай готовъ?

— Готовъ. Бѣличъ какія-то модныя олады готовить къ чаю.

«Модныя» значитъ «особенныя» на областномъ нарѣчій русскихъ якутянъ.

Олады, да еще модныя, это—очень недурная вещь. А Бѣличъ, нашъ поваръ, какъ истый хохоль, обладаетъ удивительной способностью сдѣлать что-нибудь необыкновенно вкусное, если въ его распоряженіи имѣется горсть муки съ какимъ-нибудь снадобьемъ въ родѣ масла, сахара, яицъ.

Послѣ ночи, проведенной на морозѣ, горячія

олады съ чаемъ являются для меня серіознымъ побужденіемъ, чтобы поторопиться встать съ постели. Я вытаскиваю изъ-подъ подушки часы, которые прячу тамъ на ночь, чтобы они не остановились отъ холода. Скоро семь часовъ. 5 минутъ слишкомъ достаточно, чтобы одѣться. На морозѣ не станешь потягиваться да почесываться, а постарайся одѣться какъ можно быстрѣе.

Я рѣшительно сбрасываю съ себя мѣховое одѣяло, моментально натягиваю на ноги теплыя панталоны и вставляю ноги въ валенки. Схвативши въ руки жилетъ и шведскую куртку, я выскакиваю изъ палатки къ костру и тутъ доканчиваю свой туалетъ. Дядя продѣлываетъ то же самое съ той только разницей, что у него всю ночь на головѣ остается шапка, чтобы не простудить лысину, а я свою шапку кладу вмѣстѣ съ часами подъ подушку. Дядя никогда не разставался со своей шапкой: въ ней выходилъ, въ ней шилъ и ѣлъ, въ ней и спалъ, и снималъ ее лишь на одну минуту, пока мылся.

Расторгуевъ приготовилъ у костра теплой воды для умыванья. Пока дядя умывался, я сбѣгалъ къ своей метеорологической станціи и записалъ, что ночью было 22° ниже нуля, а теперь 18°. Прибѣгаю назадъ,—дядя уже умылся и причесался, и я приступаю къ умыванью.

Расторгуевъ льетъ мнѣ на руки теплую, почти горячую воду, которая моментально охлаждается.

Я тщательно намыливаю руки по локоть, мылю лицо и шею и смываю мыло теплой водой, которая замерзаетъ, если на секунду перестать тереть себя или отнять отъ лица полотенце, схваченное скорѣй для вытиранія. Вытираться нужно непременно досуха, чтобы оставшаяся влага не замерзла на рукахъ или лицѣ. Мокрое полотенце, торчащее коломъ, я бросаю на сосѣдную березу: за день, несмотря на морозъ, ледъ, пропитывающій поры ткани, испарится, какъ будто это былъ не ледъ, а вода.

Со спокойной совѣстью я могу теперь отправиться къ гостепріимному Рудольфу Карловичу пить чай.

Около его палатки установленъ наскоро сколоченный плотниками столъ, за которымъ мы пьемъ чай и обѣдаемъ. Дядя уже сидитъ за столомъ, вмѣстѣ съ Рудольфомъ Карловичемъ; они встрѣчаютъ меня приглашеніемъ отдать честь горячимъ оладьямъ Бѣлича. На столѣ появляются сковородки съ шипящими оладьями. Горячій чай и горячія оладьи, это—спасеніе для озябшаго человѣка. Всѣ съ жадностью накидываются на то и на другое. Чаепитіе продолжается долго. Въ разное время встаютъ служащіе, и для каждаго новаго лица подогрѣвается самоваръ и пекутся оладьи.

Я не досиживаю до конца чаепитія: у меня есть всегда какое-нибудь неотложное дѣло. Въ тотъ день, о которомъ идетъ рѣчь, дѣло явилось

совершенно неожиданно. Я только собрался уходить, рассчитывая заглянуть къ Дмитрію Матвѣвичу и помочь ему развѣсить хину, какъ подошелъ къ чайному столу начальникъ и, поздоровавшись со всѣми, сказалъ дядѣ:

— Ну-съ, Николай Алексѣвичъ, сообщу вамъ новость. Вслѣдъ за мной отправится партія Григорія Александровича, а вы ужъ примите отъ него складъ.

Григорій Александровичъ—нашъ штейгеръ.

— А вы, Сергѣй Аристарховичъ, уже рѣшили день своего отъѣзда?

— Какъ же, рѣшилъ: ѣду завтра.

— Неужели завтра? вскрикнули всѣ.

Начальникъ улыбается.

— Да, завтра, говоритъ онъ:—нечего мнѣ тутъ дѣлать.

— Но вѣдь надо же собраться!

— А вотъ Николай Алексѣвичъ, опытный человѣкъ, займется снаряженіемъ моего транспорта, а тезка ему поможетъ.

Сергѣй Аристарховичъ ласково потрепалъ меня по плечу.

Всѣ уже привыкли къ тому, что начальникъ быстро рѣшаетъ вопросы и еще быстрее приводитъ ихъ въ исполненіе. Мнѣ это въ немъ ужасно нравилось. Да и вообще я скоро сдѣлался его горячимъ поклонникомъ. Онъ не останавливался передъ ли-

шеніями. Горный инженеръ по образованію, онъ обладалъ недюжинными познаніями въ области естественныхъ наукъ вообще и горѣль жаждой новыхъ знаній въ иныхъ сферахъ. Его занимало примѣненіе въ практикѣ научныхъ знаній. Онъ накидывался и на геодезію, и на астрономію, и на метеорологію. Онъ задался цѣлью составить карту мѣстности, которую посѣтитъ экспедиція. Онъ имѣлъ въ виду лично и при помощи прочихъ членовъ экспедиціи производить всюду маршрутную съемку, опредѣлить нѣсколько пунктовъ астрономически, т. е. ихъ широту и долготу, собрать какъ можно больше метеорологическихъ данныхъ.

Мы съ дядей немедленно отправились принимать складъ отъ Григорія Александровича, тоже еще очень молодого и симпатичнаго человѣка. Онъ получилъ среднее образованіе, поэтому былъ штейгеромъ, который по отношенію къ горному инженеру—то же, что фельдшеръ—по отношенію къ врачу. Онъ, кажется, былъ весьма доволенъ предстоящимъ путешествіемъ вслѣдъ за начальникомъ.

До обѣда мы успѣли принять складъ. Обязанность завѣдующаго складомъ, или, какъ его иначе называютъ на пріискахъ, «матеріальнаго», заключается въ томъ, чтобы въ назначенные часы выдавать изъ склада продукты, одежду, матеріалы для работъ и вести записи выдаваемого. У каждого рабочаго на рукахъ были расчетныя книжки, куда вписывался

его заборъ изъ склада и получаемя въ счетъ жалованья деньги. Денегъ, конечно, никто изъ рабочихъ на руки не бралъ, такъ какъ въ тайгѣ некуда ихъ тратить; но отъ имени рабочихъ съ каждой отходящей почтой посылались деньги на родину для содержанія семьи, для уплаты податей и долговъ. Кромѣ вписыванія въ заборную книжку, нужно было занести заборъ каждого изъ рабочихъ въ расчетную книгу, которая находилась на рукахъ у матеріальнаго, а также записать по рубрикамъ проданный товаръ въ особую книгу. Точно также велись записи расхода товара, матеріала и припасовъ, отпускаемыхъ на продовольствіе обитателей зимовья, на производство работъ и на заготовку и починку инструментовъ.

Съ Григоріемъ Александровичемъ мы покончили какъ разъ къ тому времени, какъ прозвучала вторая труба. Съ мѣста постройки рабочіе шумной толпой направились къ своей землянкѣ. Вслѣдъ за тѣмъ изъ разныхъ концовъ лѣса торопливо задвигались къ зимовью дровосѣки и погонщики быковъ. Быки также плелись къ своимъ загонамъ, предвкушая сладкій отдыхъ и хорошую пищу. Обыкновенно погонщики выпрягали скотину въ томъ мѣстѣ, гдѣ ихъ заставляли звуки трубы, призывающей къ обѣду. Животныя такъ привыкли понимать значеніе звуковъ трубы, что нѣкоторые изъ нихъ сами останавливались, едва заслышавъ

трубу, и, хоть убей, они не тронутся дальше ни на одну сажень. Мы торопимся закончить свое дѣло, зная, что тотчасъ послѣ своего обѣда толпа рабочихъ обступитъ насъ со всѣхъ сторонъ съ просьбой отпустить изъ склада тотъ или другой предметъ.

Дѣйствительно, едва мы кончили, какъ одинъ за другимъ стали подходить къ намъ рабочіе съ различными просьбами. Мотузкѣ дай табаку, «который покрѣпче, позабористѣе»; у Михайлова продрались рукавицы,—и онъ вынимаетъ изъ рогожного куля пару за парой, рассчитывая найти такія, которымъ износу не будетъ; Анищенко покорнѣйше проситъ отпустить ему кусокъ кожи, чтобы сдѣлать изъ нея такую плетку, подъ ударами которой самый лѣнивый волъ на зимовѣ станетъ бѣжать чуть не вскачь съ какой угодно тяжестью на волокушѣ. Дядя спѣшитъ удовлетворить каждого по мѣрѣ силъ и возможности и согласуясь съ инструкціями. Я удивляюсь, съ какимъ терпѣніемъ дядя 'выслушиваетъ, удовлетворяетъ каждого.

Сегодня въ 12 часовъ дядѣ предстоитъ интересное астрономическое наблюденіе, при которомъ и я долженъ присутствовать. Мои опасенія, что мы опоздаемъ, что рабочіе задержать насъ у склада, оказались напрасны. Минутъ за 10 до полуденной трубы толпа рабочихъ вокругъ насъ начинаетъ рѣдѣть: каждому изъ нихъ нужно кой-что еще «справить», прежде чѣмъ выйти на работу. Въ

то же время я слышу звучный голос норвежца, зовущаго дядю.

Солнце приближается къ зениту и яркими лучами обливаетъ все наше становище. На небѣ—ни облачка.

На выровненномъ пнѣ дерева, срубленнаго недавно, дядя и Гансенъ раскладываютъ книги и инструменты: эфемериды, т.-е. таблицы, показывающія «склоненіе» небесныхъ свѣтилъ для каждаго дня того года, когда нашей экспедиціи пришлось работать; практическое руководство къ опредѣленію долготы и широты; секстантъ, искусственный горизонтъ-зеркало, хронометръ. Здѣсь же подъ руками и записная книжка съ карандашомъ, очиненнымъ съ обоихъ концовъ. Гансенъ тщательно устанавливаетъ зеркало-горизонтъ, провѣряя посредствомъ очень чувствительнаго уровня горизонтальность положенія, вынимаетъ изъ футляра секстантъ, протираетъ въ немъ стекла и зеркала. Я вооружаюсь карандашомъ и приступаю записывать данныя въ книжкѣ, лежащей на пнѣ. Дядя открываетъ футляръ съ хронометромъ. На насъ глянулъ блестящій циферблатъ, и передъ моими глазами забѣгала секундная стрѣлка. Обыкновенные серебряные часы съ одной крышкой,—а стоятъ 450 руб.! Это—потому, что регуляторы въ нихъ доведены до такого совершенства, что секундная стрѣлка движется почти съ абсолютной равно-

мѣрностью. Гансенъ поднимаетъ секстанъ и наводитъ его на солнце. Я настораживаюсь, готовясь записать. Дядя пристально смотритъ на хронометръ.

Дядя диктуетъ показаніе хронометра. Я записываю. Въ то же время Гансенъ успѣлъ разглядѣть въ лупу и диктуетъ отсчетъ своего инструмента.

Мы работали $\frac{1}{4}$ часа, напрягая вниманіе и слухъ. Гансенъ не можетъ оторвать глазъ отъ окуляра секстана ни на одну секунду, дядя напряженно слѣдитъ за секундной стрѣлкой.

Между тѣмъ, у обѣденнаго стола раздаются нетерпѣливые окрики. Всѣ ждутъ, когда мы кончимъ свои манипуляціи. Наконецъ, готово,—идемъ обѣдать.

Къ столу собираются дружной семьей всѣ служащіе. Всѣ знали, что сегодня у дяди съ Гансеномъ экстренное занятіе. Обыкновенно въ 5 минутъ перваго, когда Бѣличъ доложить Рудольфу Карловичу, что обѣдъ готовъ, раздается условный трубный сигналъ, по которому къ столу собираются всѣ служащіе. Сегодня, хотя и позже, собрались всѣ, не ожидая трубы.

За обѣдомъ идетъ неумолкаемый разговоръ. Одинъ дѣлится впечатлѣніями дня, другой излагаетъ свои соображенія на счетъ будущаго, третій вспоминаетъ что-нибудь изъ прошлаго; заходитъ часто рѣчь о практическихъ пріемахъ научныхъ

изслѣдованій; сообщается, кто что вычиталъ о мѣстности, которую намъ придется посѣтить. Конечно, все это пересышается шутками и островами.

Сегодня къ обѣду Бѣличъ ухитрился сварить малороссійскій борщъ. Отъ миски валилъ такой паръ, что не видно лица *vis-à-vis*; но, налитый

На зимовѣ.

въ тарелки, борщъ моментально остывалъ, и если кто желалъ налить себѣ вторую тарелку борща, то его приходилось отправлять къ костру подогревать. Еще хуже обстояло дѣло съ котлетами: масло на тарелкѣ моментально застывало.

— Придется намъ подогревать тарелки, особенно къ ужину; неправда ли, господа? замѣтилъ начальникъ.

Всѣ согласились.

— Бѣличъ! окликнулъ Рудольфъ Карловичъ:— впередъ подавай горячія тарелки...

Я вспоминаю, что мнѣ пора бѣжать на метеорологическую станцію, такъ какъ безъ 5 минутъ часъ. Я иду въ палатку за тетрадью. Такими тетрадями снабдила насъ въ громадномъ количествѣ Главная физическая обсерваторія. Записавъ показанія метеорологическихъ инструментовъ, я опять присоединился къ обществу, которое сидитъ еще за послѣобѣденнымъ чаемъ. Всѣ что-то ужасно шумятъ и спорятъ.

— Господа! заговорилъ начальникъ, стараясь перекричать доктора и механика, спорящихъ о чемъ-то.—Господа! я припоминаю, что сегодня именины моей бабушки.

Не ожидая продолженія столь неожиданнаго сообщенія, длиннобородый, очень положительнаго характера топографъ, медленно вытаскиваетъ изъ кармана записную книжку съ календаремъ и свѣтцами и спрашиваетъ:

— А позвольте узнать, какъ звали вашу бабушку?

Такого оборота начальникъ не ожидалъ, но не смутился и отвѣтилъ:

— Ее звали... Гликерія.

— Такой сегодня нѣтъ.

— Ну, такъ, можетъ-быть, Меланія.

— И такой нѣтъ.

— А впрочемъ,—Богъ съ ней, какъ ее звали. Но была она почтенная старушка и прекрасно готовила всякія варенья, соленья и печенья. Поэтому, я предлагаю въ честь ея, хоть она сегодня и не именинница, полакомиться ананасомъ.

— Ура!! закричала компанія, а Григорій Александровичъ поднялся съ мѣста и пошелъ достать изъ склада жестянку съ ананасомъ.

Жестяная, герметически закупоренная банка была вскрыта и по края опущена въ кипятокъ. Черезъ $\frac{1}{4}$ часа на блюдцѣ передъ каждымъ изъ насъ лежало по ломтику ароматичнаго плода, сорваннаго нѣсколько лѣтъ тому назадъ за нѣсколько тысячъ верстъ отъ того мѣста, гдѣ мы его теперь ѣли.

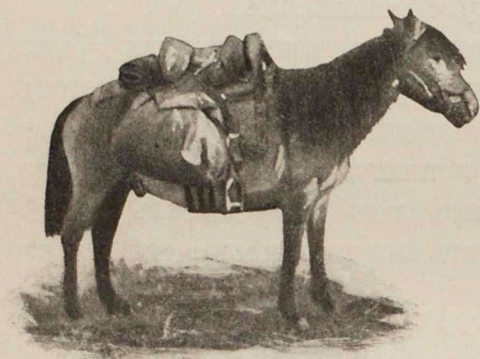
VI.

Послѣ обѣда мы пошли съ начальникомъ въ его палатку, которая была устроена также Расторгуевымъ и по тому же типу, что и наша; но начальникъ располагалъ бѣльшими средствами, снаряжаясь въ экспедицію въ Петербургъ, поэтому все у него было удобнѣе и лучшаго качества, начиная съ одежды и кончая дорожнымъ несесеромъ.

Тутъ же въ палаткѣ былъ столъ, устроенный

изъ пустыхъ ящиковъ, за которымъ мы и уѣлисъ для совѣщанія о снаряженіи въ путь партіи начальника.

Сергѣй Аристарховичъ рѣшилъ взять съ собою Расторгуева, одного конюха и тонгуса, какъ проводника при перевалѣ изъ долины рѣки Олекмы въ долину рѣки Амги. Лошадей рѣшили снарядить шесть: двухъ верховыхъ и четырехъ подъ кладъ.

Якутскій конь подъ сѣдломъ и съ
переметными сумами.
(Съ фотографіи).

Проводнику, изъ экономіи нашихъ средствъ передвиженія, лошади рѣшили не давать: для тонгуса пройти пѣшкомъ 100—150 верстъ по проторенной дорогѣ — пріятная прогулка, — до

такой степени. Этотъ народъ привыкъ къ ходьбѣ, проводя всю зиму въ передвиженіяхъ по тайгѣ на лыжахъ во время охоты на пушныхъ звѣрей.

Въ то время какъ мы съ дядей составляли списокъ вещей, которыя необходимо было взять съ собою начальнику, вдругъ издалека стали доноситься до насъ какіе-то необыкновенные звуки.

— Что бы это могло быть? спрашивали мы

другъ друга:—не тонгусы ли прикочевываютъ къ намъ?..

Намъ стоило только вытти изъ палатки, чтобы узнать, въ чемъ дѣло. Оказалось, что подрядчикъ съ работниками-тонгусами гонить къ зимовью закупленныхъ у него для экспедиціи оленей.

Вотъ мелькнули между деревьями развѣсистые рога матерого оленя; вотъ вдругъ обрисовалась и вся его фигура,—онъ шелъ спокойной, увѣренной поступью, лишь изрѣдка останавливаясь, какъ бы поджидая товарищей. Вотъ изъ-за спины старого оленя вырвался впередъ теле-ночекъ,—остановившись на мгновѣніе, какъ вкопанный, онъ вдругъ стремительно кинулся со всѣхъ ногъ назадъ, граціозно приподнявъ вверхъ мордочку и закинувъ на спину свои молодые рога. Вотъ въ долину спускаются олени всѣхъ мастей и возрастовъ, и кажется, будто на насъ идетъ цѣлый лѣсъ роговъ.

Не прошло и пяти минутъ, какъ по всему зимовью разсыпалось полторы сотни животныхъ, которыхъ многіе обитатели зимовья увидали на свободѣ въ первый разъ въ жизни. Зимовье наполнилось звуками бубенчиковъ и колокольцовъ, кото-

Якутское сѣдло.

рые мотались на шеяхъ большинства оленей, звуками характернаго хрюканья оленей и стукомъ ихъ копытъ о мерзлую землю. Съ десятокъ оленей покрупнѣе, пришедшихъ съ выюками и подъ верхомъ, погонщики привязали къ деревьямъ, а остальная масса шныряла туда и сюда, по видимому, не чувствуя ни малѣйшей усталости отъ перегона въ четыреста верстъ.

Аленка.
(Съ фотографіи).

Погонщики оленей — тонгусы, съ грѣхомъ пополамъ говорящіе по-русски, собрали вокругъ себя группы рабочихъ и завязали съ ними оживленный разговоръ. Посреди стояла 18-тилѣтняя тонгуска рядомъ со своимъ пожилымъ мужемъ. Тонгуска Аленка была одѣта по-зимнему, —

въ широкой шубѣ и въ громадномъ тепломъ платкѣ на головѣ. Маленькаго роста, стройная, Аленка казалась толстымъ обрубокѣмъ, благодаря навьюченной на нее одеждѣ. Но она съ такимъ уморительнымъ усердіемъ курила свою трубку, такъ скалила свои бѣлые, какъ слоновою костью, зубы, такъ заразительно дѣйствовала на окружающихъ своимъ раскатистымъ, звонкимъ смѣхомъ,

что скоро сдѣлалась центромъ самой оживленной группы.

Не менѣе рабочихъ, и мы всѣ заинтересовались оленями. Кто гладилъ оленя и щупаль его рога; кто кормилъ изъ рукъ сухарями и солью; кто гналъ оленя хворостиной, чтобы полюбоваться, какъ свободно и граціозно онъ скачетъ по сугробамъ снѣга; кто пытался усѣсться верхомъ на оленя. Я, конечно, приложилъ всѣ мои старанія, чтобы прокатиться верхомъ, но—увы!—весьма неудачно. Да и съ прочими желающими поѣздить происходила масса куріозовъ.

Дядя объяснилъ мнѣ, что непривычному человѣку вовсе не такъ легко усидѣть верхомъ на оленѣ, когда онъ бѣжитъ. Олень—очень хрупкое животное, на спинѣ онъ не можетъ выдержать тяжести человѣка, и сѣдло приходится накладывать на лопатки оленя; тогда главная тяжесть будетъ поддерживаться не спиннымъ хребтомъ, а передними ногами. Но бѣда въ томъ, что на лопаткахъ кожа животного очень подвижна, такъ что усидѣть непривычному человѣку ужасно трудно, — тѣмъ болѣе, что никакихъ стремянъ у сѣдла нѣтъ.

Мало-по-малу вся суэта улеглась. У каждого и безъ того было много своего дѣла, а приходъ оленей прибавилъ еще лишнихъ хлопотъ. Многіе кинулись писать письма и готовить порученія подрядчику, который на другой день уѣзжалъ съ зимовья

обратно въ г. Олекминскъ. Мы съ дядей отправились въ складъ отбирать и укладывать все необходимое для партіи начальника.

Едва успѣли мы приступить къ работѣ, какъ Сергѣй Аристарховичъ прислалъ за дядей и поручилъ ему, какъ свободно говорящему по-якутски,

Никифоръ.
(Съ фотографіи).

вести переговоры съ подрядчикомъ Никифоромъ, жившимъ верстахъ въ 100 отъ Олекминска. Нужно было условиться съ нимъ о поддержаніи ежемѣсячнаго сообщенія между городомъ и экспедиціей, о доставкѣ въ зимовье мяса, о наймѣ погонщиковъ оленей и т. под. Всѣ пришедшіе съ Никифоромъ погонщики

находились въ полной зависимости отъ Никифора, который даже требовалъ, чтобы жалованье нанятыхъ экспедиціей тонгусовъ отдавалось ему за долги. Но начальникъ запротестовалъ противъ этого, и Никифору пришлось согласиться на то, чтобы погонщики постепенно, по мѣрѣ возможности, сами уплачивали ему свои долги. Давъ Никифору крупный задатокъ и покончивъ съ нимъ

всѣ переговоры, дядя поспѣшилъ со мной въ складъ продолжать начатую работу.

Мы взяли съ собой одного рабочаго и стали паковать и увязывать тюки. Намъ необходимо было составить точный списокъ всего, что мы укладывали, чтобы путешественники не тратили среди мороза въ тайгѣ напрасно времени и силы, отыскивая нужные имъ предметы. На выючную лошадь обыкновенно кладутъ по 2¹/₂ пуда на каждую сторону выюка и ¹/₂ пуда — въ промежуткѣ. И мы должны были придерживаться этой нормы, распредѣляя и записывая каждую мелочь съ указаніемъ, гдѣ именно она лежитъ. Только при такой точности и можетъ путникъ отыскать въ дорогѣ довольно быстро то, что ему понадобится въ тотъ или другой моментъ.

Наша работа приходила уже къ концу, когда угольщикъ Савельевъ, проходя мимо насъ съ закомпѣлымъ лицомъ и руками, весь выпачканный углемъ, сообщилъ на ходу, что на рѣчкѣ утки.

— Да, пока ты шелъ сюда, онѣ уже улетѣли! сказалъ дядя.

— Нѣтъ, Николай Алексѣевичъ, жировать прилетѣли.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Ей-Богу, вѣрно.

«Жируютъ» утки, когда онѣ подъ вечеръ са-

дятся на ночлегъ и, успокоившись, наѣдаются вволю. Занятые ѣдой, онѣ легче поддаются «скрадыванію» охотника.

Послѣднее тѣмъ болѣе справедливо для времени, когда остается свободною ото льда только быстро текущая вода. Такъ было именно и у насъ въ описываемый моментъ. Рѣка Олекма давно уже стала; но ея притокъ, впадающій въ нее саженьяхъ въ 100 повыше нашего зимовья, еще шумно катилъ свои воды, и только по берегамъ образовались толстые «забереги»,—ледяная кора. И не мудрено: ручей этотъ скатывалъ свои воды съ замѣтной на глазъ высоты, въ нѣсколькихъ мѣстахъ превращаясь въ маленькіе водопады. Не октябрьскимъ, хотя бы и Якутскаго края, морозамъ сковать ледянымъ покровомъ бурную и шумную стихію! И вотъ, запоздалыя и изголодавшіяся утки, тщетно ища къ вечеру на своемъ пути во время перелета на югъ свободной воды, вдругъ пролетаютъ мѣстомъ, гдѣ шумитъ вода. Естественно, что, утомленные и изголодавшіяся больше обыкновеннаго, онѣ больше обыкновеннаго и увлекаются добываніемъ себѣ здѣсь пищи, а потому становятся неспособными проявлять свою обычную осторожность.

Дядя велѣлъ мнѣ сбѣгать въ палатку за ружьями и догнать его у угольныхъ ямъ.

На пути, близъ угольныхъ ямъ, мы перекинулись

на ходу нѣсколькими словами съ угольщиками, которые подтвердили намъ, что утки полощутся неподалеку. Онѣ, очевидно, уже успѣли освоиться съ движеніемъ, происходившимъ около угольныхъ ямъ, и потому сидѣли довольно смирно, когда мы направились въ ихъ сторону. Скоро, однако, онѣ начали настораживаться. Мы согнулись и продолжали идти на нихъ, стараясь ступать какъ можно мягче, тщательно избѣгая задѣвать сучья. Но и этого было недостаточно: пришлось подвигаться ползкомъ.

Кусты, которые скрывали насъ отъ утокъ, стали рѣдѣть. Боясь, что утки увидятъ насъ, мы рѣшили примоститься за большимъ валуномъ саженьяхъ въ 20 отъ утокъ и намѣтить, не торопясь, свои жертвы. Я очень долго прицѣливался. Наконецъ, грянулъ выстрѣлъ, огласившій окрестныя долины многократнымъ эхо.

Едва я успѣлъ разглядѣть, что подстрѣленная мною утка повернулась вверхъ своимъ бѣлымъ брюшкомъ и, безпомощно сносимая теченіемъ, болтаетъ въ предсмертной агоніи лапами, какъ надо мною

Почитай, что разомъ гранули
Два ружейные ствола.

Это дядя послалъ улетавшимъ прочь уткамъ свою порцію свинца, и одна изъ стада, какъ шапка, грохнулась о-земь въ то время, когда,

взявшія напрямикъ, утки пролетали надъ нашимъ берегомъ.

— Не ушла бы въ лѣсъ, — замѣтилъ дядя, вскидывая на плечи ружье. — Я пойду — подберу свою утку, а ты вылавливай изъ воды свою... Безъ выдержки мы стрѣляли: можно было штукъ пять взять. А то — три выстрѣла и всего пара утокъ!

Съ этими словами дядя отправился къ мѣсту паденія утки и, быстро нашедши и показавши ее мнѣ, ею же махнулъ въ сторону зимовья, давая мнѣ знать, что онъ уходитъ туда.

Я спустился къ рѣкѣ. Перескочивши по каменьямъ на средину рѣчушки, я сталъ на валунъ, ожидая, когда теченіе принесетъ мнѣ мою утку. Скоро я увидѣлъ, какъ быстрое теченіе несетъ утку съ распростертыми уже крыльями. Вотъ она, временами задѣвая за валуны, уже близко отъ меня; но громадный валунъ, на которомъ я стою, заслоняетъ ее отъ меня.

Я зорко смотрю по правую и по лѣвую сторону валуна, чтобы при появленіи утки успѣть ее перехватить... Но прошло, вѣдь, ужъ гораздо болѣе времени, чѣмъ сколько нужно для того, чтобы утка обогнула валунъ, — а ея нѣтъ! Что бы это значило?

Я ложусь на валунъ, перегибаюсь на немъ, на сколько возможно, заглядываю подъ него. И что

же?—Оказывается, что теченіе забило мою утку въ углубленіе валуна, промытое водою, и она тамъ толкается то въ одну, то въ другую сторону. Было ясно, что я могу прождать своей утки неопредѣленно долгое время, такъ какъ только какая-нибудь случайность могла вытолкнуть утку изъ ея заключенія и заставить плыть дальше.

Нечего дѣлать: пришлось разуться и лѣзть за уткой въ воду.

Холодно, нестерпимо холодно! Ледяная вода, какъ иглами, пронизываетъ тѣло. Но дядя уже давно научилъ меня, что гораздо лучше испытать это и черезъ минуту, вытеревъ ноги, обуться въ сухіе чулки и сапоги, нежели промочить обувь и идти въ замерзающей на морозѣ сырой обуви. Я такъ и сдѣлалъ.

Быстро обувшись, я съ своимъ трофеемъ направился въ припрыжку къ зимовью.

Хотя я и согрѣлся, пробѣжавъ, что есть мочи, саженой 30—40, но дядя, узнавъ о моемъ купаньи, позвалъ меня къ столу, гдѣ уже готовъ былъ чай, и заставилъ меня выпить стаканъ горячаго чая съ ромомъ.

Между тѣмъ, прозвучала труба, приглашавшая рабочихъ шабанить. Потянулись къ зимовью одинъ за другимъ кузнецы, плотники, погонщики быковъ и угольщики.

Вотъ стало замѣтно темнѣть. Ярче выдѣляется

на темномъ фонѣ окружающей тайги огонь нашихъ костровъ, въ которые все усерднѣе и усерднѣе подбрасываются сухія колоды. Вечерній холодъ охватываетъ все существо, и все чаще подбѣгаешь къ костру согрѣть коченѣющіе пальцы рукъ, уже еле способные выводить каракули карандашомъ въ записной книжкѣ.

Къ 8 часамъ работы вездѣ прекращаются. Въ землянкѣ рабочихъ слышится громкій разговоръ, смѣхъ,—затянули и пѣсню. Тонгусы-проводники давно уже разбили себѣ палатку и, утомленные своимъ путешествіемъ, укладываются спать, плотно поужинавъ впервые за все время своей жизни на хлѣбахъ Никифора.

И мы, намаявшись за день, собрались у палатки Рудольфа Карловича, готовясь ужинать. Скоро на столѣ передъ каждымъ изъ насъ появились горячія тарелки съ котлетами и кусочками дичины, убитой мною и дядей. Поданы были и огурцы,—но въ какомъ видѣ! Замерзнувъ въ кадкахъ, огурцы ломались на мелкіе куски при первомъ прикосновеніи къ нимъ, а при размораживаніи выходило всегда такъ, что съ одной стороны кусокъ огурца оказывался горячимъ, а съ другой—мерзлымъ. Но этимъ, конечно, никто не смущался: пріятно было, хоть и въ такомъ видѣ, съѣсть чего-нибудь кислаго. Хлѣбъ тоже не удавалось разогрѣть у костра, какъ слѣдуетъ, и выходило такъ, что поверхностью

калacha или хлѣба обжигашь себѣ губы, а середина такъ холодна, что зубы щемить. Ъду запили кievской запеканкой и принялись за чай. Тутъ какъ то всѣ повеселѣли: начались шутки, остроты; механикъ принесъ гитару, а одинъ изъ инженеровъ—очень хорошую гармонію, и, несмотря на морозъ, начались музыка и пѣніе...

Мнѣ пора итти на свою импровизированную станцію. За 3 минуты до 9 часовъ я стою съ зажженнымъ фонаремъ у термометровъ, чтобы ровно въ девять часовъ записать показаніе нормальнаго термометра, какъ это требуется инструкціей Главной физической обсерваторіи. Кончивъ свое дѣло и простившись со всѣми, я иду спать.

При свѣтѣ стеариновой свѣчи я быстро сбрасываю одежду и залѣзаю подъ одѣяло. Въ первую минуту чувствуешь, какъ тѣло начинаетъ холодѣть, затѣмъ дрожишь всѣми членами; но еще мгновение,—и медвѣжье одѣяло и заячья подстилка принимаютъ температуру моего тѣла, и я совершенно не ощущаю холода. Дальше—не страшно: плохіе проводники тепла, мѣха, въ которые я укутанъ, не пропускаютъ наружу теплоты, развивающейся въ моемъ организмѣ,—и я сладко засыпаю подъ трескъ огня на кострѣ, подъ скрипъ снѣга, подъ говоръ голосовъ и прочихъ звуковъ не совсѣмъ еще успокоившагося зимовья.

VII.

На другой день мы все поднялись очень рано, чтобы проводить начальника въ невѣдомый путь. Всею гурьбой вышли мы провожать товарищей и только верстахъ въ 3 отъ зимовья распрощались съ отъѣзжающими.

Сергѣй Аристарховичъ распорядился, чтобы черезъ 3 дня послѣ него двинулась по его слѣдамъ первая развѣдочная партія, подъ начальствомъ Григорія Александровича, въ составѣ механика, топографа и нѣсколькихъ рабочихъ. Эта партія должна была слѣдовать точно тому пути, по которому прошелъ начальникъ. Возвращаясь назадъ по своимъ слѣдамъ, Сергѣй Аристарховичъ намѣренъ былъ встрѣтить партію и дать ей указанія, гдѣ основать поисковый станъ, чтобы приступить къ развѣдкамъ на золото.

Снаряженіе этой первой поисковой партіи представляло для дяди особенно много хлопотъ.

Партіи нужно было забрать съ собою и инструменты, и матеріаль, и немало провизіи. До возвращенія начальника даже приблизительно нельзя было опредѣлить, насколько труденъ и продолжителенъ будетъ путь до мѣста предполагаемыхъ работъ, какъ мы съ зимовья будемъ удовлетворять ушедшихъ товарищей провіантомъ и матеріалами;

поэтому, партія должна была взять съ собой солидные запасы.

Кромѣ того, транспортъ отправлялся не на лошадахъ, а на оленяхъ, а саней можно было отпустить не болѣе семи, такъ что 30 оленей должны были итти подъ выюками. Средній олень поднимаетъ всего какихъ-нибудь два пуда. Намъ нужно было 60—70 пудовъ самой разнообразной клади разложить на пудовые тюки, упаковать ихъ, обвязать веревкой,—такъ, чтобы и по объему тюки были болѣе или менѣе одинаковы.

Партія, при содѣйствіи погонщиковъ-тонгусовъ, снарядилась на славу; три дня пролетѣли незамѣтно. Мы, какъ и въ первый разъ, ходили провозать товарищей версты за 3 отъ зимовья.

Число обитателей зимовья значительно уменьшилось.

Между тѣмъ холода усиливались, доходя ночью до 30°; подчасъ мы начинали завидовать рабочимъ, у которыхъ въ землянкѣ было хотя и душно, но тепло. Необходимость отапливаемого помѣщенія съ каждымъ днемъ становилась очевиднѣе. Постройка нашего дома подвигалась впередъ, но еще немало нужно было времени, чтобы сдѣлать его обитаемымъ; поэтому, общимъ совѣтомъ было рѣшено поставить большую палатку-юрту, которую экспедиція приобрѣла въ Иркутскѣ.

Это была разборная юрта, устроенная по образцу

киргизской. Она состояла изъ деревянныхъ изогнутыхъ жердей, тоже разборныхъ, которыя при перевозкѣ легко складывались. Жерди эти ставятся на равномъ разстояніи одна отъ другой и прикрѣпляются наверху къ кругу въ $1\frac{1}{2}$ арш. въ діаметрѣ, такъ что образуется куполообразный остовъ палатки, имѣющей на землѣ, при основаніи, около 4-хъ саженой въ діаметрѣ. Между жердями, для большой устойчивости, натягивается нетолстая бечевка, образующая съ жердями сѣтку, на которую накладываютъ войлокъ и брезентъ. Посреди юрты разводится неугасаемый костеръ. Дымъ отъ костра свободно выходитъ въ круглое отверстіе вверху юрты. Правда, въ вѣтреную погоду дымъ иногда разгуливалъ по всей юртѣ; но мы утѣшались мыслью, что такъ всегда бываетъ въ киргизскихъ юртахъ, по образцу которыхъ была сдѣлана и наша.

Когда палатка была готова, хорошо обтянута, щели внизу задѣланы и устроено нѣчто въ родѣ двери,—мы переселились на новоселье.

Наши постели представляли собой груды мѣховыхъ, медвѣжьихъ и заячьихъ, одѣялъ и подстилокъ и раздѣлялись сундуками, чемоданами и пустыми ящиками, служившими намъ ночными столиками. Размѣстили мы постели такъ, что ложились головами къ стѣнѣ, а ногами къ центру юрты, т.-е. къ огню. Въ противоположной сторонѣ отъ входа стоялъ умывальникъ, который мы сняли для надоб-

ностей зимовья съ одного изъ пароходовъ, неподалеку отъ него—кухонный столъ, а немного въ сторонѣ—дядинъ письменный столъ, который онъ самъ соорудилъ изъ крышки большого ящика, прибавивъ ее къ меньшему, повернутому такъ, что пустое пространство ящика служило помѣщеніемъ для ногъ подъ столомъ. Мнѣ и дядѣ особенно часто приходилось писать; но и другіе пользовались нашимъ столомъ.

Температура въ юртѣ была неравномѣрна: у костра поджаривало, а въ углахъ мерзла вода. Ночью температура доходила до 20° ниже нуля, днемъ случалось добиться + 2° Цельсія; тогда мы блаженствовали, и каждый спѣшилъ написать, начертить, нарисовать, что кому нужно.

Но нельзя сказать, чтобы наша совмѣстная жизнь способствовала личнымъ занятіямъ каждого изъ насъ; напротивъ, подчасъ многимъ становилось тяжело, что приходится цѣлый день торчать на глазахъ у другихъ, хочешь не хочешь—слушать, что говорятъ, и т. п. Мнѣ даже стало казаться, что такая жизнь невыгодно отражалась на характерѣ большинства. Дядя сталъ какъ-то особенно нервнѣе: я замѣтилъ, что онъ старается вставать раньше другихъ, чтобы хоть часокъ посидѣть за книжкой. Многіе поговаривали, что пора бы имъ двинуться съ партіей,—что скучно сидѣть на мѣстѣ.

Мнѣ не было скучно. Я бѣгалъ на лыжахъ,

скоро научился ѣздить на оленяхъ въ саняхъ и верхомъ, подружился со многими тонгусами и сталъ учиться якутскому языку, на которомъ тонгусы говорятъ весьма часто даже между собой, постепенно забывая свой родной языкъ подъ вліяніемъ якутской культуры. Но и помимо этого весь день у меня былъ распределенъ. Утромъ, едва успѣвъ умыться, я спѣшилъ къ метеорологической станціи, чтобы ровно въ 7 часовъ записать наблюденія; затѣмъ, послѣ чаю и до завтрака я помогаль дядѣ выдавать изъ склада матеріалы и провизію. Въ 11 часовъ мы завтракали соленой рыбой съ картофелемъ или оладьями, а то и просто чаемъ съ сахарями. Свѣжаго хлѣба мы давно уже не видали. Въ часъ дня—опять метеорологическія наблюденія, запись показаній инструментовъ и описательныхъ метеорологическихъ данныхъ. Въ два-три часа—обѣдъ. Съ шести часовъ—занятія въ юртѣ: съ дядей—математикой, географіей, русскимъ, съ Дми-тріемъ Матвѣвичемъ—латынью и естественной исторіей, съ Гансеномъ—астрономіей и англійскимъ языкомъ, съ Рудольфомъ Карловичемъ—нѣмецкимъ. Въ 8 часовъ—ужинъ, въ 9—послѣдній выходъ съ фонаремъ къ станціи, потомъ—постель, холодная, какъ ледь,—затѣмъ сонъ—крѣпкій, безъ сновидѣній.

Такъ жили мы изо дня въ день до возвращенія начальника и переселенія въ нашъ настоящій теплый домъ.

Сергѣй Аристарховичъ вернулся, очень довольный своимъ путешествіемъ. Онъ хорошо изслѣдовалъ путь на рѣку Амгу и въ первый же день по возвращеніи вычертилъ карту и профиль своего пути. Оказалось, что Амга находится всего въ 85 верстахъ отъ нашего зимовья и по пути не встрѣчается слишкомъ тяжелыхъ переваловъ черезъ хребты. И начальникъ поручилъ дядѣ немедленно же снарядить первый караванъ съ продуктами.

Я забылъ упомянуть, что въ это время у насъ на зимовьѣ подъ наблюденіемъ Рудольфа Карловича въ обширныхъ размѣрахъ шло приготовленіе и замораживаніе щей и суповъ.

Для этой цѣли былъ установленъ прочный трехножникъ изъ сырыхъ жердей и на немъ подвѣшенъ громадныхъ размѣровъ котелъ. Туда заваливались пудами куски мяса, капуста, картофель, высыпались цѣлыми фунтами соль, крупы и пр. Когда въ котлѣ все уваривалось, то мясо разрѣзывали на мелкіе кусочки и содержимое котла разливали въ небольшія берестяныя посудыны, куда вкладывали и опредѣленную порцію мяса. Все это замораживалось, а затѣмъ извлекалось изъ посудыны. Такимъ образомъ, у насъ былъ громадный запасъ кружковъ щей и суповъ, и ими мы снабжали отъѣзжающихъ съ зимовья. Путникамъ не приходилось варить себѣ пищи: достаточно было растопить и разогрѣть кружокъ щей или супу.

Между тѣмъ, морозы усилились, и становилось невозможнымъ жить въ юртѣ. Вода, оставленная съ вечера у костра, за ночь замерзала; растопленное масло застывало на тарелкахъ, хотя бы и сильно нагрѣтыхъ. Къ счастью, постройка нашего дома приближалась къ концу, и вотъ, наконецъ, насталъ моментъ, когда явилась возможность поселиться въ немъ.

Домъ на зимовьѣ.
(Съ фотографіи).

Очутиться послѣ юрты въ хорошо отапливаемомъ, солидно выстроенномъ помѣщеніи для насъ было просто раемъ. Спать на настоящихъ постеляхъ, ѣсть

и писать за настоящимъ столомъ, мыться, одѣваться въ теплѣ—какое блаженство! Нечего и говорить, что наше переселеніе произошло самымъ торжественнымъ образомъ и было ознаменовано раскрытіемъ жестянки съ ананасомъ и бутылки шампанскаго. Рабочимъ тутъ же былъ устроенъ обильный обѣдъ съ поднесеніемъ хорошихъ порцій водки.

Помѣщеніе наше только по-таежному можно было назвать домомъ. Это былъ просто срубъ изъ бревенъ,—не отесанныхъ, а только очищенныхъ отъ коры. Этотъ срубъ занималъ около 15 квадратныхъ сажень. Оконъ было всего два, обращенныхъ на югъ. Дверей тоже двѣ: одна съ восточной стороны вела на дворъ, другая, противъ первой,—въ пристроенное къ дому помѣщеніе для склада вещей и провіанта, которые до сихъ поръ лежали на открытомъ воздухѣ, подъ брезентомъ. Крыши надъ потолкомъ не было. Полъ—земляной. Много мѣста въ домѣ занимала большая русская печь. Наиболѣе свѣтлое мѣсто отвели для доктора и его аптеки. Въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ мы оставили пароходъ, докторъ въ состояніи былъ разставить въ должномъ порядкѣ свои медикаменты, аптечную посуду и проч. Для каждаго изъ остальныхъ обитателей дома, включая и прислугу, были устроены нары для постелей, которыя занимали не мало мѣста, такъ же, какъ обѣденный и кухонный столы. Въ результатъ получилась порядочная тѣснота.

Но, несмотря на тѣсноту и многія неудобства, здѣсь намъ было веселѣе, чѣмъ въ юртѣ. Мы старались помогать другъ другу въ занятіяхъ и много хорошихъ часовъ провели въ нашемъ домѣ безъ крыши. Вычерчивались планы, составлялись отчеты, готовились тонкія фотографическія работы,

писались научныя сочиненія, обсуждались вопросы литературы и искусства, рѣшались замысловатыя шахматныя задачи, а по временамъ раздавалось пѣніе и неслись звуки гитары и гармоніи.

Здѣсь кстати упомяну о нашихъ новыхъ товарищахъ: то были бѣлый пѣтушокъ Петька и четыре курочки.

Мы привезли съ собой на зимовье пѣтуха и двадцать куръ. Большинство изъ нихъ погибло подъ ножомъ безжалостнаго Бѣлича, нѣкоторые пали жертвою своей неосторожности въ когтяхъ горностаевъ и коршуновъ, другія погибли отъ морозовъ и болѣзней. Осталось только четыре курочки и бѣлый, какъ снѣгъ, пѣтушокъ, которые и перекочевали съ нами въ домъ.

Вся эта компанія весь день гуляла по дому, перескакивая съ печки на полъ, съ полу на постель кого-нибудь изъ обитателей, оттуда — опять на печку. Одна молоденькая курочка оказалась столь неосторожной, что вскочила въ печь, какъ только ее вытопили, — и поплатилась ногами. Благодаря своевременно оказанной ей Дмитріемъ Матвѣвичемъ медицинской помощи, она осталась жива, но ходить по-куриному не могла уже больше, а двигалась какъ-то въ прыпрыжку.

Петька вѣчно находился въ суетѣ, отзывался на всякое движеніе, происходившее вокругъ него, и при этомъ былъ большою забіяка. Если

онъ вскакивалъ на подушку спящаго и его пытались прогнать, то онъ поднималъ такую возню, такой неистовый крикъ, что спящій непременно просыпался. Меня онъ почему-то особенно намѣтилъ своей жертвой. Я не могъ пройти мимо безъ того, чтобы не возбудить въ немъ желанія подраться, ударить меня въ ногу клювомъ или шпорами.

Много веселыхъ минутъ доставилъ намъ Петъка. Но въ концѣ концовъ онъ такъ надоѣлъ и сталъ всею мѣшать, что въ одинъ прекрасный день Бѣличъ подалъ его намъ къ обѣду подъ бѣлымъ соусомъ...

Мнѣ жаль было хорошенькаго бѣлоснѣжнаго героя, и я отказался съѣсть его крылышко.

VIII.

Въ самомъ началѣ ноября начальникъ съ докторомъ должны были отправиться на рѣку Амгу, гдѣ работали уже 2 поисковыя партіи. Сергѣю Аристарховичу нужно было посмотреть, какъ подвигаются работы, а докторъ ѣхалъ, чтобы подать медицинскую помощь, кому окажется нужнымъ.

Почти все было готово къ отъѣзду; оставалось только дать знать погонщикамъ, чтобы они пригнали оленей, которые стояли на кормовищѣ, верстахъ въ 10 отъ зимовья.

По-якутски говорили только дядя да я немного,—но все-таки настолько, что могъ объяснить-ся, когда это было необходимо. Дядѣ особенно много было дѣла съ приготовленіями къ отправкѣ въ путь начальника и доктора; поэтому, я вызвался сходить за оленями. Со мной пожелалъ итти и Рудольфъ Карловичъ. Намъ въ провозатые дядя назначилъ Ефрема, расторопнаго парня лѣтъ 24-хъ, прикомандированнаго для работъ по складу.

Рано утромъ я разбудилъ Рудольфа Карловича; но у него разболѣлся палецъ на рукѣ, такъ что онъ принялся бормотать по-нѣмецки какія-то извиненія. Я не дослушалъ его и поспѣшилъ выйти изъ дому.

Ефремъ уже сидѣлъ на крыльцѣ, покуривая свою короткую трубку. Дядя снабдилъ его на всякій случай скорострѣлкой—двустволкой—дробовикомъ, а меня—очень маленькимъ Кольтомъ съ разрывными пулями. Мы взяли съ собой мѣдный чайникъ, двѣ китайскихъ деревянныхъ чайныхъ чашки, чаю, сахару, пшеничныхъ сухарей, банку американскаго консервированнаго мяса и фляжку съ коньякомъ. Дядя предупредилъ меня, чтобы, идя впередъ, мы не допускали себя до испарины и, придя на мѣсто, непременно вышли бы чаю съ коньякомъ. Въ 7 часовъ утра термометръ показывалъ —23°С. На небѣ—ни облачка,—значить, если мы не найдемъ сразу тонгусовъ и принуждены

будемъ заночевать въ тайгѣ, то намъ придется сильно мерзнуть.

Я надѣлъ на себя полный тонгусскій костюмъ, т.-е. обувь изъ шкуръ, содранныхъ съ оленьихъ лапъ, затѣмъ кухлянку, нѣчто въ родѣ женской рубашки съ короткими рукавами и открытой шеей, тоже изъ оленьихъ шкуръ, шапку съ наушниками изъ шкуръ очень молодыхъ оленей и легкія мѣховыя рукавички.

Мѣсто, гдѣ расположились наши проводники, ни мнѣ, ни Ефрему въ точности не было извѣстно. Знали мы, что олени стоятъ на рѣчкѣ Холболохъ и, притомъ, по сю сторону ея, и что къ этой рѣчкѣ можно итти по дорогѣ, протоптанной нашими транспортами.

Мы зашагали по этой дорожкѣ, стараясь не слишкомъ быстро итти: дорога подымалась въ гору, и мы рисковали сильно вспотѣть.

Дорогой я разговорился съ Ефремомъ.

Онъ—изъ крестьянъ глухой деревушки Тобольской губерніи и пришелъ на пріиски всего на одну операцію, чтобы заработать немного денегъ. Но сибирская „золотая лихорадка“ затянула молодого парня, и онъ не могъ выпутаться изъ ея когтей.

Исторія Ефрема очень грустная. Къ веснѣ этого года онъ заработалъ на пріискахъ до 500 р. и собрался итти домой, за нѣсколько тысячъ верстъ отъ пріиска. Но въ городѣ Киренскѣ пріятель по-

просилъ его обождать всего одинъ день, чтобы затѣмъ отправиться вмѣстѣ. Ефремъ остался, — и этотъ день былъ для него роковымъ: бѣдняга отъ скуки

пожелалъ провести время съ случайными знакомыми, выпилъ лишнее — и наутро проснулся съ пустымъ карманомъ: 500 руб. куда-то безслѣдно исчезли.

Ефремъ.
(Съ фотографіи).

Такія исторіи на каждомъ шагу повторяются съ пріисковыми рабочими. Невѣроятнымъ трудомъ добываются большія деньги и затѣмъ въ ближайшемъ селѣ или городѣ спускается все до копейки. Рабочій опять идетъ на пріискъ. Случается, что тамъ въ нѣсколько минутъ изъ нищаго рабочій становится опять обладателемъ сотенъ, а иногда и тысячъ рублей. Для этого стоитъ тайкомъ покопаться гдѣ-ни-

будь въ „забоѣ“ (мѣстѣ добычи золота) или даже въ „отвалѣ“, т.-е. въ промытыхъ земляхъ и пескѣ, въ которыхъ золото, благодаря несовершенству промывки, все-таки встрѣчается; или,

согнувшись въ три погибели и рискуя быть задавленнымъ обвалившеюся землею, проползти съ полверсты, по водѣ, въ какой-нибудь штольнѣ и отыскать самородокъ порядочной величины („штольней“ называются горизонтальные подземные корридоры). Но тутъ повторяется прежняя исторія: добро, добытое неимоვნю быстро, хотя съ затратою тяжелаго труда и даже съ опасностью для жизни, слишкомъ быстро уплываетъ при помощи обирателей, которые подстерегаютъ малодушныхъ людей, пользуются ихъ слабостями и набиваютъ на ихъ счетъ карманы.

Разсказывалъ мнѣ Ефремъ о порядкахъ на разныхъ приискахъ,—о томъ, гдѣ сколько платятъ за подъемное золото, т.-е. за то золото, которое рабочий подбираетъ въ породѣ до промывки ея на машинахъ, гдѣ какому рабочему посчастливилось найти самородокъ, и проч., и проч.

Къ намъ Ефремъ нанялся въ надеждѣ на хорошій заработокъ. Онъ рассчитывалъ опять скопить нѣсколько сотенъ и лелѣялъ несбыточную мечту—хоть когда-нибудь не прокутить своего годового заработка на приискахъ и богачемъ явиться въ родную деревушку,—на удивленіе всему крещеному міру.

Мы между тѣмъ шли и шли. Попадались иногда слѣды лисицы; но у насъ не было времени ее преслѣдовать. Иногда мы теряли тропинку и расходились въ разные стороны, чтобы отыскать ее.

Вотъ выдѣлился на фонѣ неба, сквозь порѣдѣвшій лѣсъ, высокій противоположный берегъ рѣчки,—значить, мы недалеко отъ ея русла.

Вскорѣ мы наткнулись на остовъ тонгусской „урасы“, съ которой уже сняты были олени шкуры; все пространство кругомъ было такъ вытоптано, что мы съ трудомъ нашли тропинку, ведущую отъ этого покинутого становища къ новому, и углубились по ней въ лѣсъ. Прошли еще съ полверсты,—какъ вдругъ замѣтили надъ деревьями столбъ синеватаго дыма, медленно поднимавшагося къ небу. Я былъ очень доволенъ, что мы подходимъ наконецъ къ цѣли нашего путешествія. Но каково же было мое огорченіе, когда, подходя къ урасѣ, мы никого не нашли ни въ ней, ни около нея. У меня зародилось было сомнѣніе, къ нашимъ ли тонгусамъ мы пришли; но, осмотрѣвъ внутренность урасы, мы нашли сухари изъ нашего склада: очевидно, здѣсь жили наши проводники.

Я сталъ громко звать: „кэлингъ манна! (идите сюда!)“. Но тайга молчала. Тогда я началъ свистать въ свистокъ-экспрессъ,—маленькій инструментъ, съ которымъ не приходится разставаться въ тайгѣ. Особенность этого свистка заключается въ томъ, что, благодаря помѣщенному внутри его колеску, получается чрезвычайно рѣзкій звукъ, продолжающійся въ теченіе нѣсколькихъ секундъ послѣ того, какъ перестаютъ свистать. Долго свистѣли

мы, но въ тайгѣ царила мертвая тишина. Треснетъ гдѣ-нибудь вѣтка, щелкнетъ морозъ, — и опять мертвая тишина среди ярко блестящаго снѣга и деревьевъ, густо опушенныхъ снѣжными валиками, сгибающими ихъ вѣтки. Красиво, но какъ-то жутко...

Постояли, послушали, помолчали мы, — и, наконецъ, Ефремъ принялся набирать снѣгу въ чайникъ, чтобы нагреть и вскипятить воду для чая.

Ураса нашихъ тонгусовъ состояла изъ жердей, числомъ до полуторыхъ десятковъ, воткнутыхъ въ землю и связанныхъ своими вершинами. На эти жерди съ сѣверной стороны были набросаны оленьи шкуры, которыя только слегка закрывали помѣщеніе съ востока и запада, съ юга же оно было совершенно открыто, и тутъ, поодаль, раскладывался костеръ. Внутри ураса была очищена отъ снѣга и устлана вѣтвями лиственницы и сосны, на которыхъ разложены были тоція оленьи шкуры, служація тюфякомъ, лепешкообразныя подушки и заячьи одѣяла. Тутъ же стояли чайникъ, чашки, лежало полученное изъ склада мясо и масло, валялась рабочая коробка тонгуски съ ножницами, иголками, обрѣзками разныхъ шкуръ и лоскутками. Все это заставляло думать, что тонгусы недавно были здѣсь и отправились куда-нибудь недалеко.

Въ ожиданіи ихъ мы принялись за чай. Когда чайникъ уже вскипѣлъ и чай былъ заваренъ, я

отвернулъ металлическую чарку отъ дорожной фляжки, налилъ въ нее до верху коньяку и подаль Ефрему. Онъ, конечно, не отказался, перекрестился и выпилъ залпомъ. Себѣ я налилъ въ чай. Мы порядкомъ проголодались и съ удовольствіемъ принялись за свои консервы и сухари.

Время подходило къ двумъ часамъ. Меня начинало брать раздумье, какъ поступить.

Но вдругъ послышались звуки колокольных и голоса. Черезъ пять минутъ все вокругъ насъ ожило, задвигалось. Стадо оленей, гремя бубенчиками, стуча копытами, разсыпалось вокругъ урасы. Олени по обыкновенію, разгребали снѣгъ, грызли землю, кидаясь на все, гдѣ были признаки кислаго и соленого.

Я обмѣнялся съ проводникомъ Иваномъ обычными якутскими привѣтствіями.

— Здорово! сказала я.

— Здорово! отвѣтилъ Иванъ.

— Рассказывай, что новаго!

— Ничего нѣтъ. Ты рассказывай!

— Рѣшительно ничего! Какъ живете въ этой сторонѣ?

— Очень хорошо. Вы?

— Мы также очень хорошо. У васъ ничего не умерло, не пропало?

— Ничего. У васъ?

— У насъ тоже.

Послѣ этого діалога, веденнаго самымъ серьезнымъ тономъ, при чемъ посторонній слушатель могъ бы заключить, что мы ровно никакого дѣла другъ къ другу не имѣемъ, я приступилъ къ дѣловой бесѣдѣ.

Между прочимъ выяснилось, что тонгусы уже знали о нашемъ присутствіи въ урасѣ, такъ какъ тонгуска Аленка, заслышавъ наше приближеніе, удрала въ лѣсъ, испугавшись, сама не зная—чего. Мужа ея не было, — онъ ушелъ съ партіей на р. Амгу. Въ уходѣ за оленями Аленѣ помогать ея родственникъ, Иванъ, молодой, угрюмаго вида, болѣзненный и очень худощавый тонгусъ.

Видя, что мы пьемъ чай, Аленка, пришедшая уже въ себя, взяла въ руки арканъ и, высмотрѣвъ самку, накинула ей на рога „мамыкъ“. Оленица стала и дала себя привязать. Аленка присѣла на корточки, надоила съ полчанки молока и приподнесла намъ. Молоко оленицы—густое, сладковатое на вкусъ и желтаго цвѣта.

Пока Ефремъ убиралъ посуду, Иванъ разсматривалъ мое ружье. Когда же я въ нѣсколько секундъ, приводя въ движеніе рычагъ, выбросилъ изъ ружья всѣ 8 патроновъ и затѣмъ моментально зарядилъ его новыми, Иванъ сталъ хохотать до слезъ, какъ хохочутъ маленькія дѣти, смотря на представленія фокусниковъ. Я прицѣлился въ березу и спустилъ курокъ; березка зашаталась и

расщепившись, наклонила свою вершинку; но отъ разрывной пули не осталось и слѣда. Иванъ пришелъ въ совершенный восторгъ.

На обратномъ пути мы шли быстро, зная, что вспотѣть не опасно, потому что придемъ въ теплое помѣщеніе. 10 верстъ мы прошли въ часъ съ четвертью.

На дворѣ нашего дома, къ удивленію, мы не нашли никого. Я поспѣшилъ въ домъ, — и тамъ былъ одинъ поваръ.

— Что случилось? Ужъ не пошли ли всѣ, на медвѣдя? Какъ жаль, что меня не было!

Но оказалось, что переполохъ произвелъ не медвѣдь, а Рудольфъ Карловичъ, который забрался на скалу на противопожномъ берегу Олекмы и попалъ въ такое мѣсто съ котораго никакъ не могъ тронуться ни вверхъ, ни внизъ. На тревожные свистки Рудольфа Карловича собралось все зимовье съ баграми, топорами и веревками.

Я уже пилъ чай, когда пришелъ Рудольфъ Карловичъ, усталый, съ трясущимися членами отъ часового сидѣнья на скалѣ въ ненормальномъ положеніи. Онъ принялся рассказывать мнѣ о своемъ приключеніи, а я сообщилъ начальнику и дядѣ подробности своего путешествія.

Въ тотъ же вечеръ проводники пригнали оленей, и на другой день начальникъ съ докторомъ уѣхали на р. Амгу въ сопровожденіи Ивана и Аленки.

Зимовье наше постепенно пустѣло. Черезъ недѣлю послѣ отъѣзда начальника и доктора была очередь Рудольфа Карловича собрать свою партію и тронуться въ путь. Транспортъ его пришлось снаряжать нѣсколько дней, потому что онъ бралъ провизію, матеріалы и орудія не только для своей партіи, но и для всѣхъ, ушедшихъ раньше. Дядя и двое рабочихъ усердно трудились надъ снаряженіемъ этого транспорта.

Партія ушла. На зимовьѣ стало еще тише.

На другой день, однако, вернулся караванъ, ушедшій дней 15 тому назадъ съ транспортомъ на Амгу. Къ нашему удивленію, вернулся и рабочий Агѣевъ, ушедшій наканунѣ съ Рудольфомъ Карловичемъ. Смотримъ: рука у него перевязана тряпкой, на лѣвую ногу едва ступаетъ.

— Что съ тобой? — съ тревогой спросилъ его дядя.

Оказалось, что онъ къ вечеру отбился отъ транспорта, проблуждалъ всю ночь и къ утру попалъ въ полынью, изъ которой едва выбрался. Благодаря лишь счастливой случайности Агѣевъ не замерзъ на смерть, а отморозилъ только ногу, руку же поранилъ топоромъ, увязаннымъ въ саняхъ и предательски вылезшимъ наружу, когда пришлось эти сани подымать гдѣ-то на кочкахъ.

Съ отъѣздомъ Рудольфа Карловича и его партіи, изъ интеллигентныхъ членовъ зимовья оста-

лись только я и дядя. Рабочихъ при насъ было тоже немного, чѣмъ мы и спѣшили воспользоваться, дядя—для продолженія своего научнаго труда, я—для учебныхъ занятій.

Въ концѣ ноябрю вернулся начальникъ и объявилъ, что настала и наша очередь отправиться на развѣдки. Мы немедленно стали собирать свой транспортъ и готовится къ отъѣзду.

НА РАЗВѢДОЧНЫХЪ СТАНАХЪ.

I.

Вотъ мы и готовы въ путь,—завтра ѣдемъ.

Я очень волнуюсь. Мнѣ кажется, что только съ этого момента начинается мое участіе въ экспедиціи. Все, ранѣе пережитое, представляется теперь пустяками сравнительно съ тѣмъ, что предстоитъ впереди. Только перечитываніе писемъ мамы, полныхъ тревогъ о томъ, какъ-то я переношу холодъ, какъ жилъ въ холодной юртѣ, какъ на морозѣ моюсь, одѣваюсь, ѣмъ и пью, и т. п., напоминаетъ мнѣ, что, дѣйствительно, я прожилъ почти полгода при совершенно необыкновенныхъ условіяхъ. Что-то будетъ дальше?

Съ вечера мы съ дядей еще разъ осматриваемъ, все ли у насъ въ порядкѣ.

Транспортъ нашъ состоитъ изъ 9 саней; въ каждыя сани завтра чуть свѣтъ запрягутъ по парѣ оленей. Кромѣ того, мы беремъ съ собой пятерыхъ большихъ оленей на всякій случай.

Съ нами идутъ Иванъ, Аленка и ея мужъ Афанасій. Иванъ, по обыкновенію, угрюмъ, молчаливъ, но въ высшей степени исполнительнъ. Аленка жива, подвижна, ловка и усердна. Афанасій, тонгусъ лѣтъ сорока, очень силенъ, но мѣшкovať и не уменъ. Его неловкость всегда смѣшитъ Аленку, и она хохочетъ самымъ заразительнымъ образомъ. Вообще, насколько Аленка была сдержана въ лѣсу, когда мы съ Ефремомъ тамъ застали ее одну, настолько она теперь оживлена, смѣла и смѣшлива, когда вмѣстѣ съ мужемъ ведетъ караванъ.

Сани наши наполнены ящиками и кожаными мѣшками, въ которые уложены самые разнообразныя предметы: мука, сахаръ, чай, табакъ, капуста, крупа, горчица, консервированное американское мясо, а также замороженныя туши сырого мяса, консервы изъ рыбы, дичи и овощей, спички, укусовая эссенція, круги замороженнаго молока и бульона, похожіе на небольшіе мельничные жернова, потому что ихъ замораживаютъ въ берестяныхъ посудинахъ и они сохраняютъ круглую форму этихъ посудинъ. Мы взяли съ собой также оружіе, посуду, листовое желѣзо для печей, бре-

зенты и войлокъ для палатокъ, инструменты для производства горныхъ работъ; термометры, барометры-анероиды, бинокли, компасы различныхъ системъ, платье, шубы, обувь, оленьи шкуры, и проч. По мысли дяди, мы съ нимъ запаслись еще въ Олекминскѣ очень большимъ количествомъ дешеваго бѣлья, такъ какъ нельзя было рассчитывать во-время и тщательно стирать его. Чтобы не особенно жалѣть, если бы пришлось заношенное бѣлье бросить въ тайгѣ на произволъ судьбы, дядя заказалъ въ Олекминскѣ, черезъ коммиссіонера экспедиціи, по нѣскольку дюжинъ бѣлья себѣ и мнѣ изъ очень дешеваго матеріала.

Кромѣ тонгусовъ, съ нами ѣдетъ завѣдующій горными работами, самоучка-горнякъ Осипъ Ильичъ, и еще рабочій еврей, котораго намъ дали въ качествѣ повара. Родина его, повидимому,—юго-западный край; но онъ часто живалъ и за границей. Говорилъ онъ на разныхъ языкахъ и на всѣхъ—одинаково плохо (лучше всего, кажется, на румынскомъ). Онъ зналъ понемножку переплетное, портняжное, поварское и картонажное ремесла, умѣлъ стрѣлять и охотиться, непрочь былъ иногда рассказать сказку на потѣху публики. Роста онъ былъ очень маленькаго, тщедушный, болѣзненный; работалъ не особенно старательно; вообще, къ условіямъ жизни въ тайгѣ онъ не подходилъ. Свое еврейское имя онъ передѣлалъ

въ русскаго Александра, и всѣ называли его «Шурочкой».

Другихъ рабочихъ съ нами не было: для работъ на развѣдкахъ мы должны были набрать людей съ развѣдочныхъ становъ, которые намъ встрѣтятся на пути.

Развѣдки велись на вершинѣ р. Амги, протекающей параллельно Олекмѣ, на берегу которой находилось наше зимовье. Всѣ ближайшія мѣста на Амгѣ были уже заняты партіями, ушедшими раньше насъ. Переваливъ черезъ водораздѣлъ между Олекмою и Амгою, мы должны были пройти вверхъ по послѣдней, заѣзжая во всѣ развѣдочные станы, чтобы доставить имъ все необходимое, затѣмъ углубиться въ тайгу по верховьямъ Амги въ неизслѣдованныя еще мѣста, основать тамъ станъ и приступить къ битью шурфовъ.

До наиболѣе отдаленнаго развѣдочнаго стана мы могли пройти по дорогѣ, проложенной предыдущими транспортами. Хотя дорога эта была далека отъ совершенства, но все-таки это была дорога,—тогда какъ дальше намъ предстояло прокладывать самимъ себѣ путь по льду и въ тайгѣ по такимъ мѣстамъ, гдѣ, можетъ-быть, никогда еще не ступала нога человѣка, путешествуя при температурѣ — 60° по Цельсію и проводя ночи подъ открытымъ небомъ.

Наконецъ, настало утро нашего отъѣзда. Пока

выловили оленей, а мы позавтракали да одѣлись,—солнце поднялось довольно высоко.

Кстати замѣчу, что одежда наша стоитъ описанія. Поверхъ нитяныхъ носковъ мы съ дядей надѣли чулки изъ оленьей кожи шерстью внутрь, а затѣмъ такъ называемые этэрбэсы. Они шьются изъ кожъ, содранныхъ съ ногъ оленя; подошву готовятъ изъ бычьей шкуры, или, что еще лучше, изъ тюленьихъ кожъ, привозимыхъ для этой цѣли съ береговъ Ледовитаго океана. Аккуратно сшитые этэрбэсы являются незамѣнимою защитою отъ холода и такъ легки и мягки даже въ подошвѣ, что скорѣе похожи на чулки, чѣмъ на верхнюю обувь. Въ худшемъ случаѣ пара этэрбэсовъ вѣситъ 1½—2 фунта,—тогда какъ вѣсъ пары русскихъ валенокъ доходить до 10 фунтовъ. Главное же заключается въ томъ, что этэрбэсы сдѣланы изъ такого эластичнаго матеріала, что движенія ступни и пальцевъ нисколько не стѣснены, а это очень важно: нога меньше мерзнетъ. Прочая одежда состояла изъ обыкновеннаго бѣлья, шерстяной фуфайки, суконныхъ брюкъ и шведской кожаной куртки на фланелевой подкладкѣ. Поверхъ всего мы надѣли короткую шубу-татарку на рысьемъ мѣху. На головѣ у насъ была шапка изъ двойной оленьей шкурки, мѣхомъ и внутрь, и наружу, на рукахъ—рукавицы изъ песцовыхъ лапокъ шерстью наружу, подбитыя внутри заячьимъ

мѣхомъ. Подпоясавшись кушакомъ, каждый изъ насъ привязалъ себѣ къ кушаку ножны съ якутскимъ ножомъ, а черезъ плечо перекинулъ ружье. Шурочка надѣлъ тяжелую берданку и, кромѣ того, нацѣпилъ на себя тяжелый поясъ чуть ли не съ сотней снаряженныхъ патроновъ, собираясь, вѣроятно, охотиться дорогой или по крайней мѣрѣ разыграть роль яраго охотника.

Наконецъ олени запряжены и стоятъ передъ домомъ. Мы одѣты, плотно позавтракали, прощаемся съ начальникомъ и съ прочими остающимися и выходимъ.

Дядя критическимъ взглядомъ окидываетъ весь поѣздъ, который только ждетъ его приказанія тронуться. Все въ порядкѣ.

— Чеингъ! кричить дядя.

„Чеингъ“ — якутское междометіе, приглашающее приступить къ какому-нибудь дѣлу, если обращаются къ нѣсколькимъ лицамъ *).

„Мать!.. мать!.. мать!“ раздается по транспорту непрерывнымъ возгласомъ: такъ тонгусы понукаютъ оленей.

Заскрипѣли тяжело нагруженные вozy.

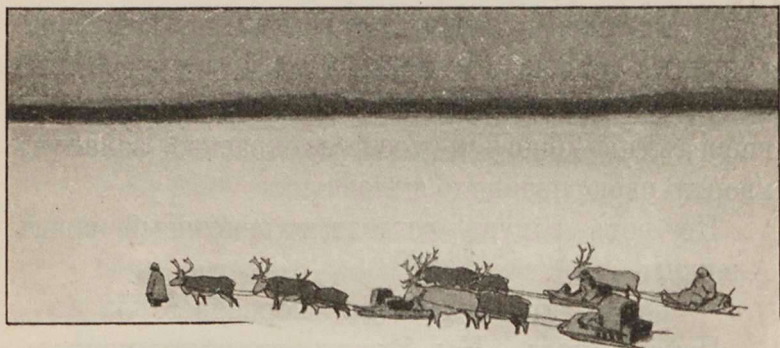
— „Вотъ сейчасъ мы понесемся!“ думалось мнѣ.

Но не всѣ олени могли даже сразу „взять“:

---

*) Къ одному лицу — „че!“

пришлось подскочить къ санямъ, чтобы однѣ изъ нихъ приподнять, другія поддержнуть впередъ и въ удобный моментъ съ своей стороны крикнуть громовымъ голосомъ: „мать!..“ Олени напрягаютъ всѣ силы, иногда пытаются сдѣлать прыжокъ впередъ или въ сторону, наконецъ „берутъ“ вozy и, пара за парой, выравниваются по дорогѣ. Остающіеся ма-

Оленій санный транспортъ въ пути.

шутъ намъ платками, мы кричимъ послѣднее „прости“ и зимовье скрывается за поворотомъ дорожки.

По сторонамъ стоитъ густая тайга. Олени идутъ дружно, но не слишкомъ быстро, такъ что вполне возможно сопровождать транспортъ, идя пѣшкомъ, изрѣдка пробѣгая небольшія пространства или присаживаясь на санки въ тѣхъ случаяхъ, когда олени ужъ очень разбѣгутся,—напримѣръ, при спускѣ съ горы или по гладкому льду.

Осипу Ильичу путешествіе пѣшкомъ не очень-то нравится. Я же охотно иду рядомъ съ дядей. Я люблюсь, какъ маленькіе олениа бѣгутъ стороною по тайгѣ, купаясь въ снѣгу, часто перебѣгаютъ намъ дорогу, граціозно скачутъ, теряютъ сани, въ которыя впряжена ихъ мать, и тогда бѣгаютъ въ тревогѣ туда и сюда, издавая безпокойное хрюканье. Но мать узнаетъ свое дѣтище и отвѣчаетъ ему съ своей стороны успокоительнымъ хрюканьемъ. Олененокъ подбѣжитъ къ матери, повертится около нея съ минуту и, успокоенный, выбѣгаетъ впередъ на дорогу и несется, красиво закинувъ кверху свою изящную головку.

Но вотъ вдругъ раздается неистовый крикъ Аленки:

— Стой!.. стой!.. „Лямка“ порвалась.

Поѣздъ сталъ. Мы бѣжимъ къ мѣсту приключенія. Олени, тяжело дыша, стоятъ въ обрывкахъ лямки, сани повернулись поперекъ дороги, зацѣпившись за кочку. Иванъ слѣзаетъ съ своего передового поста помочь Аленкѣ. Онъ шагаетъ по глубокому снѣгу, широко разставляя ноги. Неуклюжій Афанасій также догадался притти на помощь. Общими силами мы освобождаемъ сани и ставимъ ихъ на ровное мѣсто. Лямка снимается съ оленей и тутъ же наскоро чинится при помощи якутскаго ножа, которымъ отъ лямки отрѣзывается тонкій ремешекъ и продырявливаются око-

до разрыва въ нѣсколькихъ мѣстахъ концы лямокъ, наложенные одинъ на другой; сквозь дырочки пропускаютъ нѣсколько разъ ремешокъ, закрѣпляютъ его концы, и лямка опять пускается въ дѣло.

Лямки у насъ то и дѣло лопались, а вслѣдствіе задѣванія саней за кочки и пни деревьевъ стали ломаться и „бараны“, которые служатъ для продѣванія лямокъ и скрѣпленія спереди шаткихъ частей саней. Иногда случится, что одинъ полозъ саней скользнетъ съ дороги и утонетъ въ снѣгу; если при этомъ моментально не остановитъ оленей, то они до тѣхъ поръ будутъ дергать сани, пока не лопнетъ лямка или не поломаются сани. Тонгусскія сани очень легко и совсѣмъ разваливаются, такъ какъ и устройство самое примитивное.

Когда мы опять тронулись въ путь и стали подниматься въ гору, я почувствовалъ, что мнѣ становится жарко. Я сообщилъ объ этомъ дядѣ, боясь, какъ бы не простудиться на ночлегѣ.

— Да и мнѣ тепленько, сказалъ дядя:—мы съ тобой поусердствовали немного съ одеждой. Но въ это время года нельзя довѣрять морозу въ—25°С. Къ ночи сразу можетъ ударить—40°С.

— Ну, что значить—40° безъ вѣтра?

— При ходьбѣ—пожалуй; но для ѣзды при—40° и нашихъ шубъ мало.

— Какъ же намъ теперь быть?

— А вотъ понемножку начнемъ разоблачаться, а если представится работа, то и сразу снимемъ шубы.

Осипъ Ильичъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на насъ, что мы распахнули шубы и сняли рукавицы.

— И не боитесь вы простудиться? сказалъ онъ намъ.

— Напротивъ, очень боимся, поэтому и освобождаемся отъ лишней одежды, чтобы не вспотѣть, отвѣчалъ дядя.

— А мнѣ такъ не жарко!

— Ну, это пока! А вотъ будете то ити, то на сани присаживаться, такъ скорѣе простудитесь.

— Удивляюсь, что это здѣсь за порядки, бормоталъ черезъ нѣкоторое время какъ бы про себя Осипъ Ильичъ.—Гдѣ это видано, чтобы служащіе шли пѣшкомъ, какъ простые тонгусы? Гдѣ я ни служилъ, мнѣ вездѣ полагалась подвода.

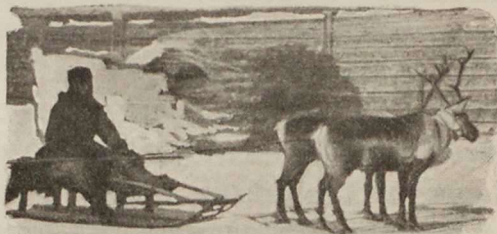
— Ко всему надо привыкать, милѣйшій Осипъ Ильичъ! отозвался дядя:—здѣсь вѣдь—глухая тайга, какія тутъ могутъ быть подводы? Да пѣшечкомъ-то оно веселѣе и здоровѣе.

— Ну, ужъ слуга покорный!..

И Осипъ Ильичъ, кряхтя и пыхтя, взлѣзъ на сани. Человѣкъ онъ былъ тучный, неповоротливый, да и шуба на немъ такая тяжелая; гдѣ ужъ тутъ работать?

Первыя 8 верстъ мы шли въ гору по знако-

мой мнѣ дорогъ. Поднимались часа два. Замѣтно было, что подъемъ утомилъ и людей, и оленей. Животныя тяжело дышали, все чаще и чаще спотыкались, временами останавливались на нѣсколько минутъ. Большинство изъ нихъ уже высунули отъ усталости языки,—особенность, общая оленю и собакамъ. Шурочка ужасно походилъ на измученнаго оленя. Поясъ съ патронами и берданка давали себя знать. Но онъ бодрился, даже пристально всматривался въ лѣсъ, точно ища слѣдовъ звѣря. Я тоже начиналъ чувствовать усталость. Должно-быть, правда, что мы

Олени въ санной запряжкѣ.

засидѣлись на зимовьѣ. Осипъ Ильичъ совсѣмъ раскисъ. Разъ вывалившись, сѣсть на сани онъ уже не хотѣлъ, а тоже шель, снявши шубу, по совѣту дяди. Но, очевидно, ему было холодно и немоготу идти.

Наконецъ транспортъ сталъ постепенно спускаться къ рѣчкѣ. Мѣстами даже, когда спускъ становился крутъ, тяжелыя сани сами катились внизъ, ударяя оленей по заднимъ ногамъ и заставляя ихъ дѣлать прыжки впередъ или въ сторону.

Люди пошли бодрѣ. Осипъ Ильичъ и Шурочка рѣшились присѣсть на санки. Мы съ дядей пошли впередъ.

Спускъ кончился. Прошли рѣчкой версты 3.

Между тѣмъ сумерки стали надвигаться; скоро на землю спустилась ночная мгла, окутавъ тайгу и дорогу своимъ темнымъ покрываломъ. Остановиться на ночевку предполагалось въ томъ мѣстѣ, гдѣ, по словамъ проводниковъ, предшествующіе транспорты оставили остовы палатокъ: для насъ важно было не тратить времени и силъ на установку новыхъ остововъ.

Вскорѣ во мракѣ вырисовались передъ нами конусы двухъ палатокъ. Вокругъ нихъ снѣгъ былъ плотно убитъ и усѣянъ костями мяса, съѣденнаго въ разное время нашими предшественниками. Переднія сани остановились; постепенно сближаясь, остальные сани упирались въ переднія, и транспортъ сталъ. Всѣ, кромѣ Осипа Ильича, кинулись освобождать оленей отъ лямокъ. Немудрая запряжка быстро снималась, и черезъ минуту олени, не успѣвшіе еще отдышаться, лѣнливо собирались въ стадо и брели въ ту сторону лѣса, гдѣ надѣялись найти свою пищу, называемую въ обыденной жизни оленьимъ мохомъ.

Немедленно же начались приготовленія къ ночевкѣ. Пока Иванъ съ Афанасіемъ пошли въ лѣсъ нарубить дровъ, Шурочка принялся развязывать

сумы и ящики, ища нужную провизию и посуду. Мы съ Аленкой тѣмъ временемъ собрали и сложили порядочную кучу сушняка и натыкали въ нее тамъ и здѣсь сухой березовой коры. Закоче- нѣвшими отъ холода руками дядя чиркнулъ спич- кой, поджегъ кусочекъ березовой коры и сунулъ его въ костеръ. И черезъ минуту костеръ запы- лалъ яркимъ пламенемъ, давая сильнѣйшій жаръ. Огонь, змѣйками перебѣгая по вѣтвямъ, быстро по- жиралъ гору хвороста; надо было укротить его порывы, и Аленка стала сверху накладывать об- горѣлыя полѣнья изъ потухшихъ костровъ нашихъ предшественниковъ, предварительно покалачивая полѣнья одно о другое, чтобы сбить покрывавшій ихъ снѣгъ. Между тѣмъ Иванъ съ Афанасіемъ стали подтаскивать дрова, и костеръ нашъ все больше и больше разгорался. Наконецъ Иванъ притащилъ цѣлую лѣсину и бухнулъ ее въ се- редину костра.

Когда костеръ былъ готовъ, намъ съ дядей пришлось итти на помощь къ Шурочкѣ: онъ такъ небрежно укладывалъ кухонныя принадлежности и провизию и такъ основательно все перепуталъ и перезабылъ, что теперь рѣшительно ничего не могъ найти.

Прежде всего мы разыскали мѣдные чайники. Аленка сходила на сосѣднее озеро, нарубила льду, наколола его маленькими кусками, наложила въ

чайникъ и поставила его подальше отъ огня, чтобы отъ сильнаго жара не оттаялъ носикъ и не расплавилась полуда. По мѣрѣ того, какъ ледъ таялъ, въ чайникъ подбрасывались опять кусочки льду. Когда чайникъ былъ до краевъ полонъ водою съ плававшими въ ней кусками льда, тогда оказалось возможнымъ, безъ вреда для полуды, подвѣсить его надъ огнемъ,—и онъ быстро закипѣлъ.

Дядя досталъ къ чаю сухарей, ломтями наръзанный хлѣбъ и закуску. Хлѣбъ пришлось поджаривать въ маслѣ, — иначе его не разморозить. Сухари въ этомъ отношеніи лучше: благодаря своей пористости, они быстро размокаютъ въ чаѣ. Да и жевать ихъ въ мерзломъ видѣ почти такъ же легко, какъ и въ размороженномъ.

Для ужина отрубили отъ круга замороженнаго супа добрую порцію, накололи мелкими кусками, подобно льду, распустили близъ огня, затѣмъ положили туда замороженныхъ пельменей и подвѣсили къ огню, чтобы онѣ хорошо прокипѣли. Въ ожиданіи ужина, мы принялись за чай и закуску.

За нашимъ ужиномъ присматривали Шурочка и Аленка, которая не забывала и своихъ интересовъ. Вся провизія была выдана тонгусамъ еще на зимовѣ для ихъ продовольствія во все время пути. Аленка повѣсила и свой котелъ на огонь рядомъ съ нашимъ.

Когда ужинъ поспѣлъ, мы подѣли къ огню,

вооружились металлическими тарелками, деревянными ложками и проч.

Наконецъ, ѣда, которая составляетъ весьма важную часть заботъ путешественника, закончена; все, что полагалось, съѣдено и выпито; посуда тщательно вымыта и вытерта, чтобы не полопалась за ночь, если въ ней останется что-нибудь жидкое. Тонгусы между тѣмъ успѣли уже натянуть брезенты на остовы палатокъ, которыя расположены своими открытыми сторонами другъ противъ друга, съ костромъ между ними. Со времени послѣдней ночевки здѣсь нашихъ людей, внутри палатокъ осталось не мало вѣтокъ, мы подбавили еще, покрыли всю внутренность палатки войлокомъ и стали стлать себѣ постели. У насъ съ дядей были въ распоряженіи двѣ невыдѣланныхъ оленьихъ шкуры, сверхъ которыхъ мы положили подстилку изъ бараньяго мѣха, прикрывъ ее простыней.

— Ну, и торжественная же у васъ спальня, Николай Алексѣвичъ: будуаръ—да и только! А я—такъ попросту!

И Осипъ Ильичъ улегся дѣйствительно «попросту», не снимая даже обуви и шубы, и укрылся заячьимъ одѣяломъ. Шурочка послѣдовалъ его примѣру.

Мы съ дядей, должно-быть, представляли пресмѣшную картину, раздѣваясь на морозѣ, залѣзая затѣмъ въ холодную постель и трясясь всѣмъ тѣломъ подъ ледянымъ одѣяломъ.

Противъ насъ, въ другой палаткѣ, устраиваются на ночлегъ тонгусы. Дядя докуриваетъ свою послѣднюю передъ сномъ папиросу и бормочетъ мнѣ въ назиданіе, но себѣ подъ носъ, что слѣдуетъ писать «тонгусъ», а не «тунгусъ», какъ принято, такъ какъ это слово, очевидно, — сочетаніе якутскихъ словъ «тонгъ» — мерзлый и «усъ» — родъ, причемъ подробно поясняетъ, что «мерзлымъ» якуты называютъ каждого, кто не умѣетъ говорить по якутски.

— Правда, теперь тонгусы говорятъ, можетъ быть, лучше по якутски, чѣмъ по тонгуски; но конечно, когда якуты встрѣтили въ первый разъ тонгусовъ, то послѣдніе умѣли говорить только на родномъ языкѣ и якутскаго не знали...

Я не въ состояніи дослушать филологическихъ экскурсій дяди и, всматриваясь въ игру огня на вершинѣ развѣсистаго дерева, засыпаю крѣпкимъ сномъ.

II.

Было уже около семи часовъ, когда я проснулся; но въ концѣ ноября, подъ 59 град. сѣв. широты, солнце всходитъ въ девять часовъ съ минутами; поэтому было еще совсѣмъ темно, и звѣзды смотрѣли на насъ сверху.

Тонгусы уже поднялись. Я прислушиваюсь къ

ихъ разговорамъ; но они говорятъ на своемъ родномъ, непонятномъ для меня, люлюкающемъ, чрезвычайно мягкомъ языкѣ,—говорятъ вполголоса, отчасти боясь обезпокоить „тойоновъ“ (господь), отчасти, можетъ-быть, стыдясь, что говорятъ на языкѣ, который презираютъ ихъ исконные притѣснители—якуты.

Я поднялъ повыше подушку и на лицѣ своемъ ощутилъ жаръ костра. Подъ одѣяломъ такъ тепло, что не хочется вставать. Но вотъ проснулся и дядя; очевидно, и ему не хочется вставать, онъ закуриваетъ папиросу и лежитъ, не шевелясь. Я опять засыпаю на нѣсколько минутъ и, проснувшись, застаю ужъ новую картину: тонгусы пьютъ чай; Шурочка подползъ ближе къ костру; Осипъ Ильичъ собирается вставать, кряхтитъ и курить.

Дядя рѣшительнымъ движеніемъ сбрасываетъ одѣяло и начинаетъ одѣваться. Давно уже не имѣли мы удовольствія одѣваться на открытомъ воздухѣ, на морозѣ въ 40 град. Но дѣлать нечего: я проворно одѣваюсь, по примѣру дяди, и мы производимъ наше знаменитое умываніе нагрѣтой у костра водой, быстро остывающей на морозѣ.

Осипъ Ильичъ просто пораженъ нашими манипуляціями.

— Небось, тайга-то скоро эту дурь,—извините за выраженіе,—изъ васъ вышибитъ! ворчитъ онъ, принимаясь за чай.

— Ну, мы посмотримъ еще, кто кого одолѣетъ, смѣясь, отвѣчаетъ дядя:—тайга насъ или мы ее?

Умывшись, мы присоединились къ сидящимъ у костра за чаемъ; но чай недостаточно согрѣлъ насъ. Зато, когда мы, собравъ и уложивъ свои вещи, принялись помогать тонгусамъ снимать съ палатокъ брезентъ и укладывать его на сани, мы такъ согрѣлись, что могли съ большимъ комфортомъ приступить къ обѣду, который тѣмъ временемъ уже поспѣлъ.

Въ тайгѣ зимой дни такіе короткіе, что невозможно тратить время на приготовленіе пищи, пока свѣтло и еще можно ѣхать, а нужно при-

выкнуть обѣдать раннимъ утромъ и ѣсть столько, чтобы не чувствовать голода до вечера.

Пока мы обѣдали, тонгусы пошли за оленями, и скоро становище наше оживилось: гремя бубенчиками и колокольчиками, похрюкивая, сталкиваясь другъ съ другомъ рогами, перепрыгивая черезъ разложенныя вещи, олени съ оленятами окружили насъ со всѣхъ сторонъ. Сначала немного дичась, а затѣмъ

Вылавливаніе

съ каждой минутой дѣлаясь все смѣлѣе, олени совали свою морду во всѣ узлы и во всѣ котлы; одинъ даже ударилъ ногой котелъ и пролилъ остатки супа, другого не могли отогнать отъ мѣшка съ соленой рыбой; третій носился по всему становищу. Пришлось приступить къ поимкѣ ихъ и привязыванію къ санямъ.

Оленя поймать не такъ-то легко. Онъ подпу-

стить къ себѣ человека на пол у аршинъ, но чуть какое-нибудь движеніе ему покажется подозрительнымъ,

олений.

какъ онъ уже моментально ловкими и могучими прыжками отбѣжалъ на 10 сажень. Поворотливость и быстрота движеній оленя изумительны.

Для ловли ихъ существуетъ особый арканчикъ—„маамыкъ“. Имъ и вооружилась Аленка, на долю которой достался трудъ—переловить всѣхъ оленей и привязать попарно къ санямъ. Взявши одинъ конецъ веревочки въ лѣвую руку,

она беретъ правою рукою всю веревочку, свернутую въ кружокъ, затѣмъ высоко поднимаетъ правую руку надъ головою и кидаетъ арканъ впередъ, удерживая при этомъ второй конецъ его въ правой рукѣ. По большей части Аленка дѣйствовала безъ промаха, хотя иногда ей приходилось оленя „скрадывать“, т.-е. употреблять мѣры, чтобы онъ не замѣтилъ ея приближенія или, по крайней мѣрѣ, намѣренія. За нѣкоторыми оленями пришлось таки покрутиться по становищу, прежде чѣмъ удалось пустить въ ходъ арканчикъ. Настоящій „маамыкъ“, чрезвычайно тонкій, почти круглый, готовится изъ моржовой кожи и, благодаря своей формѣ и незначительной толщинѣ, чрезвычайно легко развертывается въ воздухѣ, и тогда любой тонгусскій мальчикъ имъ дѣйствуетъ безъ промаха. У насъ же „маамыкъ“ былъ сдѣланъ изъ очень тонкой пеньковой бечевки; поэтому движеніе его не отличалось плавностью, и дѣйствовать имъ было довольно трудно.

Все готово. Аленка сидитъ на своихъ саяхъ и покуриваетъ трубочку; нѣкоторые олени, впряженные въ сани, стоятъ, жуя жвачку, нѣкоторые лежать. Иванъ выломалъ себѣ хорошій пруть для стеганія оленей въ пути. Мы надѣваемъ свои ружья, пристегиваемъ ножи и ждемъ сигнала. Наконецъ дядя кричитъ: „чеингы!“, Аленка суетъ за голенище этэробэсовъ свою трубочку, соскаки-

ваеть съ саней и беретъ въ руки поводья своихъ оленей; Афанасій кидается къ своимъ; Иванъ подходитъ къ отборнымъ передовымъ оленямъ и по транспорту раздается дружное: „мать!“, „мать!“...

Тронулись.

Но, какъ и вчера, намъ не удавалось пройти и двухъ верстъ безъ приключенія: то лямка порвется, то сани застрянутъ между пнями или корнями деревьевъ.

Вдобавокъ мы скоро выѣхали къ рѣчкѣ, которая впадаетъ въ рѣку Олекму, немного выше нашего зимовья. Руслѣ рѣки такое узенькое и такъ загромождено свалившимися съ береговъ лѣсинами, что ѣхать по нему совершенно невозможно. Нашими предшественниками была проложена дорога по берегу; но она испортилась, образовавъ раскаты. Сани скатываются внизъ, увлекая за собой оленей, которымъ приходится съ усиліемъ втаскивать ихъ въ гору.

Олени утомились бы до невозможности, если бы не стали попадаться мѣстами пространства, свободныя отъ лѣса и совершенно гладкія, по которымъ дорогу можно было проложить далеко отъ береговой крутизны, не затрачивая силъ на прорубаніе просѣкъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ чаще стали встрѣчаться такія пространства, что указывало на близость истока рѣки. Барометръ постепенно, хотя и медленно, падалъ: очевидно, мы подымались

въ гору. На это указывалъ и характеръ растительности: лиственницу и березу все больше и больше вытѣсняла сосна.

Подъемъ оказался очень тяжелымъ для оленей; они такъ устали, что дядя рѣшилъ дать имъ отдыхъ, когда мы, чрезъ три часа пути, вступили въ чистенькую сосновую рощу.

— Тохтонгъ! тохтонгъ! (остановитесь), — выкрикнулъ дядя. — Чайбытынъ бугаряхъ — эрэ (давайте-ка варить чай)!

Олени встали, какъ вкопанные. Нѣкоторые изъ нихъ шатались. Шурочка тоже сильно усталъ. Осипъ Ильичъ совсѣмъ раскисъ, хотя частенько присаживался на сани. Но тонгусы, хотя имъ пришлось больше всѣхъ работать, не выказывали ни малѣйшихъ признаковъ усталости.

Мастера разводить огонь, тонгусы дали намъ черезъ 5 минутъ возможность повѣсить надъ огнемъ чайники, наполненные снѣгомъ, и скоро мы приступили къ чаепитію и закускѣ.

Мѣстечко, гдѣ мы остановились, было прелестно само по себѣ, а, оживленное нашимъ таборомъ, представляло еще болѣе красивую картину.

На дорогѣ, по которой виднѣется слѣдъ нашего транспорта, стоятъ, вытянувшись въ линію, сани, запряженные оленями, изъ которыхъ большинство улеглось, насколько позволяла упряжь;

оленьята разсыпались по лѣсу, а нѣкоторые толкуются около табора. Недалеко отъ дороги пылаетъ костеръ. Кругомъ, насколько хватаетъ глазъ,—лѣсъ, лѣсъ и лѣсъ... Земля покрыта бѣлою пеленою пушистаго снѣга; снѣгъ повисъ густыми хлопьями на вѣткахъ деревьевъ, сильно пригибая болѣе тонкія изъ нихъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ долбить дерево черный дятель съ огненно-краснымъ чубомъ; вотъ прилетѣла пестрая кедровка, покричала и улетѣла въ глубь лѣса, гдѣ слышится карканье старика-ворона. Солнце поднялось надъ лѣсомъ и ярко искрится на бѣломъ покровѣ земли, на вѣткахъ деревьевъ, на нашей посудѣ, оружьи и даетъ ощущеніе теплоты той сторонѣ лица, которая обращена къ нему.

Вотъ маленькій олененокъ подбѣжалъ къ Аленькѣ, которая только что кончила чай и закурила трубку. Аленька даетъ ему сухарь съ солью и нѣжно его ласкаетъ.

— Миленькій! говоритъ она, прикладывая свою щеку къ мордочкѣ оленя.

— А вотъ его мать, обращается она къ дядѣ, указывая на крупную бѣлую оленницу.

Тонгусы чувствовали себя непринужденно со мной и дядей, хотя, обыкновенно, они русскихъ очень боятся. Но мы говорили съ ними на понятномъ для нихъ языкѣ, поэтому могли болѣе другихъ сблизиться съ ними.

— Мать этого олененка была наша,—продолжала Аленка.—И вотъ этотъ бурь...

Она указала на лучшаго самца изъ нашего транспорта.

— Какъ—ваши? спросилъ дядя.

Аленка рассказала, что раньше ея семья была очень богата, но у нихъ два года свирѣпствовала гололедица, мѣшавшая оленямъ добывать кормъ; часть оленей пала, а остальныхъ пришлось продать или отдать за долги, сами же они принуждены были итти служить погонщиками при своихъ же бывшихъ оленяхъ.

Грустная нотка звучала въ отрывистыхъ фразахъ Аленки, когда она, говоря это, любовно глядѣла на „своихъ“ оленей и ласкала ихъ.

На лицо дяди набѣжало облако, и онъ, какъ это съ нимъ всегда бывало въ подобныхъ случаяхъ, потиралъ концами пальцевъ свой лобъ.

— Ты понялъ, Сережа?—спросилъ онъ меня.— Ты понялъ, что говорила Аленка?

— Да, я, кажется, понялъ, дядя.

Дядя помолчалъ. Черезъ минуту, пересиливая внутреннее страданье, онъ продолжалъ:

— Да, Сережа! и здѣсь, на вершинѣ никому невѣдомой рѣчушки заброшеннаго края, мы встречаемся съ однимъ и тѣмъ же вѣчнымъ вопросомъ,— съ вопросомъ о человѣческомъ счастьѣ и о чело-

вѣческихъ отношеніяхъ... Понимаешь-ли ты, Сережа, что я говорю?

— Да, дядя, и это я, кажется, понимаю.

Волненіе дяди сообщилося и мнѣ. Я чувствовалъ, что къ горлу моему подступаетъ какой-то клубокъ,—признакъ приближенія спазмы,—и старался не глядѣть на дядю, чтобы не разрыдаться.

Пересиливая себя, я продолжалъ:

— А еще яснѣе понимаю я красоту твоей души, дядя Коля, и что въ тебѣ живетъ вѣчное желаніе увеличить количество человѣческаго счастья на землѣ и улучшить человѣческія отношенія.

— Это—лучшая для меня награда за мои заботы о тебѣ, Сережа,—отвѣтилъ дядя.—Впрочемъ, объ этомъ мы еще много будемъ говорить съ тобой въ другое время...

Аленка, видя, что „тойоны“ (господа) ведутъ какимъ-то страннымъ тономъ какой-то странный разговоръ, съ наивностью дикарки заглядывала намъ въ ротъ и въ глаза и переводила свой взглядъ съ одного изъ насъ на другого.

— Аленка,—сказалъ ей дядя,—я говорю своему младшему брату *), чтобы онъ никогда не дѣлалъ ни съ кѣмъ того, что сдѣлалъ съ вами вашъ жестокій заимодавецъ.

---

*) По-якутски „племянникъ“ и „младшій братъ“ обозначается однимъ и тѣмъ же словомъ.

— Учугэй (хорошо)!—отвѣтила Аленка просто. Пора ѣхать. Не болѣе 5 минутъ понадобилось на сборы.

Чѣмъ дальше, тѣмъ круче становится подъемъ. Мы взбираемся на водораздѣль, отдѣляющій долину рѣки Олекмы отъ долины Амги. Олени скоро начали терять силы.

Но вотъ неожиданная остановка: однѣ изъ саней такъ расхлябались, что когда Афанасій усердно стегнулъ оленей и они рванулись впередъ, то сломался „барань“ и сани опрокинулись. Транспортъ сталъ.

Иванъ углубился въ лѣсъ искать подходящую для барана талину; Афанасію пришлось самому поднимать сани.

Иванъ скоро вернулся съ талиною въ рукахъ. Аленка набрала сухихъ вѣтвей и зажгла костеръ.

Иванъ, обдѣлавъ талину ножомъ, положилъ ее серединою въ огонь, затѣмъ, быстро выдернувши ее изъ огня, сталъ вмѣстѣ съ Афанасіемъ напрягать силы, чтобы скрутить ее. Когда талина переставала поддаваться, Иванъ опять клалъ ее въ огонь, опять быстро выдергивалъ и такъ до тѣхъ поръ, пока талина въ серединѣ не сдѣлалась такой мягкой, что ее можно было согнуть. Придѣлать барань къ санямъ было дѣломъ пяти минутъ.

Транспортъ двинулся дальше. Передохнувшіе олени дружно взяли съ мѣста.

Поднимаясь постепенно въ гору, дорога наша мѣстами круто спускалась внизъ, и такой спускъ для оленей былъ чуть ли не тяжелѣе подъема. Сани катятся внизъ, бьютъ по ногамъ, забираютъ въ стороны, обгоняютъ оленей. Иванъ и Афанасій селятся сзади удержать сани, но нерѣдко сами не въ состояніи удержаться на ногахъ и сползаютъ внизъ, а подчасъ и летятъ кувыркомъ, изображая такія безпомощныя и комическія фигуры, что Аленка то и дѣло раздражается громкимъ хохотомъ.

Но скоро произошла такая катастрофа, что Аленкѣ и намъ всѣмъ было не до смѣха.

На одномъ изъ спусковъ, посреди дороги, торчали два дерева. Съ большимъ трудомъ удалось намъ провести мимо нихъ нѣкоторые сани. Но вотъ, при спускѣ предпоследнихъ саней, олени разбѣжались такъ, что деревья очутились какъ разъ между ними. Сани уперлись, сбруя разорвалась въ куски, и одного оленя съ силой ударило о дерево. Мы подскочили и освободили его отъ лямокъ: несчастное животное отъ боли подпрыгивало на задней правой ногѣ, а лѣвая у него повисла и слегка свернулась въ сторону. Увы! не было сомнѣнія, что у оленя сломана нога.

Между тѣмъ начали сгущаться сумерки. Нужно было торопиться, чтобы во-время прійти къ намѣченному мѣсту предстоящей ночевки. Сбрую на-

скоро связали, впрягли запасного оленя, а больного рѣшили бросить на произволъ судьбы до утра.

Когда нашъ транспортъ тронулся въ путь, несчастное животное потащилось за нами; но, сдѣлавши въ припрыжку нѣсколько шаговъ, бѣдный олень принужденъ былъ остановиться: сломанная нога болталась, какъ плеть, и, очевидно, причиняла животному сильныя страданія. Съ чувствомъ глубокой жалости оглядывались мы на оленя, который стоялъ, опустивши голову и провожая насъ печальнымъ взлядомъ своихъ грустныхъ, широко раскрытыхъ глазъ. Еще нѣсколько минутъ, — и сгустившійся мракъ глубокихъ сумерекъ скрылъ отъ насъ печальную картину.

Было уже совершенно темно и звѣзды сіяли на небѣ, когда мы остановились для ночлега на мѣстѣ нашихъ предшественниковъ, оставившихъ намъ остовы двухъ палатокъ. Запылалъ костеръ, сняли съ саней вещи, Афанасій съ Иваномъ таскали дрова, Шурочка съ Аленкой хлопотали съ приготовленіями къ чаю, Осипъ Ильичъ сидѣлъ у костра и курилъ, мы съ дядей подбрасывали въ костеръ сучья, олени разбрелись по лѣсу, — все, какъ вчера... Вдругъ картина моментально измѣнилась.

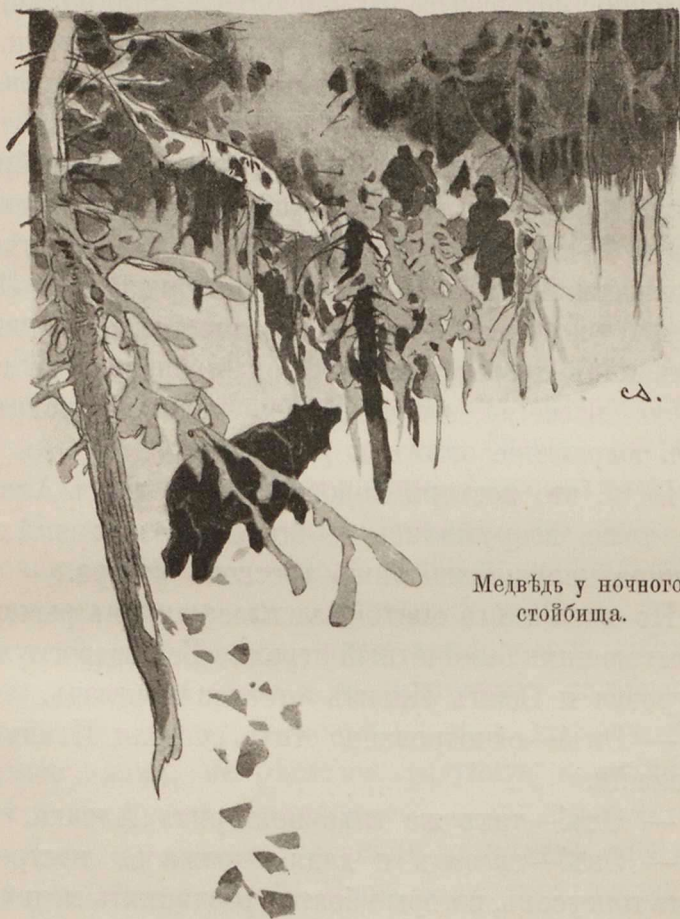
По тайгѣ раздался громкій, протяжный ревъ.

— Что такое? — крикнулъ дядя по якутски.

Всѣ какъ бы замерли на одинъ мигъ, затѣмъ Аленка, Иванъ и Афанасій крикнули:

— Медвѣдь!

Потревоженный изъ своей берлоги, или не успѣвшій еще устроиться на зиму, «шатунъ» не-

Медвѣдь у ночного
стойбища.

обыкновенно свирѣпъ, и встрѣча съ нимъ грозитъ неминуемой гибелью. Мы всѣ это отлично знали.

Еще мгновеніе,—и весь нашъ таборъ сбился у костра. Мы съ Аленкой, по приказанію дяди, усиленно подбрасывали наиболѣе сухія полѣнья. Всѣ остальные схватили ружья и взвели курки.

Иванъ не бросилъ топора, которымъ рубилъ неподалеку дрова, а въ нѣсколько прыжковъ очутился впереди всѣхъ. Онъ совершенно преобразился. Во всей его фигурѣ, обыкновенно флегматичной, было много увѣренности въ своей силѣ и готовности первымъ броситься въ опасность. Эта фигура тщедушнаго тонгуса, съ топоромъ, занесеннымъ надъ правымъ плечомъ, и приподнятою головою, навсегда запечатлѣлась въ моей памяти, какъ выраженіе отваги и рѣшимости.

Видя, что костеръ хорошо горитъ, мы съ Аленкой тоже вооружились и стояли позади всѣхъ. Тишина нарушалась лишь трескомъ костра.

Но вотъ тайга опять огласилась дикимъ ревомъ, вызывающимъ безотчетный страхъ. Всѣ вздрогнули. Шурочка и Осипъ Ильичъ отступили назадъ.

— Онъ!—одновременно тихо сказали Иванъ и Афанасій.

— Онъ!—такъ же тихо повторила Аленка.

— Онъ!—сказалъ и дядя, заражаясь настроеніемъ тонгусовъ, которые боятся раздражить медвѣдя употребленіемъ даже обычнаго названія его: «дѣдушка». Они вѣрятъ, что медвѣдь можетъ услышать, оскорбиться и—сдѣлаться еще свирѣпѣе.

Нѣсколько минутъ постояли мы въ напряженномъ ожиданіи. Но ревъ не повторился. Наше нервное напряженіе постепенно ослабѣло. Шурочка сталъ пробираться впередъ, чтобы показать, какъ онъ храбръ, когда.... опасность миновала.

Мы начали обмѣниваться впечатлѣніями и мыслями и рѣшили, что медвѣдь набрелъ на оставленнаго нами оленя и устроилъ себѣ пиршество. Расположивъ наше оружіе такъ, чтобы, въ случаѣ надобности, можно было за него схватиться, мы принялись за свои прерванные занятія.

Часа черезъ два, отдѣлавшись отъ всякихъ думъ о медвѣдѣ, мы спокойно принялись устраиваться на ночлегъ, разведя костеръ еще больше вчерашняго. Ночь прошла совершенно благополучно.

Проснувшись утромъ, я узналъ, что олень со сломанной ногой прибредъ ночью къ нашему стану, и утромъ его нашли лежащимъ у заднихъ саней. По всей вѣроятности, почуя врага, олень собралъ свои послѣднія силы и въ припрыжку направился къ нашему стану, а медвѣдь, видя у стана громадное пламя, не рѣшился вступить съ нами въ бой и въ досадѣ удалился.

Дядя приказалъ тонгусамъ прирѣзать оленя съ перешибленной ногой. Часть мяса тутъ же изжарили на угольяхъ, часть взяли съ собой, а часть оставили, развѣсивъ на деревьяхъ. Шкуру тоже повѣсили на дерево.

Дядя на полулисткѣ бумаги написалъ объясненіе, почему олень зарѣзанъ, предлагая воспользоваться его мясомъ тѣмъ, кто будетъ слѣдовать за нами.

Закончивши всѣ дѣла, мы тронулись въ путь.

III.

Такъ шли мы и день, и два, и три.

На вершинѣ водораздѣла между Олекмой и Амгой тайга сдѣлалась почти непроходимой: дорога наша сузилась; пни, кочки и выступившіе наружу корни деревьевъ невѣроятно затрудняли движеніе саней. Къ тому же мы всѣ страшно устали. Люди и животные выбивались изъ силъ, несмотря на то, что мы проходили всего лишь по десяти, пятнадцати верстѣ въ день. Весь путь нашъ до перваго стана составлялъ приблизительно 135 в., но мы были еще далеко даже отъ этого стана. Всѣ наши желанія сводились къ тому, чтобы достигнуть рѣки и продолжать путь по льду. Тонгусы увѣряли, что всѣ мы усядемся на сани и олени понесутъ насъ рысью по льду рѣки.

Наконецъ, съ полудня послѣ пятой ночевки, мы стали замѣчать, что тайга рѣдѣетъ и лѣсъ выравнивается. Мы остановились для чаепитія на вершинѣ небольшой рѣчушки съ пологими бере-

гами, сплошь заросшими невысокимъ тальникомъ. По этой рѣчушкѣ мы безъ приключеній дошли часа въ 4 послѣ полудня до берега рѣки Амги.

Чтобы дать отдыхъ оленямъ, которымъ придется везти насъ, какъ мы были убѣждены, рысью, дядя остановилъ транспортъ на полчаса. Пока приготавливали чай, мы успѣли полюбоваться довольно широкою рѣкою (въ этомъ мѣстѣ—до 200 с. шириною) и цѣпью горъ, служащихъ водораздѣломъ между рѣками Амгой и Алданомъ. Далеко за Амгою горы эти, лишенные всякой растительности, «гольцы» по—сибирски, блестяли своей ослѣпительной снѣжной поверхностью, на которой еще догорали ярко-красные лучи солнца, хотя кругомъ насъ, въ долинѣ, спускались уже сумерки.

Осипъ Ильичъ сошелъ на ледъ рѣки и черезъ небольшую прорубь, которою, должно-быть, пользовались предшествующіе транспорты, досталъ со дна гальку и сталъ ее разсматривать.

— Ну, здѣсь никакого золота не было и не будетъ,—сказалъ онъ дядѣ авторитетнымъ тономъ.

Дядя ничего не отвѣтилъ на это. Я собирался разспросить, въ чемъ дѣло, но пора было уже усаживаться въ сани.

Мы вооружились длинными и гибкими талинами, чтобы поддерживать соревнованіе нашихъ оленей въ бѣшенномъ скачкѣ по льду.

Спустивши съ кручи наши сани одни за дру-

гими, мы важно разсѣлись и погнали оленей. Нѣсколько отдохнувшія и подкормленные животныя дружно взяли съ мѣста, и мы ощутили удовольствіе сидѣть въ экипажѣ и двигаться впередъ, сравнительно быстро. Правда, это движеніе далеко не напоминало бѣшеннѣйшей скачки; но спасибо и за то, что не плелись шагомъ, а сани подвигались плавно, не задѣвая за пни и корни.

Ледъ рѣки былъ покрытъ очень толстымъ слоемъ снѣга; но предшествующіе транспорты утрамбовали его, и «дорога» была лишь слегка присыпана снѣжкомъ, выпадавшимъ послѣ проѣзда нашего послѣдняго транспорта; онъ свободно уминался полозьями нашихъ саней. Мы были въ восторгѣ, и дядя выражалъ надежду, что мы, до остановки на ночлегъ, подвинемся впередъ верстъ на десять.

Но вотъ случилось что-то необыкновенное и для меня совершенно неожиданное. Олени сдѣлали попытку шарахнуться въ сторону, Иванъ во мгновение ока очутился на ногахъ, транспортъ сталъ, и, прежде чѣмъ я успѣлъ понять въ чемъ дѣло, сани съ оленями и Иваномъ на моихъ глазахъ провалились. Иванъ по поясъ очутился въ водѣ. Еще мгновенье, — и подъ оленями слѣдующихъ саней сталъ подламываться ледъ и эти сани очутились также подъ водой. Поднялся страшный переполохъ. Въ такой морозъ, и вдругъ — вода. Погруженіе про-

изошло на $\frac{1}{4}$ саж. въ глубь. Сани и олени стояли на чемъ то твердомъ, а не шли ко дну рѣки, но они могли примерзнуть ко льду, не говоря уже о порчѣ клади, такъ что нужно было спѣшить высвободить ихъ изъ воды. Остальные сани дядя तो-ропился разъединить, чтобы они не послѣдовали за провалившимися.

Попали мы въ воду въ такомъ мѣстѣ, гдѣ берегъ чрезвычайно крутъ и покрытъ очень глубокимъ снѣгомъ. Чтобы взобраться на кручу, приходилось кое-что сбрасывать съ саней, впрягать «заводныхъ» оленей на подмогу, да и самимъ впрягаться, такъ какъ были моменты, что оленей нельзя было сдвинуть никакими понуканіями и ударами нашихъ импровизированныхъ бичей. Все это потребовало не мало усилій съ нашей стороны и не мало времени, такъ что непроницаемая мгла окутала окрестность задолго до того, какъ иззябшіе, измокшіе и усталые, усѣлись мы у костра.

Изъ разговоровъ съ тонгусами, а отчасти и съ Осипомъ Ильичемъ, а главное, изъ объясненій дяди, я узналъ, что «наледь», по-якутски «тарынь», явленіе очень обыкновенное въ Якутской области. Подробности объ образованіи тарына, какъ я это понималъ изъ объясненій дяди и другихъ бывалыхъ людей, еще не достаточно изучены. Само же явленіе заключается въ слѣдующемъ. Долго спустя послѣ того, какъ на рѣкѣ образовался толстый слой льду,

на этотъ ледъ стекаетъ съ береговъ вода, которая начинаетъ опять замерзать съ поверхности. Если толща этого второго льду достаточна, то по немъ могутъ свободно ѣхать; но если вступаешь на этотъ ледъ, гдѣ онъ еще тонокъ, то проваливаешься съ саними до перваго слоя льду. Вотъ почему и нашъ транспортъ очутился въ водѣ сравнительно не глубоко: олени, люди и сани стояли на первоначальной, замерзнувшей поверхности рѣки, а не на ея днѣ.

Самый главный вопросъ здѣсь заключается въ томъ, откуда берется въ такомъ большомъ количествѣ вода при сильнѣйшихъ якутскихъ морозахъ? Ученые не дали пока вполне удовлетворительнаго отвѣта на этотъ вопросъ. Самое естественное предположеніе, что вода эта—вода подземныхъ горячихъ ключей. Это находится въ соотвѣтствіи съ обиліемъ такихъ ключей въ описываемой мѣстности.

Обувь наша насквозь промокла, отчасти намокла и одежда; костеръ по этому случаю мы разложили громаднѣйшій и должны были пустить въ ходъ всю нашу изобрѣтательность, располагая наши намокшія вещи у костра такъ, чтобы онѣ въ теченіе ночи и высохли, и не сгорѣли.

На утро, обычнымъ порядкомъ, мы собрались въ путь. Но не успѣли мы сдѣлать и полуверсты, какъ Иванъ остановилъ своихъ оленей и, показы-

вая талиной на дорогу впереди себя, стали забирать вправо: передъ нами опять былъ тарынь. Всѣ мы также стали направлять своихъ оленей вправо, въ обходъ тарына; но при этомъ необходимо было, какъ оказалось, взобраться на самый берегъ; мы этого не сдѣлали и опять очутились въ водѣ. Не безъ усилій выбрались мы на сухое мѣсто и стали приводить себя въ порядокъ. Съ полозьевъ сбили замерзшую мгновенно кашу изъ снѣга съ водой, съ обуви счищали такую же кашу. У насъ не было времени сушить обувь,—поэтому большинство такъ и шло съ мокрыми ногами, въ замерзшихъ чулкахъ. Меня дядя заставилъ переобуться. Моему примѣру послѣдовалъ кто-то, но остальнымъ было не до того.

Впослѣдствіи мы избрѣли особую предохранительную мѣру: мы нарочно мочили обувь въ водѣ, чтобы она покрылась снаружи слоемъ льда, который не пропускалъ воды. Конечно, если долго приходилось стоять въ водѣ, то ледяная кора, покрывающая обувь, таяла, и мы въ концѣ концовъ опять двигались съ мокрыми ногами, въ мокрой обуви.

Первое ощущеніе, когда согрѣтую ходьбой ногу вдругъ смачиваетъ ледяная вода,—не изъ пріятныхъ. Но уже черезъ двѣ-три минуты температура воды подымается, температура тѣла понижается, и ощущеніе становится легко переносимымъ. На ходу

ноги опять согрѣваются, передаютъ теплоту тѣла обуви, и чувствуешь себя прекрасно. Но бѣда, если при этомъ остаться безъ движенія или, еще хуже, заснуть. Черезъ 10 минутъ можно отморозить себѣ ноги такъ, что во всю жизнь не забудешь.

Чѣмъ дальше, тѣмъ чаще попадались тарыны, и намъ очень мало приходилось присаживаться на сани. Вытаскиваніе саней изъ воды, въ которой плавали куски льда, требовало такихъ усилій, а сани дѣлались такими тяжелыми отъ намерзшаго на нихъ снѣга и льда, несмотря на частую чистку, что люди и животныя совершенно измучились. Наконецъ одна пара оленей свалилась и не могла подняться.

Тогда дядя рѣшилъ снять часть клади и оставить на дорогѣ. Мы принялись отбирать менѣе нужныя вещи и провизию. Отобрали пудовъ 15 такихъ вещей, которыя, безъ ущерба для дѣла, могли быть оставлены. Желѣзо сложили прямо на снѣгъ, а для съѣстного сдѣлали помость, чтобы не растащили звѣри, составили опись и прибили ее на видномъ мѣстѣ. Упавшимъ оленямъ положили у самой морды по нѣсколько горстей сухарей и соли. Ждать, пока животныя поднимутся и соберутся съ силами, мы не могли и тронулись въ путь, предоставивъ оленей самимъ себѣ.

На утро, пригнавши оленей послѣ ночевки, тонгусы объявили, что брошенные вчера животныя

благополучно присоединились въ ночь къ своимъ товарищамъ.

Съ облегченными санями мы довольно бодро двинулись въ путь, мечтая отчасти ускорить наше передвиженіе, но первая же наледь, въ которую мы не замедлили попасть, возвратила насъ къ печаль-

Выбираемся изъ тарына.

ной дѣйствительности. Пришлось принимать всевозможныя мѣры, чтобы сохранить силы оленей. Никто, кромѣ грузнаго Осипа Ильича, не смѣлъ, по распоряженію дяди, садиться на сани. Дядя съ Иваномъ обходили каждый тарынь и искали объѣзда; тѣмъ не менѣе на протяженіи двухъ-трехъ

версть мы раза по два купались въ водѣ. Чтобы облегчить оленей, впрягали по 4, даже по 6 штукъ въ одни сани за другими, по очереди, для вытаскиванія ихъ изъ воды.

Послѣдній въ этотъ день тарынъ особенно насъ измучилъ. Уже сильно смерклось, когда мы подходили къ мѣсту предполагаемой ночевки. Версты четыре мы шли, удачно обходя встрѣчавшіеся на пути тарыны. Мы предвкушали уже пріятный отдыхъ въ палаткѣ, остовъ которой рѣзко очерчивался передъ нами на свѣтлѣющей еще части неба. И вотъ за какія-нибудь пять, шесть сажень до мѣста, гдѣ мы должны были подняться на берегъ, ледъ подломился почти одновременно подъ всѣмъ транспортомъ, и мы засѣли въ воду по брюхо оленей. Такой глубины мы еще не пробовали.

Я не въ состояніи изобразить, сколько отчаянныхъ усилій пришлось намъ употребить, чтобы вытащить изъ воды сани за санями. Шестерки, даже восьмерки оленей едва было достаточно, чтобы вытащить сани и поднять ихъ на гору. Мы то бродили по поясъ въ водѣ, то мерзли при неизбѣжныхъ остановкахъ оленей, поднимавшихъ сани на берегъ. Шурочка не выдержалъ этой пытки и присосѣдился къ костру, который Аленька давно уже развела у остова палатки. Вскорѣ и меня дядя отправилъ къ костру, замѣтивъ, что я пришелъ въ

уныніе; и во-время, такъ какъ я началъ опасаться за свои ноги. Мы съ Шурочкой приняли серіозныя мѣры къ отогрѣванію ногъ, чтобы не остаться калѣками на всю жизнь.

Наконецъ, когда работа была окончена, и дядя поднялся навѣрхъ къ костру, онъ признался намъ, что совершенно обезсилѣлъ и ничто не заставитъ его тронуться съ мѣста. Въ первый разъ за все время пути дядя не снялъ на ночь платья, переобувъ только ноги въ сухіе чулки и валенки.

Какъ на зло, въ эту ночь былъ жестокій морозъ; штифтикъ minimum-термометра показывалъ на утро 53° Ц. Я долго не могъ согрѣться. Дядя тоже жаловался, что онъ чувствуетъ сильный ознобъ. Всѣ остальные чувствовали себя не лучше.

Утромъ, когда мы сидѣли у костра въ ожиданіи горячей пищи, вдругъ въ морозномъ воздухѣ послышался скрипъ саней. Мы бросились къ берегу рѣки и стали прислушиваться. Долго не могли мы понять, откуда несутся звуки. Рѣка дѣлала въ этомъ мѣстѣ частые изгибы; все пространство вокругъ насъ, кромѣ рѣки, было покрыто густымъ лѣсомъ; температура, а, слѣдовательно, и плотность воздуха были различны въ разныхъ мѣстахъ, по-этому звуки то замирали, дѣлаясь почти неслышными, то вдругъ раздавались съ поразительной

ясностью; то неслись съ той стороны, откуда мы прѣѣхали, то—съ противоположной.

— Это — конный транспортъ, сказалъ дядя:— а такъ какъ лошади въ этотъ моментъ на зимовѣ, то, очевидно, что транспортъ идетъ съ зимовья.

— Неужели это тотъ транспортъ, который вышелъ позже насъ? съ удивленіемъ воскликнулъ я.

— Ничего не могу предположить другого! отвѣтилъ дядя.

Въ этотъ моментъ изъ-за мыска показалась голова транспорта, идущаго вверхъ по рѣкѣ, а затѣмъ и весь онъ вытянулся по дорогѣ. Транспортъ состоялъ изъ четырехъ лошадей въ санной упряжи. За передними санями шагаль Анищенко, укутанный въ теплую шаль, а шествіе замыкалъ, чуть не съ разстегнутымъ воротомъ, Ефремъ. Видя передъ собой изломанный наканунѣ нашими санями ледъ тарына, Анищенко благополучно обошелъ опасное мѣсто.

Мы издали начали обмѣниваться привѣтствіями. Анищенко не удержался и началъ подтрунивать надъ нашимъ изнуреннымъ видомъ. Въ ожиданіи приближенія транспорта, мы страшно промерзли и теперь тряслись, какъ въ лихорадкѣ.

— Что, якутскій морозъ пробираетъ? кричалъ Анищенко.

Дядя указалъ ему на тарынь, который мы вчера

взломали нашими санями, и освѣдомился, нѣтъ ли кому-нибудь изъ насъ писемъ. Оказалось, что нѣтъ.

— Кланяться отъ васъ Василию Елисеѣвичу? продолжалъ подтрунивать Анищенко, желая наметнуть, что хоть онъ позже насъ вышелъ съ зимовья, но прибудетъ раньше на первый станъ, гдѣ начальникомъ былъ дядинъ товарищъ по ссылкѣ въ Якутскѣ.

— Кланяйся! махнулъ ему дядя рукой.

До перваго стана оставалось не болѣе 6—8 верстъ. Пообѣдавъ, мы двинулись въ путь.

На наше счастье, довольно долго не попадалось тарыновъ, и дорога была хорошая.

Не раздѣваясь на ночь и обувшись въ тяжелыя валенки, дядя имѣлъ въ виду, что это послѣдній день перехода до стана, такъ что и оленей можно не особенно жалѣть. И вотъ, мы ѣдемъ при ярко свѣтящемъ солнцѣ, сидя на саняхъ и изрѣдка подхлестывая оленей.

Я мечтаю, что часа черезъ два Анищенко доѣдетъ до Василія Елисеѣвича, сообщить о нашемъ приближеніи, и еще засвѣтло дотащимся и мы и будемъ приняты съ распростертыми объятіями. Каково же было наше удивленіе, когда послѣ крутого поворота рѣки, мы увидѣли, что конный транспортъ втесался въ ужаснѣйшій тарынъ и съ трудомъ изъ него выбирается.

Какъ нашъ вчерашній проваль помогъ Анищенкѣ избѣжать купанія въ водѣ, такъ теперь и мы безъ труда отыскали обходъ тарына и съ торжествующимъ видомъ обошли его транспортъ. Анищенко уже справился и ему оставалось только подчистить полозья саней.

Мы вмѣстѣ двинулись дальше.

— Сегодня кончается девятый день, какъ мы вышли съ зимовья, сказалъ мнѣ дядя;—значить, мы шли среднимъ числомъ около 16 верстъ въ сутки.

— Считая, что мы были въ движеніи часовъ по 8 въ день, это выходитъ, что мы дѣлали въ среднемъ по двѣ версты въ часъ, отвѣчалъ я.

— Эти цифры краснорѣчивѣ всякихъ описаній говорятъ о трудностяхъ нашего перехода, сказалъ дядя.

Черезъ полчаса мы благополучно подѣхали къ первому стану, а еще черезъ полчаса, переодѣвшись въ чистое и сухое платье, согрѣтые теплотою жарко натопленной избушки, обильною ѣдою, а, главное, радушнымъ пріемомъ товарищей, мы кажется, готовы были совершенно забыть и тарыны съ ихъ ледянымъ купаньемъ, и всѣ другія невзгоды путешествія, и лишь обожженное солнцемъ, вѣтромъ и морозомъ лицо, при приближеніи къ огню очага, заставляло вспоминать, что девять дней мы не были въ закрытомъ и натопленномъ помѣщеніи.

IV.

Грѣхъ было бы не дать людямъ отдохнуть, какъ слѣдуетъ: вѣдь не мало было перенесено лишеній и трудовъ, а впереди предстояло ихъ еще больше.

— Ребята! сказалъ на утро дядя своимъ рабочимъ.—Пробудемъ здѣсь и сегодня, и завтра! А на станъ Рудольфа Карло-

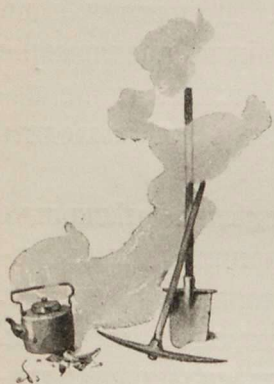
вича придемъ прямо къ моимъ именинамъ.

Рабочіе и тонгусы стали основательно просушивать свои вещи и починять отрепавшуюся одежду. Русскіе воспользовались случаемъ, смѣнили бѣлье и даже къ вечеру перваго же дня выпарились въ банѣ.

Предусмотрительный Василій Елисеѣвичъ построилъ у себя на станѣ баню.

— Пойдемъ, Сережа! сказалъ мнѣ дядя послѣ утренняго чая.—Пройдемся немного, взглянемъ на шурфы,—вѣдь ты ихъ, шурфовъ-то, еще и не видалъ!—а кстати, заглянемъ и въ баню.

Признаться-сказать, у меня не могло быть особенно сильнаго желанія прогуливаться. Въ балаганѣ Василя Елисеѣвича было жарко натоплено, а на дворѣ—морозъ. Все тѣло у меня ныло отъ

боли послѣ почти непрерывныхъ физическихъ трудовъ въ теченіе 9 дней,—и такъ пріятно было лежать неподвижно на мягкой постели, заботливо приготовленной для меня Ефремомъ. И поэтому я не особенно дружелюбно принялъ было предложеніе дяди; но, встрѣтя его серіозный взглядъ, я не показалъ и виду, что мнѣ не хотѣлось бы выходить изъ балагана.

Однако, стоило мнѣ только сдѣлать нѣсколько шаговъ по гладко утопанной тропинкѣ, чтобы забыть о прелестяхъ сидѣнія въ тепломъ балаганѣ. Легкое движеніе благотворно отозвалось на моемъ самочувствіи: я при этомъ не такъ сильно испытывалъ ощущеніе усталости.

— Ну, вотъ тебѣ и шурфъ, сказалъ дядя, когда мы приближались къ четырехугольной ямѣ съ выброшенной вокругъ изъ нея землею.

Я заглянулъ внутрь.

— Богъ на помощь! сказалъ дядя рабочему.

— Спасибо! отвѣтилъ тотъ, приставляя лопату къ стѣнкѣ шурфа и приподнявши шапку.

— Глубоко ль?

— Восьмую четверть бю.

— Колчедана не попадалось?

— Камчадаловъ и не жду!

— Значить, пояснилъ мнѣ дядя,—до золота еще далеко. А известнячка тоже не было? продолжалъ дядя свой опросъ.

Видъ шурфа.

— Кабы былъ известнякъ, такъ нечего было бы тутъ и дѣлать.

— Правильно!

— Како же золото, коли дойдешь до известняка!— продолжалъ рабочій, желая блеснуть передъ нами знаніемъ золотопромышленнаго дѣла.

Такъ обошли мы три-четыре шурфа. Дядя съ каждымъ рабочимъ умѣлъ поговорить не о томъ, такъ о другомъ,—умѣлъ подать тотъ или другой добрый совѣтъ.

— А вотъ и баня, должно-быть!

Дѣйствительно, гдѣ-то прямо изъ подъ земли ва-лилъ густой дымъ.

Мы спустились по скользкой-прескользкой тропинкѣ на ледъ рѣки, гдѣ, очевидно, отъ сливаемой постоянно воды, образовался уже порядочный ледяной бугоръ. Ефремъ топилъ баню.

Это была, въ сущности, выбранная въ крутомъ берегу рѣки яма. Задняя стѣна бани и ея боковыя стѣны были не что иное, какъ стороны этой ямы. Только передняя стѣна, обращенная къ рѣкѣ, оказалась построенною изъ бревень,—конечно, неотесанныхъ,—въ которыя была вдѣлана дверь. Баня была „черная“, т.-е. безъ дымовой трубы. Ефремъ, несмотря на 40° мороза, стоялъ въ одной рубахѣ у дверей бани, изъ которыхъ большими клубами валомъ-валилъ густой и ѣдкій дымъ. Время отъ времени Ефремъ долженъ былъ, несмотря на этотъ

дымъ, входить въ баню, подливать воду въ котель и подкидывать подъ него дрова. Котель былъ установленъ на грудѣ камней-булыжниковъ, въ которой часть камней, подъ котломъ, была выбрана, что-бы было гдѣ разводить огонь.

— Богъ на помощь! обратился дядя съ обычнымъ привѣтствіемъ къ Ефрему.—Ну, что? какова баня?

— Первый сортъ, Николай Алексѣвичъ! шутиливо отозвался Ефремъ. — Вотъ пожалуйста, поглядите.

— А ну-ка!

И дядя, согнувшись, влѣзъ въ баню. Я—за нимъ. Но черезъ мгновеніе я кинулся обратно на свѣжій воздухъ, отплеываясь, съ полными слезъ глазами. Ефремъ хохоталъ.

— Что, братъ? сказалъ дядя, вслѣдъ за мной вышедшій изъ бани.—Теперь знаешь, что такое „черная“ баня?

— Да какъ же тутъ мыться? спросилъ я, не будучи въ силахъ прійти въ себя отъ удущья.

— А вотъ приходи-ка черезъ часа два, такъ и вымоешься. Въ самомъ дѣлѣ, не мѣшаетъ и намъ съ тобой помыться. Ефремъ, наготовь-ка и для насъ воды!

Передъ обѣдомъ мы съ дядей, дѣйствительно, пошли мыться въ баню, захвативъ съ собою простыни, свѣчу и мыло.

Баня была уже вытоплена. Въ ней было чрезвычайно жарко, весь дымъ былъ выгнанъ наружу, и чувствовалась лишь въ очень незначительной степени ѣдкость. Вымылись мы очень чисто.

Не торопясь, справили мы на 1-мъ станѣ всѣ свои дѣла и порядкомъ отдохнули. Два дня пролетѣли быстро, и 5 декабря мы тронулись въ путь.

Былъ тихій морозный день, солнце свѣтило ярко-ярко, когда мы шумною толпою снялись въ путь на 3-й станъ (2-й станъ находился въ сторонѣ, и мы туда не имѣли надобности заходить). Рабочіе чуть-чуть подвыпили и съ особеннымъ оживленіемъ вели между собою бесѣду. Поддерживало всѣхъ и ожиданіе, что переходъ небольшой, верстъ 10—12, и что на завтра опять назначена дневка.

На этотъ разъ, дѣйствительно, мы сдѣлали переходъ безъ всякихъ приключеній. Только почти у самаго стана Рудольфа Карловича ледъ на рѣкѣ оказался до такой степени гладкимъ (здѣсь недавно замерзла тарынная вода), что олени подолгу скользили на одномъ мѣстѣ, не будучи въ силахъ сдвинуться дальше и потащить за собою сани.

Нечего и говорить, что на станѣ Рудольфа Карловича приняли насъ съ неменьшею радостью и радушіемъ, чѣмъ и на станѣ Василия Елисеѣвича. Что касается насъ самихъ, то мы хорошо чувствовали, что станъ Рудольфа Карловича—последній

пріютъ нашъ, приготовленный другими: отсюда именно мы должны были пуститься въ путешествіе по неизвѣстной мѣстности, и въ будущемъ наше устройство на нѣсколько мѣсяцевъ зависѣло исключительно отъ насъ самихъ. Кромѣ того, 6 декабря—день именинъ дяди, и мы устроили пиръ горой: бывшій въ командѣ Рудольфа Карловича Бѣличъ не ударилъ лицомъ въ грязь и умудрился въ желѣзной печи испечь пирогъ съ рыбой,—конечно, изъ прѣснаго, а не изъ кислаго тѣста.

Когда все въ балаганѣ Рудольфа Карловича къ вечеру успокоилось и мы съ дядей улеглись въ наши постели, то дядя, послѣ долгаго и сосредоточеннаго молчанія, обратился ко мнѣ.

— Ну, вотъ, Сережа, теперь ты не мало уже испыталъ,—видѣлъ, что такое путешествіе въ тайгѣ. Но вѣдь ты знаешь, что до сихъ поръ мы шли по проторенной другими дорогѣ. А съ завтрашняго дня намъ самимъ придется прокладывать дорогу для себя и для другихъ. Это—потруди́те и, главное, порискованнѣе, чѣмъ итти хотя и по самой скверной, но извѣстной дорогѣ. Я очень хотѣлъ бы, чтобы ты остался у Рудольфа Карловича на нѣсколько дней: болѣе 5—6 не понадобится мнѣ, чтобы основать новый станъ, а оттуда я тотчасъ же пришлю за тобой тонгусовъ...

— Ни за что! воскликнулъ я.—Я тебѣ даже вотъ что скажу: и не думай, чтобы я оставался съ

транспортомъ позади,—я буду итти съ тобой и Батраковымъ и помогать тебѣ въ съёмочной работѣ.

— Ну, ужъ этого-то не будетъ!

— Будетъ! Я воспользуюсь твоими приспособленіями и буду записывать съ твоихъ словъ цифры и замѣтки, а тебѣ останется лишь сосредоточить вниманіе на съёмочной работѣ и наблюденіяхъ окружающаго ландшафта. Я чувствую, что окрѣпъ, что то, что чуть не свело меня годъ тому назадъ въ могилу, теперь уже безсильно сломить меня.

— Это хорошо, сказалъ дядя.—И знаешь—почему? Я долженъ тебѣ сознаться, что передалъ тебѣ не все содержаніе письма, полученнаго въ послѣдній разъ на зимовьѣ отъ твоей мамы. Но я теперь вижу, что можно уже сказать тебѣ.

— Что такое? съ тревогой спросилъ я.

— Вотъ видишь ли: мама жалуется на свое здоровье,—говорить, что чувствуетъ, какъ убываютъ ея силы. Она пишетъ еще, что очень хотѣла бы, чтобы ты вернулся, но не рѣшается объ этомъ писать тебѣ, такъ какъ знаетъ, что для твоего здоровья полезно пребываніе здѣсь.

Я молчалъ.

— Впрочемъ, не тревожься, продолжалъ дядя:—я говорилъ по этому поводу съ Дмитріемъ Матвѣвичемъ. Онъ сказалъ, что хорошо знаетъ болѣзнь твоей мамы и не думаетъ, чтобы состояніе ея здоровья внушало опасенія.

— Я вѣрю Дмитрію Матвѣвичу, проговорилъ я, наконецъ,—но все же не буду спокоенъ до получения письма изъ Петербурга.

Мы помолчали еще, а затѣмъ, наполовину успокоенные, заснули.

— Итакъ, Сережа, говорилъ мнѣ дядя на другой день за утреннимъ чаемъ,—ты видишь на картѣ, что приблизительно станъ Рудольфа Карловича—послѣдній пунктъ по р. Амгѣ, извѣстный нашимъ географамъ. Посмотри-ка: въ этомъ мѣстѣ на картѣ значатся истоки рѣки, а на самомъ дѣлѣ, какъ ты видишь, до нихъ не близко. Намъ, слѣдовательно, придется итти по мѣстности, куда не ступала нога цивилизованнаго человѣка, и дѣлать „открытія“. Мы пополнимъ свѣдѣнія о картѣ верховьевъ р. Амги.

— Какъ же ты думаешь распорядиться? спросилъ я, желая узнать, какую роль отводить дядя мнѣ въ предстоящей работѣ.

— А вотъ я попрошу васъ, Осипъ Ильичъ, распорядиться транспортомъ; ничего не могу вамъ сказать, кромѣ: „идите по моимъ слѣдамъ“. А мы съ Сережей возьмемъ съ собой Батракова, уйдемъ впередъ и около часу дня остановимся, разведемъ костеръ и станемъ поджидать транспортъ.

Я былъ очень радъ, что дядя не раздумалъ взять меня съ собой.

— Батраковъ! продолжалъ онъ. — Возьми у

Ульянина самый маленькій чайникъ и положи туда одну новую китайскую деревянную чашку.

— Ну, а я, отозвался Осипъ Ильичъ,—снаряжу вамъ провизію. У меня новый холщевый мѣшочекъ...

Замѣтно было, что Осипъ Ильичъ радъ, что ему придется вести транспортъ самостоятельно: онъ немного стѣснялся дяди, за которымъ ему не подъ силу было угнаться въ подвижности и выносливости.

Часамъ къ 9 мы окончили всѣ свои приготовления къ походу, и транспортъ нашъ выровнялся на льду рѣки у стана. Дядя обошелъ транспортъ и сталъ впереди, гдѣ ожидали его я и Батраковъ.

— Я забылъ тебя предупредить, сказалъ мнѣ дядя:—первое время не разговаривай со мною; почему,—объясню послѣ. вмѣсто же того, ты можешь записывать въ книжкѣ и самъ всѣ свои наблюденія, а также и вопросы, которые захочешь мнѣ предложить. Ну, Рудольфъ Карловичъ, до свиданія! Пожелайте намъ найти золотыя горы.

Всѣ обитатели стана вышли насъ провожать. Мы распрощались.

— У васъ все готово, Осипъ Ильичъ? спросилъ дядя.

— Все-съ.

— Такъ помните же: по нашимъ слѣдамъ! За-

писывай, обратился дядя ко мнѣ:—стань Рудольфа Карловича, 7 декабря, 9 часовъ 15 мин. утра, температура воздуха— $53,5^{\circ}$ по Цельсію, давленіе 725,5, температура при aneroidѣ $+18''$. А теперь скажу азимуть *).

И дядя принялся устанавливать свой инструментъ для измѣренія угловъ—пантометръ. А я тѣмъ временемъ записаль у себя въ книжкѣ:

„Стань Р. К.—ча, 7/ХІІ, 9^h 15^m, $T^{\circ}=53,5^{\circ}$ С, $p=725,5$, $t^{\circ}+18''$.“

— Азимуть—55, сказалъ дядя.

Я записаль: „az 55“.

— Подхватывай, Батраковъ, пантометръ и—за мной! Да молчи, не разговаривай со мною!

Дядя размѣренными шагами пошелъ впередъ, за нимъ направились я и Батраковъ. Черезъ минуту мы услышали, что тронулся въ путь и транспортъ.

Батраковъ несъ въ рукахъ пантометръ—небольшой инструментъ цилиндрической формы на

---

*) Я давно уже зналъ изъ геодезіи, что въ этой наукѣ азимуть называется дуга горизонта, заключающаяся между меридіаномъ и направленіемъ определяемой линіи, т. е. линіи, проходящей черезъ точку, на которой установленъ инструментъ, и точку, на которую черезъ этотъ инструментъ смотрять. Въ азимуть можетъ быть отъ 0 до 360° , чѣмъ онъ отличается отъ *румба*, который заключаетъ въ себѣ не болѣе 90° , причемъ необходимо пояснить, восточный ли онъ, сѣверный, западный или южный.

треножникѣ. Что касается меня, то я взялъ книжку, приспособленную дядей. Она болталась у меня на груди, поддерживаемая тесемкою такой длины, что, взявши книжку въ руки, я могъ свободно дѣлать въ ней записи. Карандашъ висѣлъ на тонкой веревочкѣ, привязанной къ книжкѣ. Такимъ образомъ, во время ходьбы руки у меня были свободны и не мерзли; когда же нужно было сдѣлать записъ, то я бралъ въ руки книжку и карандашъ, а, записавши, просто выпускалъ изъ рукъ и книжку, и карандашъ. Благодаря этому, время прикосновенія рукъ къ книжкѣ и карандашу сокращалось до крайней возможности, и пальцы рукъ не мерзли.

Дядя остановился у того деревца, на которое „визировалъ“, когда бралъ первый азимуть, и взглянулъ на висѣвшій у него на груди шагомѣрь.

— Пиши: шагомѣрь—60, а въ скобкахъ: 70. Азимуть...

Дядя установилъ пантометръ и „визировалъ“ на слѣдующую точку.

—Азимуть—72.

Я записалъ: „ $\frac{60 (70)}{72}$ “

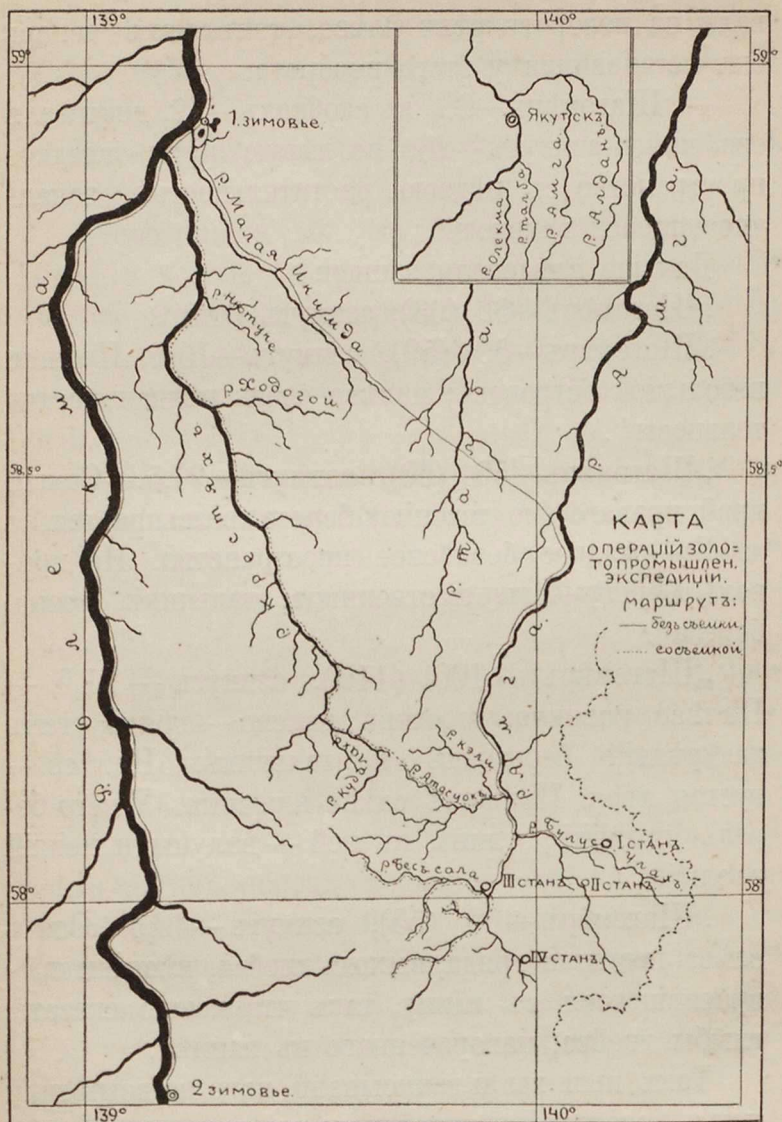
— Ширина рѣки,—диктовалъ дядя,—5 сажень.

Я записалъ: „шир. 5“.

Дядя зашагалъ дальше.

Черезъ нѣкоторое время дядя опять остановился. Оказалось, что во второй разъ онъ визиро-

валъ на поворотъ рѣки влѣво, такъ какъ теперь онъ остановился у этого поворота.

— Шагомѣръ—68, въ скобкахъ—72, диктоваль онъ мнѣ,—азимуть—28; по лѣвую руку—гладкое пространство съ рѣдкою растительностью, заканчивающееся гривкою...

Дальше слѣдовали записи:

„Шагомѣръ—56 (63), азимуть 90,5“.

„Шагомѣръ—50 (59), азимуть—158. Прошли небольшой островокъ; налѣво очень рѣдкая растительность“.

„Шагомѣръ—55 (60), азимуть—97,5.—Самый край праваго (по теченію) берега возвышается, а далѣе—гладкое безлѣсное пространство. На правомъ берегу—ель, лиственница, тальникъ, сосна, береза“.

„Шагомѣръ — 100 (110), азимуть — 21,5. — Налѣво равнина, и очень далеко — гряда; тамъ же рѣдкій березнякъ и тальникъ. Налѣво — густая хвоя. Пришелъ слѣва ключикъ. У него берегъ подмытъ, глина, въ ней — валуны и мелкій эфель“.

„Шагомѣръ—50 (55), азимуть—40,5. Опять слѣва подошла гряда, выходъ гнейса, мѣстами превратившагося въ глину, такъ что можно сказать: глыбы гнейса, навороченнаго въ глинтъ“.

Такъ шли мы и записывали, пока не встрѣтили устья довольно значительнаго ключа.

— Ключъ порядочный, сказалъ дядя.—Вы стойте здѣсь, а я пройдуся немного вверхъ по ключу.

Мы съ Батраковымъ присѣли на свалившейся лѣсинѣ.

Несмотря на то, что мы одѣты были очень легко, а морозъ быть порядочный, мы не ощущали холода. Довольно быстрая и равномерная ходьба согрѣвала насъ. Но мы оба немного устали и потому молча просидѣли рядомъ до возвращенія дяди.

— Надо посоветоваться съ Осипомъ Ильичемъ, сказалъ дядя, возвратившись къ намъ.

Онъ также усѣлся около насъ на лѣсинѣ и нѣкоторое время отдыхалъ молча, дымя своей папирсой.

— Ну, теперь я объясню тебѣ, почему я просилъ тебя и Батракова не отвлекать меня разговорами: необходимо было вывести поправку къ моему шагомѣру. Вотъ, взгляни въ свою книжку: цыфры въ скобкахъ означаютъ дѣйствительное число шаговъ, передъ скобками—отсчетъ шагомѣра. Я все время считалъ шаги—и потому не могъ съ вами разговаривать. А теперь посмотримъ... Возьмемъ на первый случай наши записи до того мѣста, гдѣ мы въ первый разъ встрѣтили выходы гнейса... Считай: 60, 68, 56, 50...

Я подсчиталъ: получилось 584.

— Значить, по шагомѣру мы прошли 584 шага. А теперь посмотримъ, сколько шаговъ было въ дѣйствительности: 70, 72, 65, 59...

Оказалось: 669.

— Теперь, для простоты, увеличь полученные цифры въ $1\frac{1}{2}$ раза. Сколько?

Я мигомъ подсчиталъ: 876 и 1,003.

— Итакъ, округляя цифры, мы получаемъ, что на 900 шаговъ по шагомѣру приходится въ дѣйствительности 1,000 шаговъ. Значить, приблизительно, чтобы узнать по отсчету моего шагомѣра, сколько шаговъ мы проходили въ дѣйствительности, надо показаніе шагомѣра увеличить на $\frac{1}{10}$ ... А, вотъ и транспортъ идетъ. Посмотри-ка, Сережа: молодцы какъ на подборъ. Хорошо, что Рудольфъ Карловичъ согласился оставить у себя Шурочку: что бы мы съ нимъ здѣсь дѣлали? Ульянинъ, Шукель, Незнаевъ—сильные и, главное, опытные работники...

Транспортъ остановился, и дядя съ Осипомъ Ильичемъ совѣщались, не пойти ли намъ по ключу. Рѣшили итти дальше по Амгѣ.

— Ну, ребята, первый замѣтилъ этотъ ключъ Батраковъ, Володька. Такъ пусть же это будетъ „Владимировскій“ ключъ... Запиши, Сережа: „устье Владимировскаго ключа“.

Мы тронулись дальше.

Рѣка все болѣе и болѣе суживалась, расти-

тельность мельчала. Освобожденный отъ всякихъ заботъ о транспортѣ, я могъ отдаться всецѣло наблюденіямъ надъ окружающимъ меня ландшафтомъ. Дядя пересталъ уже считать свои шаги и нашелъ возможнымъ положиться на отсчетъ шагомѣра. Это позволило мнѣ идти рядомъ съ нимъ, дѣлиться впечатлѣніями и спрашивать его. Нѣсколько разъ дядя останавливался около обнаженныхъ отъ снѣга береговъ рѣки. Онъ внимательно разсматривалъ глину и навороченные въ ней камни. Особенно его занимали такъ называемые „выходы породъ“, т.-е. обнаженные пласты камня, заложенного подъ почву. Здѣсь нерѣдко бывшимъ у него въ рукахъ геологическимъ молоткомъ дядя откалывалъ куски „породъ“ и подолгу ихъ разсматривалъ. А одинъ разъ онъ вынулъ изъ кармана мѣшечекъ и положилъ туда кусокъ отбитой породы. Такихъ мѣшечковъ было у насъ припасено нѣсколько сотъ, и на каждомъ изъ нихъ былъ выставленъ номеръ. Попался дядѣ мѣшечекъ № 56. Онъ сказалъ мнѣ:

— Запиши, Сережа, тутъ въ книжкѣ, рядомъ съ записью о томъ, что встрѣтили выходъ породы: „взять образецъ № 56“.

— Замѣчаешь, Сережа, какъ часто мы стали встрѣчать сосну? говорилъ мнѣ дядя далѣе.—Такъ и запиши: „сосны все болѣе и болѣе“. А вотъ и кедровка кричитъ... Слышишь?

— Да, слышу. Но, ты знаешь, я не видѣлъ еще кедровки очень близко.

— А вотъ сейчасъ и увидишь, сказалъ дядя, снимая съ плечъ свою легонькую двустволку.

Онъ углубился въ лѣсъ. Черезъ 2—3 минуты раздался выстрѣлъ, а вслѣдъ затѣмъ показался возвращающійся къ намъ дядя, неся птичку съ распростертыми крыльями.

— Замѣчаешь, какая на ней окраска перьевъ? говорилъ дядя.—Совершенно подѣ цвѣтъ листвы, среди которой она прячется. Это—„предохранительная окраска“: цвѣтъ оперенія позволяетъ ей успѣшно скрываться отъ преслѣдованій ея враговъ... Когда-то давно птички эти были, вѣроятно, съ другого цвѣта опереніемъ. Но вотъ появилось нѣсколько птичекъ съ такой, какъ эта, выгодной для породы окраской перьевъ,—и такія птички оказались болѣе стойкими въ борьбѣ за существованіе: всѣ остальные вымерли, а эти живутъ до сихъ поръ.

Говоря это, дядя вытащилъ изъ-за пазухи поллиста газетной бумаги, сдѣлалъ изъ нея „фунтикъ“ и положилъ въ него птичку головою книзу.

— Въ такомъ видѣ перья у кедровки будутъ лежать гладко, и она такъ и замерзнетъ: выйдетъ прекрасное чучело... Запиши, Сережа: „убили кедровку“... Ты что, Батраковъ?

— Да, вотъ, вижу, что тутъ подъ берегомъ вода... Пить—смерть какъ хочется!

— Брось! сейчасъ чай будемъ варить... А то горло простудишь, пожалуй.

— Ничего, Николай Алексѣевичъ! Не впервой!

Батраковъ помялъ подъ берегомъ снѣгъ, и тамъ дѣйствительно проступила вода. Онъ присѣлъ на корточки и сталъ хлебать воду горстью.

— Поглядите, Николай Алексѣевичъ! Въ водѣ-то что!

Мы съ дядей подошли.

— А! плавунецъ, сказалъ дядя.—Интересно! При 50°—живое существо въ водѣ.

— Да вѣдь, дядя, вода-то не 50°, замѣтилъ я.

— Безъ сомнѣнія! Чуть-чуть, можетъ-быть, ниже нуля! Такъ запиши: „въ подснѣжной водѣ видѣли плавунца“. Заберемъ его: Дмитрій Матвѣевичъ опредѣлитъ, къ какому виду и роду принадлежитъ этотъ экземпляръ.

Къ двумъ часамъ дня мы подошли къ раздѣленію рѣки на два русла. Оба они были совершенно одинаковой ширины, такъ что нельзя было сказать, что одно—русло рѣки, а другое русло ея притока.

— Ну, тутъ уже надѣ придется рѣшить вопросъ капитальной важности: идти ли направо или налево... Батраковъ, готовъ костеръ. Да сейчасъ же

топи и снѣгъ въ своемъ маленькомъ чайникѣ; хоть немного воды приготовимъ, пока подойдетъ транспортъ.

Батраковъ, видимо, обрадовался остановкѣ: ему очень хотѣлось пить, да и скучновато было слушать нашъ разговоръ съ дядей. Вдали виднѣлся транспортъ: когда онъ подойдетъ сюда, Батракову будетъ съ кѣмъ поговорить объ интересующихъ его предметахъ.

Онъ снялъ рукавицы и своимъ небольшимъ топорикомъ быстро накололъ щенокъ и полѣнцевъ изъ валявшейся на берегу лѣсины. Не прошло и пяти минутъ, какъ костеръ запылалъ и клубы дыма высоко поднялись къ нему. Было слышно, какъ по транспорту раздались усиленные понуканія оленей, да и сами олени, почуявъ скорую остановку, прибавили шагъ. Тѣмъ временемъ мы съ дядей, вооружившись биноклями, тщательно осматривали окрестности, заглядывая, какъ можно дальше, вдоль того и другого русла р. Амги; все свои наблюденія мы записали въ записную книжку.

— Ну, въ заключеніе сдѣлаемъ снимки.

Дядя отстегнулъ фотографическій аппаратъ, висѣвшій у него на спинѣ въ видѣ ранца, и взялъ по два вида съ одного и съ другого русла рѣки.

— Теперь, сказалъ онъ,—у насъ уже все до-

ступныя намъ данныя для рѣшенія вопроса, по какому руслу итти... Вотъ, придетъ Осипъ Ильичъ,—посоветуемся.

Мы не были особенно сильно утомлены физически. Ни тарыновъ, ни глубокаго снѣгу мы до сихъ поръ на льду р. Амги не встрѣчали. Но работа наша на этотъ разъ требовала значительнаго напряженія вниманія и въ то же время давала мнѣ понятіе объ особомъ родѣ человѣческой дѣятельности. Мы не учились, т.-е. не знакомились съ приведенными въ систему, всѣмъ извѣстными фактами, а примѣняли наши знанія къ установленію новыхъ фактовъ. Я чувствовалъ, что я дѣлаю для другихъ нѣчто такое, чего, въ данный моментъ, другой не дѣлаетъ и не можетъ сдѣлать. Я понималъ, никто что въ этомъ главная задача и неотразимая привлекательность человѣческой работы.

Тѣмъ временемъ подошелъ транспортъ.

На этотъ разъ, кромѣ тонгусовъ, въ нашемъ транспортѣ находились и русскіе. Батраковъ служилъ у насъ на пароходахъ машинистомъ. Къ намъ въ партію онъ былъ назначенъ въ качествѣ слесаря и кузнеца,—для починки инструментовъ и приготовленія желѣзныхъ печей. Въ качествѣ собственно горнорабочихъ въ нашей партіи были, Незнаевъ, Шукель, Вергелесъ, Ульянинъ и Савельевъ. Все это—люди, немало поработавшіе уже на приискахъ.

Шумно проходило чаепитіе у рабочихъ. А дядя съ Осипомъ Ильичемъ тѣмъ временемъ спорили, по какому руслу итти.

— Уже повѣрьте моей опытности, Николай Алексѣевичъ, громко выкрикивалъ Осипъ Ильичъ, пропустившій порядочную рюмку коньяку.—Я говорю вамъ серіозно,—на лѣвыхъ ключахъ ничего не найти намъ. Не даромъ эту самую лямку вотъ уже 20 лѣтъ тяну!

Въ концѣ концовъ, впрочемъ, дядя и самъ согласился, что сначала нужно пойти по восточному руслу, а затѣмъ, если тамъ ничего не окажется, передвинуться на западное.

— Ну-съ, сказалъ дядя,—вали сюда... Вчера былъ Николинъ день: такъ пусть же эти рѣчки будутъ „Николаевками“,—вотъ эта—Николаевка 1-я, а эта—Николаевка 2-я... Сережа! такъ и отмѣть въ книжкѣ.

Около трехъ часовъ мы тронулись въ путь. Условія передвиженія сразу же измѣнились, какъ только мы пошли по льду Николаевки 1-й. Каждая изъ рѣчекъ, на которыя тутъ раздѣлилась р. Амга, была вдвое уже самой Амги; мѣстами ширина рѣчки была такъ незначительна, что свалившаяся на одномъ берегу лѣсина вершиною своею лежала на противоположномъ берегу. Въ этихъ случаяхъ приходилось или отбрасывать лѣсину въ сторону, или даже выпиливать часть ея, чтобы дать пройти транс-

порту. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ снѣгъ былъ такъ глубокъ, что олени съ трудомъ вытаскивали изъ него сани; кромѣ того, стали попадаться и тарыны. Но самое главное затрудненіе представлялъ собою замѣтный на глазъ подъемъ русла рѣки. По всѣмъ признакамъ, мы были очень недалеко отъ истоковъ, и паденіе ея становилось съ каждымъ шагомъ все значительнѣе и значительнѣе.

На одномъ изъ поворотовъ передъ нами вырисовалась вершина великолѣпнаго гольца. Покрывающій его вершину снѣгъ былъ залитъ красноватымъ блескомъ скрывшагося подъ горизонтомъ солнца.

Дядя установилъ свой пантометръ и продиктовалъ мнѣ:

— Запиши, Сережа: гонецъ по азимуту 205... Чудная картина!.. Неправда ли? Пусть этотъ гонецъ будетъ „Сергѣевскимъ“,—въ честь Сергѣя Аристарховича.

Спускалась ночная мгла. Отсчеты пантометра и шагометра въ темнотѣ нельзя было различать. Да и путь сдѣлался совершенно невозможнымъ. Мы отаборились.

Всѣ дружно принялись за работу. Мы построили, при свѣтѣ громаднаго костра, очень большую палатку, и такъ какъ у насъ была готова маленькая желѣзная печь, то поставили ее въ палаткѣ.

Плотно закусивши, рабочіе и тонгусы балагурили, и не будучи сильно утомленными, не очень-то торопились спать.

— Ты тоже, Сережа, спать еще не хочешь?... Давай-ка, хотя грубо, вычертимъ нашъ путь.

Я съ радостью согласился: какъ, въ самомъ дѣлѣ, пріятно увидѣть плоды своихъ трудовъ въ видѣ наброска географической карты!

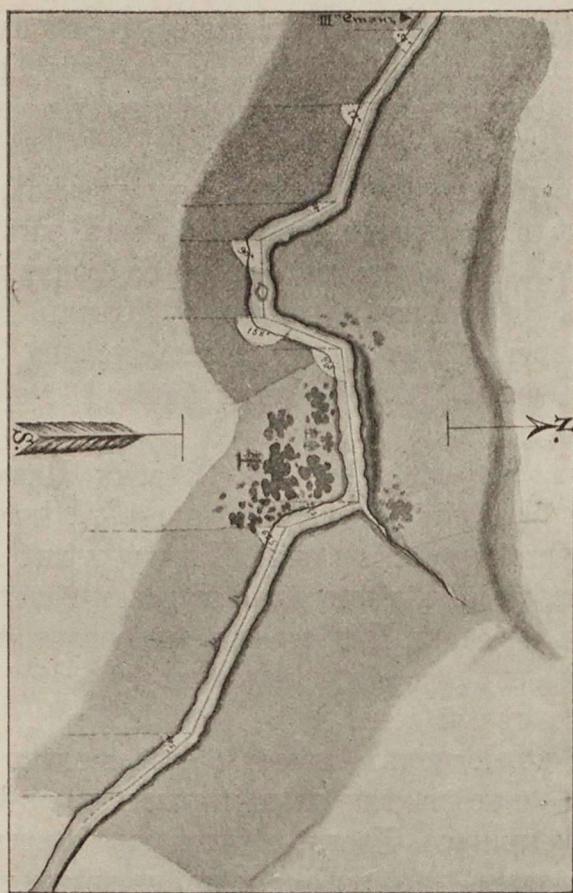
Дядя досталъ клѣтчатую бумагу, готовальню, черныя и красныя чернила, карандаши и перья, и мы примостились на ящикѣ съ какими-то запасами.

— Пусть будетъ у насъ каждая клѣтка бумаги—10 шаговъ. Начнемъ! Азимуть 55—откладывай по транспортиру 55°... Такъ!.. Отложи на этой линейкѣ циркулемъ 60+6 шаговъ (помнишь нашу поправку къ показанію шагомѣра?), т.-е. 6 $\frac{1}{2}$ клѣтокъ... Дальше. Азимуть 72—отложи и его по транспортиру. Да напиши тутъ же: „ширина рѣки 5 саж.“ Хорошо!.. Теперь отложи 68+7 шаговъ. Въ конечной точкѣ—азимуть 28, и напиши: „гладкое пространство, рѣдкая растительность“, а подалеже, параллельно рѣкѣ, напиши „гривка“... Кто его знаетъ, гдѣ она тамъ въ дѣйствительности...

Такъ мы вычертили часть своего пути. Долго я любовался чертежомъ. Сдѣланъ онъ былъ грубо; но пріятно было убѣдиться, какъ изъ ряда сухихъ

цыфрь, записанныхъ нами, получается воспроизве-

Вычерченный маршрутъ.

деніе въ миниатурѣ того, что существуетъ въ дѣй-
ствительности.

Съ этимъ пріятнымъ чувствомъ я крѣпко заснулъ.

На утро я проснулся позже всѣхъ. Въ палаткѣ у насъ было жарко натоплено. Ульянинъ, исполнявшій обязанности повара, успѣлъ уже приготовить чай и закуску.

Изъ разговоровъ, которые я слышалъ, еще лежа подъ своимъ мѣховымъ одѣяломъ, мнѣ пришлось убѣдиться, что мы дальше со своимъ транспортомъ двинуться не можемъ: подъемъ необычайно крутъ, вся рѣка дальше устья буреломомъ, очень узка, а снѣгъ болѣе 1½ аршинъ глубины.

Дядя, по совѣщаніи съ Осипомъ Ильичемъ, рѣшилъ основать здѣсь свой станъ—„Николаевскій“. Онъ поручилъ Осипу Ильичу и мнѣ окончательно выбрать мѣсто для постройки балагана, а самъ съ рабочимъ Незнаевымъ отправился на лыжахъ вверхъ по рѣкѣ, захвативъ съ собой провизію на цѣлый день.

Мы съ Осипомъ Ильичемъ, основательно закусивши, также надѣли на ноги лыжи и, въ сопровожденіи тонгуса Ивана, обошли окрестности. Къ тремъ часамъ дня мы съ нимъ возвратились къ палаткѣ, намѣтивши несомнѣнно самое лучшее мѣсто для постройки балагана.

Дядя вернулся подъ вечеръ, и къ 9 часамъ у насъ уже все успокоилось. Не спалъ только дядя,

засѣвшій писать рапортъ Сергѣю Аристарховичу: наутро Алена съ мужемъ должны были возвратиться на зимовье.

Вставшій въ 5 часовъ утра, Осипъ Ильичъ тотчасъ же собрался увести всѣхъ рабочихъ, за исключеніемъ Ульянина, къ мѣсту постройки балагана, чтобы сдѣлать указанія, какія бревна рубить и какъ ихъ вязать.

— Работай во всю, ребята! сказали имъ Осипъ Ильичъ. — Чтобъ къ вечеру мы были въ новомъ балаганѣ!

Рабочіе, захвативъ съ собою пилы и топоры, отправились.

— Гуськомъ иди, гуськомъ! приказывалъ Осипъ Ильичъ, — протаптывай тропинку!

Черезъ 10 минутъ уже раздались звуки топора въ томъ мѣстѣ, гдѣ предполагалась постройка балагана. Скоро возвратился и Осипъ Ильичъ къ намъ въ палатку. Только тутъ онъ приступилъ къ чаепитію и закускѣ.

— Ульянинъ, смотри у меня! прикрикнулъ Осипъ Ильичъ. — Чтобъ ребята были у насъ сыты. Черезъ часъ отнеси имъ чаю и сухарей, а къ 11 часамъ чтобъ у тебя обѣдъ былъ готовъ... О насъ не хлопочи: мы и попозже пообѣдаемъ — не пропадемъ!

Тѣмъ временемъ дядя дописывалъ свой рапортъ и письма. Написалъ и я письмо домой.

— Дядя, сказалъ я,—я напишу мамѣ, что подумаю о возвращеніи въ Россію... Пусть она знаетъ, что я готовъ ѣхать: она тогда не будетъ стѣсняться и скорѣе меня вызоветъ къ себѣ, если будетъ чувствовать потребность повидаться со мною.

Дядя подумалъ.

— Я увѣренъ, что это—лишнее, сказалъ онъ.— Но это ничему и не помѣшаетъ... Пиши!

Когда мы сладили всѣ свои личные дѣла и постройкѣ балагана было также сдѣлано все, что возможно, дядя съ Осипомъ Ильичемъ стали совѣщаться о планѣ дальнѣйшихъ дѣйствій.

— Вотъ мы какъ сдѣлаемъ, сказалъ дядя:— пусть сначала, пока не уѣхали Аленка съ Афанасіемъ, пройдутся отсюда, къ мѣсту работъ и назадъ, всѣ олени и сани порожнякомъ. Это будетъ первое проложеніе пути. Послѣ этого Аленку отпустимъ, а сами примемся перевозиться по проторенной дорогѣ.

Пока мы допивали чай, тонгусы, дѣйствительно, успѣли съѣздить до мѣста постройки балагана и вернуться. Когда они были совершенно готовы къ отъѣзду, дядя торжественно надѣлъ Афанасію черезъ плечо небольшую кожаную сумочку съ корреспонденціей, приказавши беречь эту сумку пуще глаза.

Мы съ Осипомъ Ильичемъ, по распоряженію дяди, должны были на мѣстѣ постройки принимать

кладъ, самъ же онъ при помощи Ульянина разбиралъ ее въ палаткѣ и укладывалъ на сани, которыя конвоировалъ до балагана Иванъ.

— Не забудь же, Сережа, сказать мнѣ дядя, — сейчасъ же присмотри мѣсто для метеорологической станціи. Хорошо было бы, если бы въ часъ ты уже занесъ показанія инструментовъ въ журналъ.

Когда мы пришли съ Осипомъ Ильичемъ къ мѣсту постройки, то заказанная рабочимъ работа была уже почти сдѣлана.

Мы увидѣли передъ собою срубъ изъ тонкихъ бревенъ высотой аршина $1\frac{1}{2}$, шириною въ 5 сажень и длиною до 6. Съ южной стороны было оставлено мѣсто для входа. Надъ срубомъ были наложены высокія стропила: ихъ предстояло затянуть брезентами, частью войлокомъ. Срубъ, до своего верхняго бревна, былъ осыпанъ хорошо утрамбованнымъ снѣгомъ (поэтому-то на прилагаемомъ рисунокѣ срубъ не виденъ). Словомъ, получилось подобіе той палатки, въ которой мы съ дядей проживали на зимовьѣ въ началѣ нашего тамъ пребыванія; но только теперь палатка была выстроена основательнѣе и не на двоихъ: въ ней должны были помѣщаться до 10 человѣкъ въ теченіе 2—3 мѣсяцевъ зимней стужи.

Для сна вънутри палатки настланы были нары, посрединѣ Батраковъ долженъ былъ устано-

вить большую печь, за изготовленіе которой изъ привезеннаго нами сюда кровельнаго желѣза онъ тутъ же принялся.

Ловкіе и сильные рабочіе, подъ руководствомъ опытнаго въ этомъ дѣлѣ Осипа Ильича, быстро подвигали постройку впередъ. Къ часу часть рабочихъ могла быть откомандирована для постройки изгороди вокругъ склада нашихъ припасовъ: оканчивать балаганъ остались Шукель и Незнаевъ.

Постройка изгороди требовала едва ли не большаго вниманія, нежели постройка балагана. Малѣйшая непредусмотрительность, — и мы рисковали увидѣть въ одно прекрасное утро, какъ всѣ наши запасы истоптаны, растащены и частью съѣдены оленями.

Само собою разумѣется, что я пустилъ въ ходъ всю свою изобрѣтательность, чтобы устроить на славу метеорологическую станцію, и былъ несказанно радъ, когда, къ 2-мъ часамъ дня, дядѣ, пришедшему къ намъ съ послѣднимъ транспортомъ клади, я имѣлъ возможность показать первую запись наблюдений на „Николаевскомъ“ станѣ.

Не успѣло еще хорошенько стемнѣть, какъ всѣ наши сооруженія были настолько подвинуты впередъ, что мы могли расположиться въ палаткѣ, какъ у себя дома, и ночью заснуть спокойно, не страшась за судьбу нашихъ запасовъ. Но довершали мы

свои постройки чуть ли не цѣлую недѣлю еще: то нужно снѣгу подсыпать къ палаткѣ, потому что дуетъ, то войлокъ, служащій дверью, необходимо прибить уже какъ слѣдуетъ, а не на живую руку,

Нашъ балаганъ на Николаевскомъ станѣ.

(Съ фотографіи).

то гвоздей наколотить для развѣшиванія разныхъ предметовъ, то веревку протянуть для просушки обуви, и т. д., и т. д.

Какъ бы то ни было, но со слѣдующаго же дня послѣ водворенія нашего на „Николаевскомъ“

станѣ начаты были шурфовочныя работы. Всѣмъ рабочимъ, за исключеніемъ Ульянина, задано было по три шурфа, въ которыхъ они и копались съ ранняго утра до поздняго вечера.

Работа была задѣльная, а не поденная, т.-е. плата полагалась за каждую пройденную въ глубь шурфа четверть аршина, за предварительное сбрасываніе снѣга—особо, за „пожогъ“—также. Благодаря этому, рабочихъ нечего было подгонять: желаніе заработать какъ можно болѣе побуждало ихъ работать гораздо сильнѣе, нежели могъ бы это сдѣлать самый строгій надзоръ. Каждый день все-таки шурфы осматривались Осипомъ Ильичемъ, а иногда и дядею.

Иванъ былъ занятъ преимущественно заготовленіемъ дровъ и уходомъ за оленями.

Работа спорилась.

Только бѣдняга Ульянинъ тосковалъ. Привычный горнякъ, онъ никакъ не могъ примириться съ мыслью, что болѣзнь пальца рѣшительно не даетъ ему возможности стать на шурфы. А тутъ, вдобавокъ, ему пришлось исполнять обязанности повара. Пріискатели всегда смотрятъ свысока на всякую прислугу, а въ томъ числѣ и на поваровъ. Съ исполненіемъ обязанностей прислуги въ ихъ представленіи связывается угодничество передъ начальствомъ,—тогда какъ истинный пріискатель, по ихъ понятіямъ, долженъ рассчитывать исключительно

лишь на свою физическую силу и ловкость въ тяжелой горной работѣ. Да, кажется, и товарищи-шурфовщики подчасъ подтрунивали надъ бѣднымъ Ульянинымъ.

Наконецъ, онъ не выдержалъ. Когда палецъ его немного зажилъ, онъ заявилъ дядѣ, что рѣшительно отказывается „прислуживать“ намъ, и если ему не дадутъ шурфовъ, то онъ уйдетъ на другой станъ. Дядя, тщательно осматрѣвъ его палецъ, нашелъ возможнымъ удовлетворить его желаніе,—тѣмъ болѣе, что, по всѣмъ признакамъ, мы напали на „неинтересное“ въ золотопромышленномъ отношеніи мѣсто, и потому работы здѣсь долго продолжаться не могли.

Когда въ шурфахъ обнаруживались такіе слои земли, въ которыхъ можно было предполагать присутствіе золота, Осипъ Ильичъ бралъ изъ нихъ „пробу“, т.-е. горсти 3—4 земли, и промывалъ ее въ ковшѣ. Сначала все это дѣлалось съ шуточками да прибауточками, хотя слѣдовъ золота не оказывалось. Но постепенно неблагоприятные результаты все болѣе и болѣе убѣждали насъ, что работа наша пропадетъ даромъ, и это наводило на насъ уныніе.

Дядя рассчитывалъ, что чѣмъ скорѣе развязаться съ занятою нами площадью, тѣмъ лучше. А развязаться можно не ранѣе того, какъ будетъ выполненъ разъ намѣченный планъ. Вотъ почему не

менѣе Ульянина и всѣ мы были рады, когда и онъ сталъ на шурфы: работы скорѣе будутъ доведены до конца.

Подходило Рождество.

Сергѣй Аристарховичъ еще на зимовѣ говорилъ, что будетъ у насъ на новомъ станѣ около этого времени. Мы ждали его, чтобы получить разрѣшеніе переѣхать для развѣдокъ въ другое мѣсто.

Монотонно тянется наша жизнь...

Днемъ—въ особенности въ солнечный день—чирикають вокругъ нашего балагана мелкія птички, зимующія въ тайгѣ, да изрѣдка прилетитъ кедровка или букша,—прилетать, повертится, нашумитъ и—улетаетъ прочь, гонимая холодомъ и голодомъ; днемъ можно услышать также глухіе удары кайлы о вѣчно мерзлую землю,—признаки производящихся шурфовочныхъ работъ,—да трескъ паденія подрубленнаго намъ на топливо тонгусомъ Иваномъ лѣсного гиганта. Но, кромѣ нашей семьи искателей золота, на много десятковъ верстъ нѣтъ живой человѣческой души; если же за этими предѣлами вы и встрѣтите кого-нибудь, то это будетъ семья кочевниковъ - тонгусовъ, ежедневно мѣняющихъ

мѣсто ночлега и почти весь день проводящихъ въ охотѣ—взрослые мужчины, а иногда и дѣвушки,—и въ перекочевкѣ—жены, старики и малолѣтнія дѣти. До ближайшаго пункта осѣдлости—верстъ 500, до ближайшаго „города“ (если Олекминскъ съ его нѣсколькими сотнями жителей можно назвать городомъ)—еще больше.

Съ наступленіемъ вечера стихаютъ на нашемъ станѣ послѣдніе признаки жизни. Птицы забиваются или въ снѣгъ, или въ густую листву кедровъ, сосенъ и пихтъ, всѣ работы,—земляныя и лѣсныя,—прекращаются. Всѣ люди собираются въ палаткѣ.

Жарко натапливается наша желѣзная печь, и подъ брезентами, служащими для насъ единственнымъ прикрытіемъ отъ непогоды и 50° мороза, вдругъ становится такъ тепло, что можно снять и шведскую куртку и жилетъ,—даже разстегнуть воротъ рубахи. Тишина—мертвая тишина заснувшей крѣпкимъ сномъ природы—нарушается внѣ палатки появленіемъ нашихъ ѣздовыхъ оленей. Эти надоѣдливыя животныя каждый вечеръ подходятъ къ палаткѣ и подолгу топчатыя тутъ, разыскивая мѣста, гдѣ выплеснуто или выброшено что-нибудь соленое или кислое. Не удовлетворяясь этимъ, они начинаютъ разбивать копытами и рогами изгородь, за которой хранятся наши запасы, добираются до мѣшковъ съ соленой рыбой, капустой, хлѣбомъ и

солью, разбиваютъ эти мѣшки ударами копытъ и принимаются уничтожать содержимое. Поминутно приходится кому-нибудь выскакивать наружу, гоняться съ хворостиной за несносными животными, излаживать изгородь, перекладывать мѣшки съ провизіей.

Но и этому приходитъ конецъ. „Борьба за существованіе“ между голодными, но слабыми оленями и нежелающимъ голодать и сильнымъ человѣкомъ оканчивается торжествомъ послѣдняго. Можетъ-быть, слишкомъ вспыльчивый и выведенный изъ себя рабочій такъ угодилъ полѣномъ по ногѣ оленю, что тотъ, окровавленный, хромя, потащился, наконецъ, въ лѣсъ и увлекъ за собою все стадо; можетъ-быть, какая-нибудь внутренняя причина, лежащая въ непостижимой, большею частью, для человѣка природѣ животныхъ, заставила нашихъ оленей удалиться. Во всякомъ случаѣ, и здѣсь наступила тишина.

Канунъ Рождества...

Осипъ Ильичъ доканчиваетъ занесеніе въ „шурфовочный журналъ“, „раскомандировку“, „табель“ и т. п. результатовъ сегодняшнихъ работъ и докладываетъ объ этомъ дядѣ. Я записалъ уже, выйдя на 50° морозъ, показанія метеорологическихъ инструментовъ, послѣ чего успѣлъ тутъ же полюбоваться въ теченіе нѣсколькихъ секундъ „Дивною“ изъ созвѣздія „Кита“, ярко блестящею и рѣзко вы-

дѣлявшеюся на темномъ, усыпанномъ звѣздами небосклонѣ.

Послѣ 9 часовъ вечера,—времени записыванія послѣднихъ метеорологическихъ наблюденій, — дѣлать уже рѣшительно нечего. Можно всецѣло отдаться настроенію. Можно рисовать себѣ картины, какъ этотъ „святой“ вечеръ проводить друзья и близкіе родные, въ 10 тысячахъ верстѣ отъ тебя...

Всѣхъ обитателей нашей палатки обуяло мрачное настроеніе.

Оно усиливается еще тѣмъ, что у насъ къ Рождеству всѣ запасы подобрались. Завтра намъ нечѣмъ полакомиться: спирту для рабочихъ почти нѣтъ, для дяди и Осипа Ильича остались 2—3 рюмки рому; запасъ пшеничныхъ булокъ весь истощился, и мнѣ удалось набрать въ кулахъ всего лишь нѣсколько горстей крупчатой муки. Мало того: вся капуста вышла, соленой рыбы—на одну закуску, ржаного хлѣба—одна коврига, и мы давно уже питаемся одними ржаными сухарями.

Все время мы увѣряли рабочихъ, что къ вечеру прибудетъ транспортъ. Всѣ съ большимъ почтеніемъ и довѣріемъ относились къ Сергѣю Аристарховичу, и достаточно было сказать, что „Сергѣй Аристарховичъ не забудетъ насъ,—не допуститъ, чтобы мы остались безъ ничего на праздникъ“—и всѣ рабочіе

начинали вѣрить, что они проведутъ Рождество, какъ подобаешь истиннымъ христіанамъ. Но вотъ наступилъ вечеръ,—и намъ пришлось уже говорить, что „значить, случилось что-нибудь необыкновенное, а то, чтобы Сергѣй Аристарховичъ да забылъ насъ“...

Утѣшая такъ рабочихъ, едва ли мы могли достигнуть желаемого результата, и ужъ во всякомъ случаѣ не могли утѣшить самихъ себя, потому что матеріальный недостатокъ подчеркивалъ лишь нашу оторванность отъ живого міра...

Но вотъ неопредѣленный шумъ, на который никто, изъ боязни ошибиться, сначала не хотѣлъ обращать вниманія другихъ, явственно далъ намъ знать, что приближается транспортъ.

Невозможно описать оживленіе, наступившее послѣ этого среди обитателей нашей палатки. Рабочіе выскочили на дорогу, и ихъ веселый, громкій говоръ доносился къ намъ въ палатку, дѣйствуя и на наше настроеніе.

Не прошло и пяти минутъ, какъ въ палатку вошелъ, окруженный толпою рабочихъ, тонгусъ съ сумкою черезъ плечо, въ которой заключались письма и газеты изъ „города“, распоряженія изъ главнаго зимовья, а также подробные перечни предметовъ и продуктовъ, доставленныхъ намъ.

По этимъ перечнямъ не трудно было отобрать

тѣ ящики и кули, которые были намъ нужны сейчасъ же. При свѣтѣ фонаря дядя сдѣлалъ это очень быстро.

Моментально все нужное было внесено въ палатку и распаковано. Рабочимъ выдана давно обѣщанная праздничная бутылка коньяку, отпущено достаточное количество сдобныхъ сухарей, дано двѣ большихъ коробки сардинъ и вволю — соленой рыбы. У насъ на столѣ появились: хересъ, ревельская килька и одесская скумбрія „въ томатѣ“, банка съ душистымъ ананасомъ, коробочка папшкету, эйнемовскія вафли.

Пока все это приготавлилось и разогревалось, дядя успѣлъ уже распечатать письма, перечитать ихъ по два раза и заглянуть въ газеты.

Вмѣстѣ со всѣмъ этимъ наша убогая палатка наполнилась предпраздничнымъ настроеніемъ. Все окружающее не казалось намъ болѣе въ такомъ мрачномъ свѣтѣ. Мы почувствовали, что мы вовсе ужъ не такъ отрѣзаны отъ всего міра, чтобы впадать въ уныніе. Разговоры дѣлались все громче и оживленнѣе, зазвенѣли пѣсни рабочихъ, которымъ мы охотно подпѣвали, въ бесѣдахъ шпиговали другъ друга шутками и островами.

Въ числѣ извѣстій, полученныхъ нами съ тонгусами, было и то, что Сергѣй Аристарховичъ черезъ нѣсколько же дней будетъ у насъ на станѣ. Дѣлались всевозможныя предположенія о распоря-

женіяхъ, которыя сдѣлаеть начальникъ экспедиціи относительно дальнѣйшихъ нашихъ работъ.

Не прошло и недѣли, какъ Сергѣй Аристарховичъ дѣйствительно прикатилъ къ намъ... Долго онъ въ сопровожденіи дяди и Осипа Ильича осматривалъ мѣстность и шурфы, долго и тщательно изучалъ онъ записи „шурфовочныхъ журналовъ“, подолгу велъ бесѣды съ дядей и Осипомъ Ильичемъ. Въ результатѣ общимъ совѣтомъ было рѣшено: прекратить развѣдки на Николаевскомъ 1 станѣ и передвинуться на Николаевку 2-ю.

Черезъ нѣсколько дней по отъѣздѣ отъ насъ Сергѣя Аристарховича прибыли къ намъ по его распоряженію тонгусы съ нѣсколькими парами оленей. Еще съ вечера все было упаковано и уложено на сани. Утромъ разобрать палатку и увязать оставшіяся вещи на сани было дѣломъ нѣсколькихъ минутъ. Поэтому мы очень рано могли тронуться съ мѣста. По проторенной дорогѣ мы въ какихъ-нибудь полтора часа достигли мѣста раздѣленія Амги на два русла и, не останавливаясь здѣсь даже для чаепитія, двинулись по рѣкѣ Николаевкѣ 2-й. Попрежнему транспортъ шель нѣсколько позади, а мы съ дядей и Батраковымъ начали отсюда вести маршрутную съемку.

Подъ вечеръ мы подошли къ устью ключа, который показался дядѣ и Осипу Ильичу „интереснымъ“ въ золотопромышленномъ отношеніи. Тутъ

мы и рѣшили отабориться, пройдя нѣсколько выше и отыскавши для этого подходящее мѣсто.

Здѣсь, какъ и на Николаевкѣ 1-ой, мы выстроили себѣ балаганъ и стали бить шурфы.

До вершины Николаевки 2-й отъ нашего стана было, повидимому, довольно далеко. Гольцовъ поблизости не было. Мѣсто оказалось очень живописнымъ: пологіе берега, „чистенькій“ березнячекъ и соснячекъ,—словомъ, полная противоположность тому, что мы видѣли вокругъ себя на истокахъ Николаевки 1-й. Тамъ, у самыхъ гольцовъ, мѣстность была волнистая, вся заросшая густымъ дѣвственнымъ лѣсомъ,—настоящая сибирская тайга, да еще изъ самыхъ глухихъ. Тамъ природа давила насъ,—казалось, нечѣмъ дышать, вѣчно испытываешь ощущеніе, будто въ 10 саженьяхъ отъ балагана происходитъ что-то непонятное, таинственное, страшное. Вотъ это все и наводило тамъ уныніе на обитателей нашего стана. Наоборотъ, станъ на Николаевкѣ 2-й и окружающая его природа не только разсѣяли былую мрачность, но и способствовали поддержанію въ насъ бодрого, веселаго настроенія духа.

Этому помогло, несомнѣнно, и то обстоятельство, что на Николаевкѣ 1-ой мы провели наиболѣе короткіе дни (около 10 декабря—самый короткій день въ году). Окруженные гольцами и вѣковымъ лѣсомъ, находясь въ низменной долинтъ рѣки, мы часто

видѣли тамъ дискъ солнца всего въ теченіе какихъ-нибудь часа или двухъ въ день. Между тѣмъ, подъ 60° сѣверной широты, за время съ 10 декабря по 1 января, день увеличивается уже на полтора часа. А окружавшій насъ на Николаевкѣ 2-й ландшафтъ позволялъ намъ любоваться дневнымъ свѣтиломъ почти во все время его нахожденія надъ истиннымъ горизонтомъ.

Ко всему этому присоединилось еще одно обстоятельство. Сергѣй Аристарховичъ рѣшилъ здѣсь обследовать большое пространство. Этого требовалъ рельефъ поверхности. Если мѣстность гориста, то можно ожидать нахожденія золота въ узкой полосѣ, прилегающей къ руслу рѣки: съ горъ золото смывалось нѣкогда въ долину. Но если эта мѣстность—ровна и гладка, то приходится искать золота на очень большомъ пространствѣ. А большія развѣдки требовали и большого числа работниковъ. И наша партія сразу была увеличена Сергѣемъ Аристарховичемъ на 5 рабочихъ-шурфовщиковъ. Сообразно съ этимъ и балаганъ былъ у насъ расширенъ, а въ немъ жизни и движенія было вдвое больше, нежели въ балаганѣ на Николаевкѣ 1-й.

Съ новыми рабочими къ концу января пріѣхалъ на визитацію и всеобщій любимецъ—докторъ. Дмитрій Матвѣевичъ внесъ много оживленія въ нашу жизнь. Нечего, конечно, и говорить, что онъ осма-

триваль и насъ самихъ, и наши запасы, и наше помѣщеніе, оказывая помощь захворавшимъ и давая массу совѣтовъ по части гигиены и санитаріи. Но онъ умѣлъ всегда къ случаю сказать острое словцо, придать особый шутливый тонъ всякому своему, даже самому серіозному указанію. А, кромѣ того, нашъ станъ былъ послѣдній, и, только что объѣхавшій всѣ остальные станы, Дмитрій Матвѣевичъ имѣлъ возможность сообщить намъ, что дѣлается въ нашемъ мірѣ, т.-е. на зимовкѣ и на остальныхъ станахъ.

Самое важное для насъ, что привезъ съ собою докторъ, было распоряженіе Сергѣя Аристарховича о дальнѣйшемъ веденіи работъ на Николаевскомъ 2-мъ станѣ: приказано было остаться одному Осипу Ильичу, дядя же командировался для производства маршрутной съемки всей доступной мѣстности, еще не снятой кѣмъ-либо изъ другихъ членовъ экспедиціи.

— Ну, Сережа, сказалъ мнѣ дядя,—теперь я уже и не спрашиваю тебя, хочешь ли ты оставаться здѣсь съ Осипомъ Ильичемъ, или пойдешь со мной.

— Развѣ можетъ быть объ этомъ вопросъ? сказалъ я, разсмѣявшись.

— Конечно, продолжалъ дядя.—Шурфованье ты видѣлъ и интереснѣе того, что было, не увидишь. А, съ другой стороны, теперь съ каждымъ

днемъ будетъ все теплѣе и теплѣе, солнце будетъ свѣтить все ярче и ярче. При той выносливости и приспособленности къ условіямъ путешествія, которыя у тебя уже есть, путешествіе со мной тебѣ, кромѣ удовольствія, ничего не доставить. Айда! Завтрашній день весь посвятимъ приготовленіямъ, а послѣ завтра—въ путь!

ВЪ ЭКСКУРСІИ.

I.

Съ первыхъ чиселъ февраля для насъ съ дядей наступила новая жизнь.

Мы снарядили себѣ небольшой транспортъ,—трое саней съ тремя парами оленей, да пара оленей «заводныхъ», т.-е. запасныхъ. На сани мы уложили брезентъ для палатки, лыжи, топоръ, двѣ деревянныхъ лопаты и запасъ провизіи. При оленяхъ состоялъ тонгусъ-подростокъ Петрушка. Въ такомъ составѣ и начали мы обследованіе мѣстности.

Начали мы, понятно, съ Николаевки 2-й.

Бодро вышли мы впередъ. Была прекрасная погода,—рѣка довольно широка, тарыновъ почти нѣтъ.

Но постепенно рѣка начала суживаться, подъемъ становился круче, берега—возвышеннѣе; на льду рѣки появилась тарынная вода, а тамъ, гдѣ ее не было, глубина снѣга достигала 1½ и даже 2 аршинъ.

Наконецъ, воды становится много, очень много. Она промываетъ ледъ, и мѣстами этотъ ледъ такъ тонокъ, что олени проваливаются. Къ счастью, ни разу за оленями не послѣдовали сани: то-то было бы возни—вытаскивать изъ воды и просушивать вещи.

Въ другихъ мѣстахъ черезъ всю рѣку перевалялись лѣсины,—и ихъ приходилось перерубать въ двухъ мѣстахъ небольшимъ дорожнымъ топоромъ.

Мы думали было объѣзжать берегомъ мѣста, гдѣ ледъ очень тонокъ или черезъ рѣку перекинуты слишкомъ толстыя лѣсины: но олени прямо тонуть въ снѣгу!

Иногда дядя приказывалъ Петрушкѣ прогнать напередъ оленей безъ саней и такимъ образомъ проложить дорогу; но въ послѣдній разъ олени окончательно застряли въ снѣгу, и Петрушка рѣшительно заявилъ дядѣ, что онъ «не знаетъ», какъ ѣхать дальше! Дѣйствительно, когда, послѣ остановки, Петрушка вздумалъ отвести оленей на мѣсто, гдѣ предполагалъ хорошее кормовище,—для того, чтобы олени не разбѣжались ночью въ поискахъ за кормомъ,—но бросилъ ихъ, не доведши и

до половины пути, то два оленя съ четверть часа, уже пущенные на свободу, лежали въ снѣгу недвижимо, поворачивая лишь туда и сюда свои головы.

Въ этотъ день, идя съ 8 часовъ утра часовъ до 6 вечера, мы прошли, по расчету дяди, не болѣе 1—1¼ версты.

Итакъ, мы остановились. Какъ это было у насъ заведено, мы съ дядей принялись расчищать снѣгъ подъ палатку, а Петрушка отправился рубить лѣсъ на топливо и жерди для палатки.

Послѣ расчистки снѣга у насъ съ дядей осталось достаточно времени, чтобы развести огонь и начать топить снѣгъ въ чайникѣ и котелкѣ.

Палатку мы выстроили на славу. Брезентъ защищаетъ насъ съ тылу и съ боковъ, спереди костеръ. Если дровъ много, то очень тепло, даже въ 50° мороза. А предстоящею ночью нельзя ожидать больше 40°. Бѣда, если дымъ будетъ задувать въ палатку: некуда дѣваться! Кромѣ того, за день глаза наболѣютъ отъ ослѣпительной бѣлизны снѣга, а вечеромъ ихъ разъѣдаетъ дымъ.

Кромѣ костра, согрѣвающимъ образомъ должно бы подѣйствовать принятіе жирной пищи. Увы! мы не знали, что завозимся такъ долго на Николаевкѣ 2-й, и пищи взяли мало. Мясо осталось у насъ такое, что грызешь его грызешь, — а толку мало.

Но вотъ все кончено. Мясо, насколько это было доступно зубамъ, съѣдено. Не бѣда, что приходится ѣсть его на тарелкѣ, съ которой никакими средствами не сгонишь летящій въ нее изъ костра пепель; не бѣда, что оно ежеминутно холодѣетъ, такъ что каждый кусочекъ, прежде чѣмъ отправить въ ротъ, удержишь нѣсколько секундъ въ супѣ, чтобы разогрѣть. Этого супу съ засыпкой изъ пепла и угольковъ мы съ дядей не ѣдимъ, а мясо запиваемъ чашкою чаю съ кусочкомъ калача, который съ одной стороны подгорѣлъ, съ другой—обильно усыпанъ пепломъ, а внутри не совсѣмъ замерзъ.

Наконецъ, мы снимаемъ сапоги и, согрѣвши спину у костра, залѣзаемъ подъ свои одѣяла и, усталые, засыпаемъ крѣпкимъ сномъ.

Когда я проснулся, то дядя лежалъ еще подъ одѣяломъ, дымя своей папироской.

— Проснулся? спрашиваетъ меня дядя.

— Да, но, кажется, еще не совсѣмъ, отвѣчаю я, полураскрывая глаза.

— Ну, лежи; до 7 часовъ—съ полчаса времени.

Я взглянулъ въ ту сторону, гдѣ налажена была у насъ походная метеорологическая станція, и сразу же это мнѣ напомнило о моихъ обязанностяхъ. И я болѣе не закрывалъ уже глазъ.

— Петрушка, туръ (вставай)! окликнул дядя. — Тура татъ (поскорѣ вставай)! Тура татъ!

Петрушка вскакиваетъ. Бѣднягѣ всего 14 лѣтъ, — спитъ! Онъ поправляетъ огонь, подбрасываетъ дровъ и начинаетъ растапливать снѣгъ и кипятить воду для чаю.

— Какъ быть, Сережа? спрашиваетъ тихо дядя.

— А что?

— Неужели нельзя итти дальше?

— Можетъ-быть, олени послѣ отдыха пойдутъ?

— Пожалуй, и пойдутъ — на полверсты. А если мы будемъ дѣлать по полверсты въ день, то когда же мы доберемся до вершины?

— Такъ какъ же быть? спросилъ я.

— А имѣй еще въ виду, что мы, несомнѣнно, не сегодня — завтра дойдемъ до такого мѣста, что на саняхъ уже никоимъ образомъ нельзя будетъ двинуться ни шагу... А не довести изслѣдованіе до конца — обидно.

У меня мелькнула мысль.

— Знаешь, спросимъ Петрушку: какъ онъ думаетъ?

— Посовѣтываться не мѣшаетъ: вѣдь онъ — тонгусъ, опытиѣ насъ съ тобой въ путешествіяхъ по вершинамъ рѣчекъ, несмотря на то, что я въ три раза старше его. Но знаешь, что онъ скажетъ? Онъ скажетъ, что итти можно, — потому что и дѣй-

ствительно идти можно. Вопросъ вѣдь не въ этомъ; намъ нужно знать, нельзя ли какъ-нибудь сдѣлать лучше, — а тутъ Петрушка едва ли будетъ намъ полезенъ совѣтомъ. А я вотъ что думаю: бросимъ мы здѣсь и палатку, и кладъ, и оленей и двинемся дальше пѣшкомъ. Провизіи на 1½ сутокъ мы въ состояніи забрать съ собою, а переночевать — переночуемъ одну ночь и безъ палатки! Согласенъ?

— Согласенъ!

Когда дядя изложилъ свой планъ Петрушкѣ, тотъ ухмыльнулся и лишь сказалъ:

— Буоллунъ (пусть будетъ такъ)!

Мы съ особеннымъ усердіемъ поѣдаемъ теперь и мясо, и масло, и сухари, запиваемъ все это несмѣтнымъ количествомъ чаю: чѣмъ больше мы съѣдимъ, тѣмъ меньше провизіи намъ нужно тащить съ собою.

Чай выпить, мясо — грудинка какой-то столѣтней старушки-коровы — съѣдено. Петрушка беретъ въ мѣшокъ 2 банки американскаго консервированнаго мяса, чаю, сахару, чайникъ, ржанныхъ сухарей, масла и три деревянныхъ китайскихъ чайныхъ чашки, вскидываетъ на плечи маленькую кавалерійскую берданку, надѣваетъ лыжи. Дядя беретъ въ руки пантометръ, припиливаетъ къ себѣ на грудь шагомѣръ, пристегиваетъ въ видѣ ранца фотографическій аппаратъ, надѣваетъ на ноги лыжи. На мою долю остается: записная книжка,

топоръ, который я засовываю за поясъ, и кое-что изъ самыхъ важныхъ метеорологическихъ инструментовъ. На ногахъ у меня также лыжи.

Сходимъ на ледъ рѣки. Я записываю показанія инструментовъ. Петрушка, уже знающій свое дѣло, уйдя впередъ, остановился на поворотѣ

На лыжахъ.

рѣки и ждать, пока дядя, визируя на него, опредѣлитъ уголь, подъ которымъ, по отношенію къ меридіану, поворачиваетъ рѣка.

Мы идемъ все дальше и дальше. Мѣстами лыжи скользятъ сами собой, и, что называется, не слышно земли подъ ногами. Мѣстами онѣ, наоборотъ, проваливаются въ рыхлый снѣгъ. Приходится иногда

пролѣзать подъ лѣсинами, обходить опасныя мѣста берегомъ. Но, несмотря на всѣ предосторожности, мы два раза проваливаемся въ рѣку,—къ счастью безъ особыхъ осложнений: встряхнешься только, подобно утицѣ, да обобьешь съ лыжъ ледъ.

А Петрушка неукоснительно останавливается на каждомъ поворотѣ рѣки и внимательно слѣдитъ за моментомъ, когда дядя начинаетъ приподнимать винтомъ магнитную стрѣлку пантометра: это для него — сигналъ, что уголъ поворота опредѣленъ и что онъ можетъ идти дальше.

Между двѣнадцатю и часомъ напились чаю. Мы съ дядей съѣли по одной котлеткѣ, которыя захватили съ собой именно на этотъ случай. Петрушка наѣлся масла.

Два часа,—три часа,—четыре часа... Мы все идемъ и идемъ. Рѣчка сузилась настолько, что средней длины тальникъ, перегнувшись черезъ рѣку, вершиной примерзъ ко льду противоположнаго берега. Петрушка усиленно обращаетъ вниманіе дяди на это обстоятельство: ему хочется, повидимому, вернуться, и онъ убѣждаетъ, что нѣтъ надобности идти дальше. Но, увы! Рѣкѣ еще нѣтъ конца, а между тѣмъ, около 5 часовъ дядя мнѣ заявляетъ, что не видно отсчетовъ пантометра. Мы даемъ знакъ Петрушкѣ. Онъ ждетъ насъ.

— Манна хонуохпуть (здѣсь будемъ ночевать), говоритъ дядя Петрушкѣ.

Тотъ молча оглядывается и указываетъ мѣсто, гдѣ удобно ночевать: сушняку на костеръ много! А чего намъ больше нужно?

Мы съ дядей снимаемъ съ себя лыжи и, взявъ въ руки по одной изъ нихъ, начинаемъ, купаясь по колѣни въ снѣгу, расчищать мѣсто на ночлегъ. Петрушка тѣмъ временемъ подваливаетъ лѣсины для костра. У насъ образовалась яма сажени 2—2½ въ основаніи. Мы обсадили ее съ запада елочками, которыхъ въ изобиліи приволокъ намъ Петрушка (вѣтеръ былъ западный), а съ востока развели костеръ.

Петрушка все еще продолжалъ таскать дрова,— и мы съ дядей успѣли уже натопить изъ снѣгу полный чайникъ воды и достать банку съ мясомъ. Не оказалось при ней ключа для раскупориванія: а зубы Петрушки на что? Отодраль у банки, разбойникъ, какъ ни въ чемъ не бывало, крышку. Мы отогрѣли банку у огня, и дядя вывалилъ содержимое на блюдо. Начали мы ѣсть это мясо, приготовленное Богъ знаетъ сколько времени тому назадъ въ Чикаго изъ туши техасскаго быка, — а оно какъ-будто вотъ только что сварено!

— Какое вкусное мясо! не могъ я не замѣтить.

— Да, сказалъ дядя. — И не думай, что это тебѣ такъ кажется, потому что ты теперь голоденъ и промерзъ. Мнѣ не разъ приходилось его ѣсть въ

видѣ лакомства вмѣсто вядчины, когда я вовсе не былъ голодень. И могу тебѣ сказать, что оно дѣйствительно очень вкусно. Жаль, что оно чертовски дорого.

— А что же стоитъ оно?

— Да вотъ эта банка, около $3\frac{1}{2}$ фунтовъ чистаго мяса, обходится въ Иркутскѣ до четырехъ рублей.

— Зато же оно и вкусное! Я ѣмъ, ѣмъ, — и не могу наѣсться.

И я отрѣзалъ себѣ еще кусокъ.

— Погоди, скоро наѣшься: этотъ консервъ очень питателенъ. Вообще, я не знаю лучшаго консерва.

И, дѣйствительно, втроемъ мы не могли доѣсть банки.

— Ну, теперь давайте чай пить! скомандоваль дядя.

Оказалось, что меньше фунта удивительнаго консерва человѣку достаточно для того, чтобы онъ не только былъ совершенно сытъ, но и пилъ — и не напился бы чаю; мы выпили чашекъ по шести и все еще не могли сказать, что вполнѣ утолили свою жажду.

Петрушка — веселый тонгусенокъ, а дядя, когда онъ въ хорошемъ расположеніи духа, обладаетъ удивительною способностью поддерживать

разговоръ съ такими людьми... Петрушка хочетъ купить себѣ берданку, — ужъ очень ему нравится; и дядя ему обѣщаетъ купить лѣтомъ на ярмаркѣ въ г. Олекминскѣ хорошее ружье. Онъ подробно разспрашиваетъ меня, сколько у него имѣется денегъ за экспедиціей, показывая мнѣ свою расчетную книжку. Ему очень важно это знать: отъ этого зависитъ, когда онъ будетъ имѣть возможность уплатить «выкупъ» (калымъ) за свою невѣсту и взять ее къ себѣ: ей, правда, теперь еще всего 12 лѣтъ, но, поясняетъ Петрушка, «она уже очень большая». Онъ считаетъ нужнымъ при этомъ сообщить намъ, что его невѣста—якутка, и что на тонгускѣ онъ жениться не желаетъ.

Вообще, много интереснаго сообщилъ намъ тогда Петрушка, и много разъ его заразительный, раскатистый смѣхъ оглашалъ въ тотъ вечеръ глухую тайгу «въ верховьяхъ р. Амги», гдѣ три внезапно появившихся человека выкопали себѣ для ночлега въ снѣгу яму... Жалко было прерывать бесѣду съ нимъ: весь день вѣдь онъ скучаетъ, служба для насъ «точкою визировація», и вечеромъ ему хочется поболтать, — благо ѣздитъ теперь съ людьми, которые свободно могутъ съ нимъ объясняться.

Болтая съ Петрушкою, мы не могли, однако, отдѣлаться отъ того настроенія, которое навѣяла

на насъ совершенно исключительная обстановка нашей ночевки.

— Не правда ли, Сережа, замѣчательная ночь? сказалъ дядя.

— Да, дядя, едва ли когда-нибудь въ жизни повторится это, чуть слышно проговорилъ я.

Дядя совершенно расчувствовался: это съ нимъ случалось чрезвычайно рѣдко.

— Ахъ, какъ хорошо чувствую я себя, сказалъ онъ,—сію минуту въ этой свѣговой ямѣ, вырытой собственными моими руками снятою съ ноги лыжею! Съ какой жадностью вдыхаю кристально-чистый воздухъ тайги!... Я, кажется, готовъ забыть все зло, которое причинили мнѣ когда-либо люди, и принять въ свои объятія весь міръ,—друзей и недруговъ. Даже спать не хочется, несмотря на усталость... А, впрочемъ, знаешь, вѣдь спать-то, можетъ-быть, и не совсѣмъ безопасно: теперь-то, видишь, снѣжокъ падаетъ, тепло, а подь утро можетъ и морозъ ударить... А вѣдь одежка-то у насъ плохая... Ну, да, по пословицѣ: „Богъ не выдастъ—свинья не съѣстъ“. Будемъ конечно, спать... А пока поболтаемъ еще съ Петрушкой; онъ, видишь, принялся мыть горячимъ чаемъ коробку изъ-подъ мяса... Петрушка, зачѣмъ моешь банку? спросилъ дядя по-якутеки.

Довольно долго проболтали еще мы съ Петрушкой, потомъ бесѣдовали съ дядей, когда Петрушка

уже уснулъ. Положительно не хотѣлось спать въ эту чудную и удивительную ночь!

Наутро мы тронулись въ путь часовъ въ 7 утра. Послѣ утренней ѣды у насъ осталось провизіи лишь настолько, чтобы закусить въ полдень. Поэтому мы, хотя и пошли дальше къ вершинѣ рѣки, но съ такимъ расчетомъ, чтобы къ вечеру быть въ нашей палаткѣ, которую мы наканунѣ оставили.

Къ счастью, около 12 часовъ дня мы очутились у холмика, съ вершины котораго можно было различить дальнѣйшее направленіе изслѣдуемой рѣки. Въ бинокль видно было даже, что она раздѣляется на два русла и беретъ свое начало не съ гольцовъ, а съ плоскогорія.

Отсюда мы рѣшили пуститься въ обратный путь. На мѣстѣ нашей вчерашней ночевки мы сварили себѣ чаю: нашъ костеръ еще тлѣлъ, и безъ труда мы его развели до степени пожараща.

Здѣсь мы разстались съ Петрушкой: дядя услалъ его впередъ, какъ лучшаго изъ насъ ходока на лыжахъ, готовить на ночь дрова и готовить ужинъ. Кромѣ того, мы съ дядей должны были сдѣлать на обратномъ пути кое-какія наблюденія, для чего намъ Петрушка вовсе не былъ нуженъ.

Къ палаткѣ мы подходили около 5 часовъ вечера. Первое, что сообщилъ намъ здѣсь Петрушка,

это—что наши олени не появлялись у палатки за все время нашего отсутствія. Не обративъ на это особеннаго вниманія, мы наѣлись свѣже-свареннаго мяса и досыта напились чаю.

Однако, до поздняго вечера олени не появились у нашей палатки съ обычнымъ визитомъ. Это заставляло насъ задуматься: какъ же далеко могли зайти наши олени?

Съ невеселыми мыслями уснули мы на этотъ разъ.

Когда мы утромъ слѣдующаго дня проснулись, то первымъ дѣломъ для насъ было осмотрѣться, не пришли ли олени.

Никакихъ слѣдовъ!

Но не успѣли мы выпить чай, какъ со стороны рѣки послышался скрипъ снѣга подъ копытами оленей. Слава Богу! Не придется бѣгать за оленями, и можно будетъ рано собраться въ путь. Оленей пришло 5 штукъ, и вотъ-вотъ должны показаться остальные три. Но ихъ нѣтъ, какъ нѣтъ!

Мы переловили пришедшихъ оленей и привязали ихъ къ санямъ. За остальными дядя рѣшилъ отправить Петрушку. Ему былъ данъ свистокъ: если бы олени напались неподалеку отъ палатки, то онъ долженъ былъ дать намъ знать объ этомъ свисткомъ, чтобы мы тотчасъ же начали убирать и складывать на сани палатку и вещи.

Мы просидѣли съ дядей въ томительномъ ожиданіи довольно долго, отъ времени до времени напряженно прислушиваясь.

Ни звука...

Дѣло плохо! Уже 10 часовъ,—значить, олени, которыхъ нѣтъ, совсѣмъ отдѣлились отъ товарищей, пришедшихъ къ палаткѣ, а потому Петрушка можетъ искать ихъ и очень долго.

Лѣживо принялись мы за хозяйство. Съ особеннымъ стараніемъ и тщательностью вымыли мы на этотъ разъ посуду, послѣ долгаго промежутка времени пересмотрѣли всѣ свои сумки и кули, вытряхнули изъ нихъ всѣ крошки и весь соръ. Послѣ этого мы вскипятили въ чайникѣ воды и долили ею котелокъ съ мясомъ: пусть хоть сегодня, на свободѣ, доварится у насъ мясо до степени угрызаемости.

Но дровецъ уже немного, дневать не рассчитывали. Надѣваемъ мы съ дядей лыжи, беремъ топоръ и уходимъ по дрова. Итти пришлось недолго: въ 10 шагахъ отъ палатки—сухая лѣсина. Дядя свалилъ ее, разрубилъ пополамъ и, взявши на плечи часть побольше, предоставилъ мнѣ меньшую; принесенныя дрова мы прямо кинули въ костеръ. То же продѣлали мы съ другой лѣсиной....

Уже 11 часовъ,—а Петрушки все нѣтъ. Неужели мы останемся здѣсь ночевать?

Посидѣли мы у костра, дядя выкурилъ папи-

росу,—и пошли опять подваливать лѣсъ. Перенесши его къ палаткѣ, мы освидѣтельствовали мясо въ котелкѣ: ѣсть можно! Усѣлись мы за свою скромную трапезу и думаемъ свои невеселыя думы.

Отдыхать послѣ обѣда намъ нельзя было долго. Петрушка не даетъ о себѣ знать,—значить, онъ ушелъ далеко. Для насъ было уже ясно, что придется намъ остаться ночевать въ нашей палаткѣ. А это означало, что, пока видно, надо наготовить дровъ на ночь.

Надѣли мы съ дядей на ноги свои лыжи и отправились опять по дрова. И ходили мы такъ не разъ и не два. И если бы весь заготовленный нами тогда лѣсъ доставить въ одинъ изъ южныхъ городовъ Россіи, то можно было бы за него большія деньги взять.

Тутъ я усовершенствовался въ ходьбѣ на лыжахъ больше, чѣмъ когда-либо. Извольте-ка, въ самомъ дѣлѣ, походить на лыжахъ вокругъ дерева, пока его свалите, да разрубите на части (потому что и на мою долю доставалась работа топоромъ), да взгромоздите на плечи! А итти на лыжахъ съ бревномъ на плечахъ,—это тоже чего-нибудь да стоитъ.

Мы, впрочемъ, нарочно растягивали работу: до ночи времени было немало.

Когда на часахъ было 5, а Петрушка еще не

пришелъ, то мы съ дядей были почти увѣрены, что олени возвратились на станъ Осипа Ильича и что Петрушка, если еще онъ туда доберется, заночуетъ на станѣ.

Но вотъ, въ началѣ шестого, налаживая вечерній чай и ужинъ, мы услышали далеко-далеко внизъ по рѣкѣ рѣзкій свистокъ Петрушки. Ага, пришелъ-таки! Черезъ четверть часа показался и Петрушка верхомъ на оленѣ, ведя въ поводу двухъ другихъ оленей. Оказалось, что олени дѣйствительно доходили до стана Осипа Ильича, но Петрушка не остался ночевать тамъ, а наоборотъ, взявши на станѣ оленье сѣдло, прискакалъ къ намъ.

Рано улеглись мы въ тотъ вечеръ спать, рано наутро и встали. Мы тотчасъ же замѣтили, что одного оленя не хватаетъ: очевидно, онъ отвязался и ушелъ. Свѣжихъ слѣдовъ въглубь лѣса не было.

— Значить, рѣшили мы,—олень ушелъ опять на станъ Осипа Ильича.

Само собою разумѣется, что это насъ не задержало, и мы отправились въ путь.

Проѣхавъ верстъ 5—6, Петрушка, бывший впереди, вдругъ остановился.

— Вотъ прошелъ нашъ олень, сказалъ онъ, указывая на свѣжій слѣдъ, шедшій съ дороги въ лѣсъ.—Пойду приведу!

И онъ углубился въ лѣсъ.

Черезъ 2—3 минуты онъ закричалъ:

— Тойонъ тойонъ! (господинъ)!

Мы пошли по слѣдамъ Петрушки,—и скоро намъ представилась печальная картина: павшій олень лежалъ передъ нами въ снѣгу.

Послѣ ночевки среди дороги, мы добрались до стана Осипа Ильича.

II.

Слѣдующимъ мѣстомъ нашего изслѣдованія былъ ключикъ, по которому шли работы Осипа Ильича.

Ключикъ этотъ небольшой. Уйдя рано утромъ со стана Осипа Ильича, мы могли къ вечеру возвратиться на станъ, даже если доходили почти до самой его вершины. Ходили мы нѣсколько разъ, такъ какъ на этотъ ключикъ возлагались большія надежды, и надо было его изслѣдовать особенно тщательно.

Въ одномъ мѣстѣ, идя по этому ключу, мы встрѣтили довольно высокій холмъ; на льду Амги, у балагана Осипа Ильича, барометръ-анероидъ показывалъ 711,5 мм., а на вершинѣ холма—692,3. Разница—19,2 мм. А такъ какъ на каждый миллиметръ паденія барометра приходится около 11 метровъ подъема пути,—то, значитъ, высота холма

Павшій олень.
(По фотографіи).

надъ уровнемъ рѣки у стана была приблизительно 211,2 метра.

Подъемъ былъ очень крутъ: около 2.500 шаговъ мы шли на лыжахъ, приблизительно 40 минутъ, и подъ конецъ приходилось останавливаться для отдыха все чаще и чаще. А вершинка холма подымалась почти отвѣсно. Мы уже не идемъ, а карабкаемся, стараясь, прежде чѣмъ сдѣлать шагъ впередъ, ухватиться за деревцо или кустикъ, въ которыхъ, къ нашему счастью, здѣсь не было недостатка.

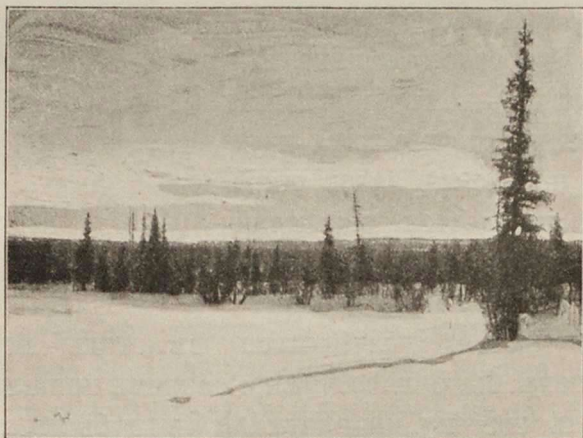
Очутившись на горизонтальной поверхности верхушки холма, мы еле волочили ноги, но зато были вознаграждены великолѣпнымъ видомъ, открывшимся передъ нами.

Какъ на ладони, вырисовалась передъ нами цѣпь гольцовъ гряды, служащей водораздѣломъ между системами рѣкъ Амги и Алдана. Всѣ они блистали ослѣпительной бѣлизной своихъ вершинъ, одѣтыхъ гладкою пеленою снѣга. И красивѣе всѣхъ, величественнѣе казался тотъ голецъ (у Николаевского 1-го стана), который дядя называлъ „Сергѣевскимъ“.

Исслѣдовали мы и рядъ другихъ ключей и притоковъ, впадающихъ въ р. Амгу выше стана Осипа Ильича. Уѣзжали мы обыкновенно дня на 3—4. Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ дневками,

всего на станѣ Осипа Ильича мы пробыли около мѣсяца.

Въ послѣднихъ числахъ февраля мы перекочевали на станъ Рудольфа Карловича, чтобы произвести изслѣдованіе вершины рѣчки Бэсъ-сала (въ переводѣ съ якутскаго — Сосновый притокъ),—

Ландшафтъ въ верховьяхъ р. Амги.
(Съ фотографіи).

притока Амги, на которомъ стоялъ балаганъ Рудольфа Карловича, и всѣхъ ключей и притоковъ, впадающихъ въ него.

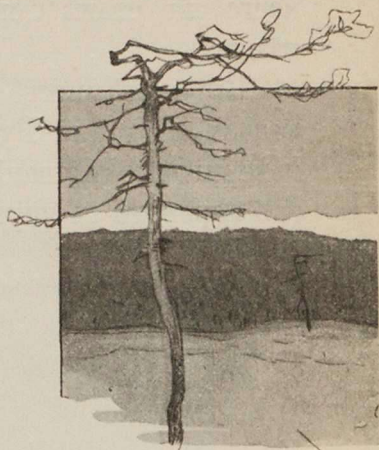
Здѣсь, изслѣдуя одну изъ вѣтвей, на которыя раздѣляется Бэсъ-сала, мы втесались въ лѣсъ, гдѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ все пожрано было огнемъ.

Только тутъ я узналъ, что такое лѣсной пожаръ. Не только оленямъ рѣшительно нечего было ѣсть: не видно ни одного слѣда, нѣтъ птицъ,— все мертво кругомъ. Пожаръ былъ, очевидно, довольно давно: встрѣчались одиноко стоящія живыя деревца, аршина 2—3 высотой,—какъ бы утѣшая напоминаніемъ, что хотя и не скоро, но все же здѣсь опять пышно разовьется растительность, а съ нею вмѣстѣ и органическая жизнь вообще.

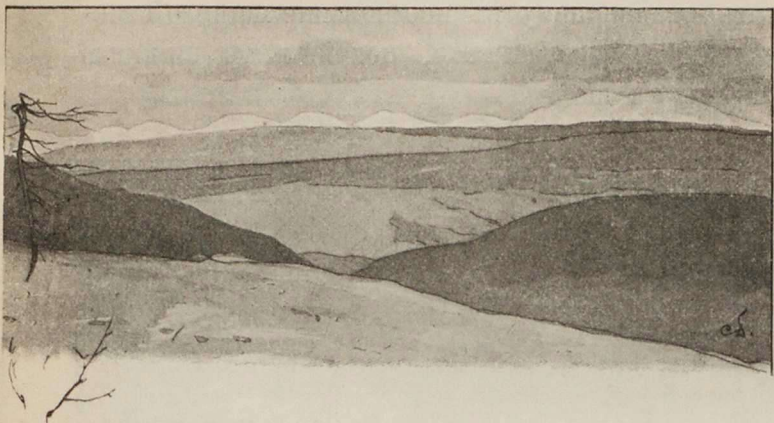
Разумѣется, углубляться въ этотъ мертвый лѣсъ намъ было невозможно: оленямъ пришлось бы голодать; поэтому, мы проѣхали въ глубь лѣса лишь настолько, чтобы къ вечеру, возвратившись назадъ, можно было достигнуть живого лѣса.

Работать въ р. Бэсъ-сала намъ пришлось сравнительно недолго: къ серединѣ марта мы имѣли возможность перебраться на р. Саталахъ, — также лѣвый притокъ р. Амги, впадающій въ нее верстахъ въ 10 ниже р. Бэсъ-сала.

Какъ разъ 14 марта мы начали изслѣдованіе Саталаха. Пройдя съемкою версть 10, мы совершенно неожиданно для себя повстрѣчали семью пере-

Цѣпь гольцевъ.

(Съ карандаши. наброска).⁷

кочевывающихъ тонгусовъ. Изъ разспросовъ оказалось, что тонгусы предполагають неподалеку отъ мѣста нашей встрѣчи остановиться на ночлеги.

— Дядя, пойдемъ сегодня ночевать къ тонгусамъ, сказалъ я. — Вѣдь я не видѣлъ еще тонгуской обстановки.

— Я самъ думалъ объ этомъ, отвѣтилъ дядя. — Кромѣ того, что тебѣ интересно посмотрѣть тонгусовъ въ ихъ обычной обстановкѣ, — я имѣю въ виду еще кое-что.

— Что?

— А видишь ли: лѣвые притоки Амги, несомнѣнно, мѣстами близко подходятъ къ правымъ

притокамъ Олекмы. Мнѣ кажется, что можно было бы перевалить черезъ водораздѣль и по притоку Олекмы, впадающему въ нее повыше нашего главнаго зимовья, возвратиться, подойдя къ зимовью по Олекмѣ съ юга.

Тайга послѣ пожара.

— По какому же притоку мы спустимся къ Олекмѣ?

— Если карта не вретъ, то, вѣроятно, по Крестяху. Во всякомъ случаѣ, очень интересно было бы разспросить на этотъ счетъ тонгусовъ.

Мы съ дядей оставили позади себя Петрушку

съ транспортомъ, а сами зашагали, стараясь догнать тонгусовъ.

Когда мы прошли порядочное разстояніе, въ лѣсу, недалеко отъ русла рѣки, раздался громкій, раскатистый крикъ куропатки. Хотя мы и торо-

Тонгусы въ пути.

пились, но я не могъ удержаться, взялъ у дяди ружье и поднялся на берегъ. Стадо бѣлыхъ, какъ снѣгъ, куропатокъ разсѣлось на вѣтвяхъ березы и издавало при моемъ приближеніи тревожные крики. Подойдя на выстрѣлъ, я приложился и выстрѣлилъ. Пара куропатокъ свалилась съ дерева,

а остальные, послѣ немногихъ мгновеній раздумья, снялись и направились прочь отъ меня. Грянулъ другой выстрѣлъ, — и черезъ минуту я возвратился къ дядѣ съ тремя подстрѣленными куропатками.

Мы подошли къ мѣсту остановки тонгусской семьи почти одновременно съ тонгусомъ Василиемъ, главою семьи, присоединившимся къ своимъ послѣ дня охоты. Онъ пришелъ на лыжахъ; на немъ была надѣта черезъ плечо винтовка-кремневка, за поясомъ—десятка полтора убитыхъ сегодня бѣлокъ.

Было еще довольно рано, — менѣе 4 часовъ пополудни, — и тонгусы не торопились ставить свою палатку. Дядя предложилъ Василию папиросу и разговорился съ нимъ. Условлено было, что мы особой палатки себѣ ставить не будемъ, а переночуемъ въ урасѣ Василя.

Къ этому времени подошелъ и Петрушка. Дядя приказалъ ему помочь Василию и его людямъ ставить урасу.

— Наблюдай, Сережа, сказалъ мнѣ дядя. — Вѣдь это рѣдкій случай — видѣть тонгусовъ во время ихъ кочевки. Совѣтую тебѣ наблюденія свои записать въ книжку.

Но я и самъ, не упуская случая быть чѣмъ-нибудь полезнымъ, всеже старательно замѣчалъ все происходящее вокругъ меня, намѣреваясь вечеромъ все это записать.

Жена Василя, Марья, и 11-тилѣтній маль-

чикъ-работникъ стали разгребать снѣгъ подъ урасу, при чемъ охотно воспользовались предложенными имъ дядей лопатами.

Тѣмъ временемъ Василій и Петрушка готовили жерди. Первый вооружился своей батыей. Батыя, собственно, оружіе: съ нею ходятъ на медвѣдей. Но та же батыя съ болѣе короткой ручкой служить у тонгусовъ, а въ глухихъ мѣстахъ — и у якутовъ, въ качествѣ топора.

Василій владѣлъ батыей очень ловко, держа ее одной правой рукой. Работалъ онъ такъ увѣренно, что не стѣснялся размахисто ею дѣйствовать даже тогда, когда около него вертѣлись ребяташки.

Когда снѣгъ былъ удаленъ, работникъ взялся за топоръ. Это было маленькое, зазубренное, плоское орудіе, совершенно разматавшееся на измызганномъ топорщицѣ.

Сначала работникъ рубилъ сосновыя и еловыя вѣтви на подстилку въ урасѣ, а Марья сносила ихъ къ мѣсту постройки и раскладывала на землѣ. Когда она нашла, что вѣтвей достаточно, то сказала объ этомъ работнику, который сталъ рубить дрова. Василій замѣтилъ, что топоромъ положительно нельзя работать, и потому сталъ было заклинивать его разысканнымъ для этой цѣли въ одной изъ сумъ кускомъ желѣза.

Я вспомнилъ, что у насъ есть въ запасѣ су-

хая береза, и предложилъ ее Василию. Онъ съ благодарностью откололъ кусокъ, сдѣлалъ изъ него клинъ и заклинилъ имъ топоръ. Изъ той же березы Василій выстрогалъ два гвоздя и пропустилъ ихъ сквозь клинъ и топорище. Операция эта дѣлу хотя и помогла, да не очень: лезвее топора было ниже всякой критики.

Дрова рубились очень тонкія, — не болѣе 1 кв. вершка въ сѣченіи, — длинныя. Поэтому, бревно сначала раскалываютъ на нѣсколько частей, а затѣмъ уже рубятъ эти части на полѣнья.

— Почему вы не берете сосну? спросилъ я Василю. — Вѣдь она такъ хорошо горитъ и даетъ такой яркій свѣтъ.

— Отъ нея въ урасѣ дыму много, пояснилъ мнѣ Василій.

Марья въ это время возилась съ распаковой тюковъ; но часто ее отвлекали дѣти, изъ которыхъ одного, 5-тимѣсячную дѣвочку, нѣсколько разъ она должна была кормить грудью.

Дровъ нужно было запасти очень много, и работникъ былъ занятъ ихъ заготовленіемъ безъ конца; Василій съ Петрушкой успѣли уже не только на рубить жерди для урасы, очистить ихъ отъ сучьевъ и даже мѣстами соскоблить съ нихъ кору, но и принялись устанавливать остовъ палатки, — а работникъ все еще рубилъ дрова.

Первыя двѣ жерди — съ сучками на верши-

нахъ, чтобы онѣ, опираясь вершинами другъ на друга, не падали. Послѣ этого жерди приставлялись къ этой скрѣпленной вершинѣ остова по очереди—то съ той, то съ другой стороны: если бы всѣ жерди ставились сначала съ одной только стороны, а затѣмъ уже — съ другой, то остовъ наклонился бы къ противоположной сторонѣ. Основаніемъ своимъ жерди втыкались въ снѣгъ, собранный въ видѣ вала при расчисткѣ мѣста для установки урасы.

Когда жерди были натыканы довольно густо одна около другой, то принялись обтягивать ихъ покрывалами, спшитыми специально для этого изъ выдѣланныхъ оленьихъ кожъ, лишенныхъ шерсти (такъ называемая «ровдуга»). Такихъ покрывалъ два: одно служить для прикрытія нижней половины урасы (и его натягиваютъ руками), другое— для прикрытія верхней части (его натягиваютъ при помощи тонкихъ шестовъ). Сверхъ покрывала накладываютъ новый рядъ жердей, — чтобы не дать возможности вѣтру снести покрывало съ палатки. Въ центрѣ урасы воткнули также жердь, которая была настолько длинна, что вершина ея выходила изъ палатки; между этою жердью и одною изъ внутреннихъ жердей палатки укрѣпили небольшую поперечную жердь, на которой подвѣсили чайники и котелки и просушивали одежду.

Я замѣтилъ время, когда начали строить урасу:

было ровно 4 часа. Постройку окончили въ 5 часовъ 40 минутъ.

Пока строилась ураса, дѣти сидѣли въ сторонѣ и были спокойны. Только маленькая дѣвочка иногда высовывала ручку изъ-подъ одѣяла и тогда начинала ревѣть.

Когда всѣ мы водворились въ урасѣ и тамъ былъ уже разведенъ огонь, хозяйка распаковала суму съ посудой. Тамъ оказался мѣдный чайникъ, такой же котелъ, маленькій глиняный чайникъ; 4 чашки, 5 блюдцевъ, желѣзная эмальированная тарелка, деревянная чашка, сковорода, двѣ серебряныхъ ложки, таганъ, небольшой желѣзный ковшикъ.

Съ этимъ послѣднимъ въ рукахъ отправился работникъ изъ урасы, захвативши съ собою опорожненную суму, и черезъ нѣсколько минутъ принесъ ее до краевъ наполненною снѣгомъ. Снѣгъ утрамбовывался въ чайникъ и котелокъ, которые были подвѣшены надъ костромъ.

Марья принялась застряпню. Въ ея сумѣ оказалась мука, и изъ нея она замѣсила прѣсную лепешку, всыпавъ въ тѣсто очень немного соли. Въ котелокъ, когда онъ до половины наполнился водою изъ растаявшаго снѣга, Марья опустила нѣсколько кусковъ мяса.

— Это какое же у васъ мясо? заинтересовавшись, спросилъ я.

— Дикаго оленя, отвѣтилъ мнѣ Василій; — остатки доѣдаемъ: на прошлой недѣлѣ убилъ.

— А бѣличье мясо куда дѣваете? продолжалъ я спрашивать, видя, что хозяинъ собирается снимать шкурки съ убитыхъ сегодня четырнадцати бѣлокъ.

— Собаку кормимъ, — а остальное бросаемъ, но если другой пищи нѣтъ, то ѣдимъ и бѣличье мясо.

Сдирать шкурки съ бѣлокъ сталъ помогать Василию и работникъ; Марья никакого участія въ этомъ не принимала.

Когда чай (конечно, кирпичный) былъ заваренъ и хорошо настоялся, а лепешка испеклась, — Марья растопила на сковородѣ немного коровьяго масла и накрошила туда лепешку.

На время ѣды у огня поставленъ былъ «столъ». Это была, собственно, столешница, сколоченная изъ трехъ небольшихъ досокъ. На «столѣ» появился даже сахаръ, и вся семья принялась за чаепитіе, вслѣдъ за которымъ тотчасъ же мясо было вынуто изъ котла и съѣдено.

Когда трапеза была окончена, Марья чисто-начисто вымыла всю посуду и даже послѣ мытья вытерла ее мелкими стружками, которыхъ у нея въ сумѣ оказался большой запасъ.

Къ этому времени и мы подкрѣпились ѣдой.

Дядя вступилъ въ бесѣду съ Василиемъ. Въ результатѣ оказалось вотъ что:

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ наша ураса, въ р. Саталахъ впадаетъ маленькая безыменная рѣчущка, вершина которой находится верстахъ въ 15 отъ средняго теченія рѣки Кудулахъ, притока р. Крестьяхъ; а Крестьяхъ впадаетъ въ рѣку Олекму всего въ 7—8 верстахъ выше нашего зимовья. Такимъ образомъ, поднявшись по безыменному ключу и перебравшись затѣмъ въ долину Кудулаха, мы можемъ спуститься по Кудулаху, Крестьяху и Олекмѣ къ самому зимовью.

Чтобы провѣрить себя, мы предложили Василию начертить карту. Дядя развернулъ передъ нимъ свою записную книжку, далъ въ руки карандашъ,—и географическое черченіе началось.

Но, получивъ раньше опредѣленную инструкцію, дядя не рѣшался измѣнить планъ своихъ работъ безъ согласія на то Сергѣя Аристарховича. По нашимъ соображеніямъ, начальникъ экспедиціи долженъ былъ быть еще на I-мъ станѣ, всего верстахъ въ 15 отъ мѣста нашей ночевки. Поэтому, мы остановились на томъ, чтобы на другой день, какъ можно раньше, отправить Петрушку къ Сергѣю Аристарховичу за разрѣшеніемъ — измѣнить нашъ маршрутъ.

— Некогда намъ здѣсь возиться съ твоими куропатками, Сережа! сказалъ дядя.—Петрушка, возъ-

мешь завтра и отвезешь Сергѣю Аристарховичу куропатокъ... Да вотъ что: отвези нашъ топоръ на І станъ и выбери тамъ получше; смотри, чтобы былъ хорошо насаженъ и выточенъ. Да вотъ еще что: надо попросить чаю, — какъ бы мы подъ конецъ безъ чаю не остались.

Дядя написалъ Сергѣю Аристарховичу подробное посланіе.

Наутро Петрушка, вставъ очень рано и напившись чаю, ушелъ за оленями въ половинѣ седьмого. Я къ этому времени уже проснулся и втихомолку наблюдалъ, что дѣлается въ урасѣ. Я видѣлъ, какъ работникъ натопилъ изъ снѣгу воды, и ею умылись взрослые тонгусы; Марья умывалась даже мыломъ: у нея оказался кусочекъ мыла розоваго цвѣта. Она довольно чисто умыла и дѣтей. Я вспомнилъ при этомъ, что еще вчера вечеромъ Марья, убравши ребенка и его зыбку и отчистивши грязь и снѣгъ отъ обуви мужа, также очень тщательно вымыла руки.

Петрушка пригналъ оленей только въ 9 часовъ и, по настоянію дяди, тотчасъ же уѣхалъ на І-ый станъ, не успѣвъ закусить.

— Сергѣй Аристарховичъ тебя тамъ накормить. Ступай! ступай! шутливо выпроваживалъ дядя Петрушку.

За утреннимъ чаемъ мы опять разговорились съ Василемъ; дядя задавалъ ему вопросы, чтобы

выяснить, какъ живутъ тонгусы его рода, какія у нихъ есть общественныя дѣла и собранія, много ли у нихъ оленей, какія подати и повинности они несутъ, какіе обычаи соблюдаются при заключеніи договоровъ, на свадьбахъ, какъ судятъ ихъ «тойоны», т.-е. судьи, и т. д.

Въ этотъ день Василій не снимался съ мѣста. Онъ ушелъ на охоту въ 10 часовъ утра и возвратился часовъ около 2-хъ, принесъ опять десятка полтора бѣлокъ.

Убравши всю посуду послѣ утренней ѣды, Марья одѣла дѣтей и приказала имъ итти на воздухъ, а сама принялась за починку одежды. Въ ея рабочей сумкѣ оказались катушечныя нитки, якутскаго образца ножницы, лоскутья мебельнаго тика, изъ котораго были сшиты рубахи на дѣтяхъ, аршина полтора или два новаго ситцу, стальной наперстокъ.

Изъ выпущенныхъ на улицу тонгусятъ младшій два раза возвращался въ урасу и начиналъ ревѣть. Мать усаживала его у огня, чтобы онъ могъ согрѣть себѣ ноги.

Вообще, плачь дѣтей слышался у насъ въ урасѣ довольно часто: дѣти были, очевидно, очень капризны. Я замѣтилъ, что спокойнѣе всѣхъ 5-тимѣсячная дѣвочка, капризнѣе другихъ — старшій мальчикъ.

Мальчики, по возвращеніи въ урасу, стали

играть, приче́мъ старшій зло и больно билъ брата, который сначала добродушно отвѣчалъ на удары ударами, а потомъ разревѣлся.

Дѣвочка, несмотря на то, что была всего пяти мѣсяцевъ, свободно сидѣла, до половины тѣла обнаженная. Укладывали ее спать въ зыбкѣ, заворачивая въ медвѣжинку.

Болѣе же всего меня поразила такая сцена: 4-хлѣтній карапузъ, съ болѣе чѣмъ неопрятнымъ носомъ, держа въ рукахъ игрушечныя лыжи, внимательно слѣдитъ, какъ отецъ дѣлаетъ ему игрушечныя сани, и— курить трубку, сплевывая и надавливая

Тонгускій ребенокъ.
(Съ фотогр.)

пальцемъ пепель въ трубкѣ, чѣмъ производитъ впечатлѣніе совершенно взрослога человѣка. Того же карапуза, когда онъ расплакался, отецъ хотѣлъ развлечь тѣмъ, что предлагалъ ему покурить трубку.

Интересно было также наблюдать, какъ хорошо и безстрашно даже 3-хлѣтній сынъ вла-

дѣть ножомъ, строгая, расщепляя и рубя лущинки.

Днемъ въ урасѣ было совершенно свѣтло: надъ огнемъ, въ верхушкѣ урасы, широкое отверстіе, да и въ покрывалахъ, облекавшихъ остовъ урасы, оказалось не мало дыръ. Благодаря этому, мы съ дядей въ промежуткахъ между наблюденіями надъ окружающими и разговорами, могли свободно читать и писать. Только было немного дымно: дымъ иногда разгуливалъ по всѣмъ закоулкамъ урасы и ѣлъ глаза.

Около 9 часовъ вечера возвратился Петрушка. На листкѣ, вырванномъ изъ записной книжки, Сергѣй Аристарховичъ лаконически писалъ карандашомъ:

«Многоуважаемый Николай Алексѣевич! Большое спасибо тезкѣ за куропатокъ. Охотно разрѣшаю. Посылаю топоръ, чай, калачи газеты и письмо Вамъ изъ Якутска. Вашъ С. П.».

— Ну, Сергѣй, сказалъ дядя, — ты не можешь себѣ представить, какъ я радъ, что намъ удастся пройти на Олекму другой дорогой. Изслѣдовать верхушки рѣчекъ, когда онѣ теряютъ даже видъ рѣки, — это, право, не очень-то важно для науки. Другое дѣло — связать съемкою долину одной довольно большой рѣки съ долиною другой такой же рѣки. Намъ, мой другъ, теперь надо удвоить вниманіе. Замѣть, что мы будемъ имѣть дѣло

съ совершенно различными ландшафтами: долина Амги не то, что долина Крестяха и Олекмы; на перевалѣ между Амгой и Крестяхомъ — опять новый ландшафтъ.

Отдохнувши за день, мы бодро двинулись въ путь. Въ 7 часовъ утра температура показывала всего $-6,5$, а въ 10 часовъ, въ моментъ, когда мы трогались, было уже $+1^{\circ}$. Первый плюсъ! Можно поздравить себя, значить, съ весной.

Весна въ сѣверныхъ широтахъ дѣйствуетъ на человѣка такъ же опьяняюще, какъ и вездѣ. Можетъ-быть, даже сильнѣе. Въ тайгѣ, послѣ 6—7-мѣсячнаго оцѣпенѣнія природы, воздухъ необыкновенно чистъ, а повышеніе температуры и увеличеніе продолжительности дня идетъ несравненно быстрѣе подъ 58° широты, нежели подъ 40° . Легко представить себѣ это, если вспомнить, что пятичасовой день 10 декабря здѣсь долженъ сравниться съ ночью, какъ и вездѣ на землѣ, къ 9 марта, а затѣмъ, въ іюнѣ, обмѣняться продолжительностью съ ночью. Соотвѣтственно этому, и высота солнца надъ горизонтомъ въ теченіе, напримѣръ, января удваивается, — съ 10° доходить до 20° .

Уже въ февралѣ, какъ только небо сдѣлается яснымъ и нѣтъ вѣтра, такъ и повѣтъ настоящей весной. Весна не даетъ сидѣть въ душномъ, закрытомъ помѣщеніи, будь то даже дырявая тонгусская ураса, по цѣлымъ часамъ шатаешься внѣ дома,

вдыхая свѣжій и чистѣйшій таежный воздухъ. Войдешь въ чашу, — и въ какомъ-то оцѣпенѣніи останавливаешься тамъ. Хочется ни о чемъ не думать, ничего не ощущать внутри себя, — кажется, что съ каждымъ глоткомъ воздуха становишься въ три раза здоровѣе. Силы вливаются въ организмъ, — даже хочется сказать: врываются, — и притомъ съ такою стремительностью, что мѣшаютъ чувствовать и мыслить.

Пройдетъ немного времени, и зеленые и теперь сосны, ели, пихты станутъ не только зеленѣе, но и душистѣе, и ничѣмъ не зараженный воздухъ пропагандируется еще и оздоравливающими газами.

А потомъ начнутъ слетаться утки, гуси, лебеди и тысячи мелкихъ птишекъ, въ воздухѣ зазвенятъ ихъ неумолчныя весеннія пѣсни, станетъ время отъ времени раздаваться шумъ отъ ихъ крыльевъ, когда онѣ мириадами проносятся надъ головою очарованнаго человѣка. Тогда еще, еще сильнѣе становятся чары весны! Какъ заколдованный, останавливаешься на берегу озера или среди тайги, чтобы уловить, откуда приходятъ и куда уходятъ звуки.

Хороша весна въ тайгѣ!..

А впрочемъ, не вездѣ ли она хороша, какъ всегда хороши молодость и здоровье?

Къ тому времени, на которомъ остановился нашъ рассказъ, весна, можно сказать, уже вошла во всѣ свои права. Послѣ 15 марта рѣдкій день температура

не поднималась выше 0°. Это не мѣшало, однако, тому, что утромъ штитикъ минимумъ термометра показывалъ градусовъ 30 ниже нуля. Вотъ, напр., 20 марта: самая низшая температура ночью—30°, въ 7 часовъ утра—22°, а въ полдень +1°; къ 9 часамъ вечера температура опять понизилась до—11°.

Но пора мнѣ продолжать свой рассказъ.

Мы отправились вверхъ по Безыменной рѣчкѣ. Часамъ къ четыремъ мы дошли до такого мѣста, гдѣ, можно сказать, рѣка совершенно терялась, и мы должны были идти по компасу.

Прежде чѣмъ мы вступили въ гущу сплошного сосноваго лѣса, мы имѣли удовольствіе еще разъ полюбоваться Амгинскими гольцами.

Дядя остановилъ транспортъ, зарисовалъ очертаніе гольцовъ и взялъ при посредствѣ пантометра азимуты различныхъ точекъ этой гряды.

— А теперь,—прощайте, гольцы!.. Идемъ дальше.

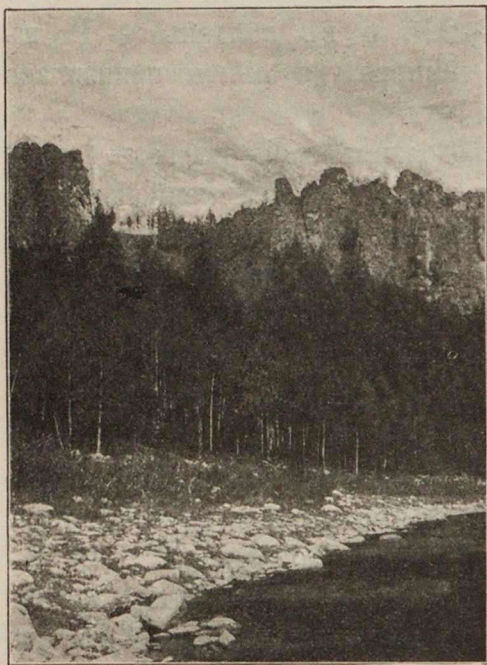
Черезъ нѣкоторое время, обернувшись, я не могъ уже сквозь сгустившійся лѣсъ различить очертанія гольцовъ. Да, не видать мнѣ ихъ больше никогда въ жизни!

Къ вечеру мы пришли къ урасѣ Василя, поѣздъ котораго шелъ кратчайшимъ путемъ, такъ что мы дорогою не видѣлись.

На другой день намъ уже не пришлось ночевать въ урасѣ тонгусовъ. Мы все время шли по

компасу, пользуясь указаніями Василя и начерченной имъ картою.

Такъ, то ночуя вмѣстѣ съ тонгусами въ ихъ урасѣ, то строя вдали отъ ихъ кочевья свою палатку, мы шли, шли и шли.

Ландшафтъ въ долинѣ р. Крестяха.
(Съ фотографіи).

Какъ и предсказывалъ дядя, съ переваломъ въ долину Кудулаха, а еще болѣе—въ долину Крестяха, ландшафтъ постепенно измѣнялся до неузнаваемости.

Обнаженія, выходы породъ становились все чаще и значительнѣе, на Крестяхѣ мы встрѣтили первую большую скалу.

Между тѣмъ, температура быстро поднималась. Это было сначала замѣтно по снѣгу, сильно опавшему отъ таянія съ поверхности. Къ вечеру 21 марта

по льду рѣки показались ручьи, и вода въ нихъ поднималась выше щиколотокъ. Въ тотъ же день мы увидѣли предвѣстницъ весны,—маленькихъ бѣлыхъ птичекъ, по-якутски называемыхъ «туллукъ». Разумѣется, мы парочку изъ нихъ подстрѣлили для точнаго опредѣленія ихъ вида и рода *).

На слѣдующій день, въ часъ дня, температура была + 13. Я взглянулъ на термометръ, когда мы трогались послѣ чаю, т.-е. въ два часа безъ четверти: оказалось + 14. Вода—всюду, куда ни взглянешь. Мы идемъ иногда по колѣно въ водѣ. Съемка становится затруднительной. Считать шаги и полагаться на стсчеты шагомѣра уже рискованно.

— Придется скоро, говоритъ мнѣ дядя,—опредѣлять разстояніе на глазомѣръ... да и съ инструментомъ итти ужасно трудно...

Въ этотъ моментъ дядя поскользнулся на гладкомъ льду, покрытомъ водою.

— Вотъ тебѣ и разъ! кричитъ онъ, растянувшись въ мокротѣ.

Онъ всталъ, отряхнулся и сталъ осматривать пантометръ. Оказалось, что инструментъ еще дѣйствуетъ.

24 марта вода идетъ сплошь всею рѣкою. Мы

---

*) Добавлю въ примѣчаніи, что когда я на зимовѣ показаль эти птички Дмитрію Матвѣевичу, то онъ сразу-же назвалъ ихъ сибирскими „снѣгирами“,—*embevisa nivalis*.

съ затрудненіемъ подвигаемся впередъ. Ни считать шаговъ, ни даже пользоваться пантометромъ уже нѣтъ никакой возможности.

А ко всему этому мы промокли до костей и устали.

— Стопъ машина!

Дядя укладываетъ пантометръ на сани, и мы записываемъ направленіе нашего пути при помощи простого компаса, не опредѣляя разстоянія.

Мы пишемъ у себя въ записной книжкѣ:

«N,—дорога съ Икимды черезъ Крестяхъ, Нютуку и Алданъ на Амуръ,—на рѣкѣ камня,—W,—опять камни,—значительное паденіе русла рѣки,—N,—NW,—ураса Василия».

На слѣдующій день, въ праздникъ Благовѣщенія, мы проходимъ устья послѣднихъ притоковъ рѣки Крестяха—Нютуку и Курунгнахъ; вода идетъ все время по всей ширинѣ рѣки, встрѣчаемъ ручьи и ключики, вскрывшіеся до дна.

Мы все еще рассчитываемъ сегодня же добраться до устья Крестяха и переночевать и обсушиться въ деревянномъ домѣ Василия, обогнавшего насъ. Домъ этотъ, какъ говорилъ намъ Василій, стоитъ на берегу Олекмы, при впаденіи въ нее Крестяха. Но увы! Мы выбиваемся изъ силъ, на насъ нѣтъ сухой нитки, мы голодны, и—до устья Крестяха намъ не дойти!

Подымаемся мы на свободный отъ воды берегъ

рѣки, разводимъ грандіознѣйшій костеръ, сушимъ свои вещи и приступаемъ къ приготовленію нищи. О, еслибъ кто зналъ, какъ и что ѣли мы тогда!

Еще вчера утромъ мы съѣли все свѣжее мясо; вчера вечеромъ и сегодня утромъ закусывали американской солониной, а для сегодняшняго ужина намъ пришлось варить кусокъ кости на бульонъ, въ который мы опустили съ десятокъ послѣднихъ, истертыхъ въ кулѣ пельменей, и всѣ крошки пельменей и котлетъ, которыя намъ удалось собрать на днѣ куля. На завтра у насъ осталось немного консервированнаго мяса и кусокъ масла. Сахару давно нѣтъ, чаю на завтра хватитъ.

— Петрушка, говори правду, шутливо-грознымъ тономъ спрашивалъ дядя:—дойдемъ мы завтра до Олекмы или, какъ и сегодня, застрянемъ на пути?

Петрушка смѣется.

— Дойдемъ, должно-быть!

— Ну, смотри ты у меня, продолжалъ шутить дядя,—а то заставлю тебя оленя рѣзать.

— А какая намъ отъ него польза будетъ? Видишь, какіе у насъ олени?

И въ самомъ дѣлѣ, олени лежатъ недалеко отъ нашей палатки, не будучи въ силахъ даже двинуться для разысканія себѣ корма.

Къ счастью, предположенія Петрушки оправдались. Къ шести часамъ вечера 26 марта мы под-

ходили къ довольно хорошему деревянному дому тонгуса Василя, гдѣ уже насъ ждали.

Мы поравнялись съ громадной красивой скалой, стоявшей у впаденія Крестьяха въ Олекму.

— Ну, послѣдняя наша проба, — сказалъ дядя, откалывая геологическимъ молоткомъ кусокъ породы.

Скала эта, однако, оказалась замѣчательною не только въ геологическомъ отношеніи.

— Тойонъ, — сказалъ Петрушка, — на этой скалѣ горный духъ сдѣлалъ надписи.

— Какія надписи? — живо заинтересовался дядя.

— А вотъ смотрите...

И Петрушка намъ сталъ указывать рисунки красною краскою, проступавшіе на желто-сѣромъ фонѣ гнейсовой скалы.

Понятно, мы съ дядей моментально вооружились биноклями и стали разсматривать изображенія.

— Это, Сережа, дѣло серіозное, — проговорилъ дядя. — Надо сдѣлать все, что можно...

Двѣ минуты передъ тѣмъ мы чувствовали, что будто силы наши совершенно истощились, и уже предвкушали сладостный отдыхъ. Но сообщеніе Петрушки заставило насъ забыть всю нашу усталость, и мы принялись за работу.

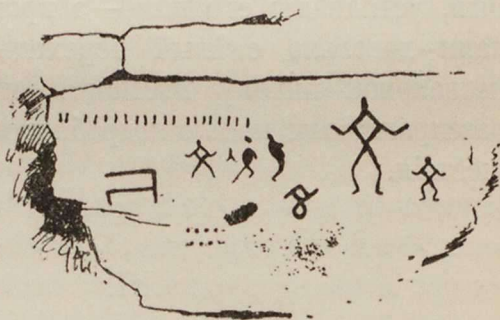
— Надо помнить, — говорилъ дядя, — что очень, очень не скоро въ этомъ мѣстѣ будутъ люди, воору-

женные тѣми средствами, которыми располагаемъ мы съ тобой, и надо взять для науки все, что мы можемъ взять.

Мы сдѣлали нѣсколько фотографическихъ снимковъ скалы, набросали планъ ея расположенія и, ежеминутно совѣтуясь, зарисовали у себя въ записныхъ книжкахъ все изображенія.

Послѣ этой неожиданной, но очень продуктивной остановки, мы, наконецъ, совершенно сбившіеся съ ногъ и нервно утомленные, вошли въ домъ Василія. Здѣсь мы имѣли

Изображенія на скалѣ.
(По рисункамъ съ натуры автора).

возможность основательно высушить промокшую одежду, пока радушные хозяева угощали насъ чаемъ съ оладьями и варенымъ мясомъ дикаго оленя.

Не смотря на позднее время, дядя рѣшилъ во

что бы то ни стало въ тотъ же вечеръ добраться до зимовья. Мы выбрали пару наименѣе утомившихся оленей, накормили ихъ вдоволь лепешкой и масломъ, взятыми у Василя, и бросивши всю нашу кладь и остальныхъ оленей на попеченіе тонгусовъ, двинулись въ путь.

Обильная и питательная пища дала возможность отдохнувшимъ оленямъ часа въ полтора доставить насъ по гладкому, безъ признаковъ еще воды, льду большой рѣки къ зимовью, гдѣ неожиданный нашъ пріѣздъ въ такой поздній часъ переполошилъ всѣхъ. Тѣмъ радушнѣе были мы приняты. Видъ у насъ былъ довольно непрезентабельный, устали мы страшно,—а кромѣ того, мы сдѣлали довольно смѣлый переходъ по совершенно незнакомой никому мѣстности, и всѣ наперерывъ разспрашивали насъ о подробностяхъ нашего путешествія.

III.

Ровно 3 недѣли, послѣ ухода со стана Осипа Ильича, мы съ дядей пробыли подъ открытомъ небомъ, если не считать нѣсколькихъ случаевъ ночевки въ урасѣ тонгусовъ. Какъ ни была незатѣйлива обстановка нашего дома на зимовьѣ, но очутиться, послѣ голода и холода, въ тепломъ

помѣщеніи, ѣсть сытно и вкусно на чисто вымытыхъ тарелкахъ, вилками и столовыми ножами, надѣть свѣжее бѣлье, вымыться, остричься, лечь въ теплую и чистую постель, а главное—отойти отъ вѣчнаго ощущенія холода и вѣтра на лицѣ и рукахъ,—все это показалось намъ положительно раемъ. Надо еще замѣтить, что нѣкоторое время мы могли пользоваться и заслуженнымъ отдыхомъ. Мы совершенно забыли о работѣ: вниманіе, умъ и нервы отдыхали.

Постепенно на зимовье стягивались и остальные участники нашей экспедиціи: Василій Елисеичъ, Осипъ Ильичъ, Григорій Александровичъ, Рудольфъ Карловичъ. Въ избушкѣ рабочихъ сдѣлалось опять очень людно; для тонгусовъ-погонщиковъ выстроено было особое помѣщеніе. На обширномъ „дворѣ“ зимовья вѣчно толкались олени: одни приходятъ, другіе уходятъ.

Жизнь на зимовьѣ пріобрѣла такой же шумный характеръ, какъ и въ первое время появленія нашего здѣсь. Разница заключалась въ томъ, что теперь была весна, большую часть времени проводили на воздухѣ, свободно дышалось, люди жили съ сознаниемъ исполненнаго долга и надеждами на будущее.

Сначала мы дѣлились лишь впечатлѣніями, общали другъ другу отрывочныя наблюденія. Но Сергѣй Аристарховичъ постепенно сталъ предла-

гать всѣмъ участникамъ систематически приводить въ порядокъ свои записи и коллекціи.

Всѣ принялись за работу. Мы съ дядей переписывали начисто всѣ цыфровыя записи по маршрутной съемкѣ, снабжая ихъ выписками изъ „легенды“, т.-е. замѣчаній, дѣлаемыхъ о характерѣ мѣстности, о выдающихся моментахъ работы, и пр. Привели мы въ порядокъ также и свои геологическія коллекціи, гербаріи, шкурки убитыхъ на чучела животныхъ. Не мало времени и труда заняла обработка фотографическаго матеріала. Въ виду обилія его у всѣхъ членовъ экспедиціи, Сергѣй Аристарховичъ приказалъ устроить такъ называемую „темную комнату“ для фотографической лабораторіи, гдѣ всѣ мы по очереди и работали. Дядя предоставилъ мнѣ всѣ работы по фотографіи, а самъ лишь присутствовалъ при проявленіи пластинокъ въ темной комнатѣ. Я постарался сдѣлать на славу наши альбомы фотографическихъ снимковъ. Кромѣ того, я писалъ очень часто подъ диктовку дяди при перепискѣ записей изъ дорожной записной книжки.

Съ утра обыкновенно каждый изъ обитателей дома присаживался къ своему столу и занимался писаніемъ и вычерчиваніемъ. Кое-кто надолго записался въ „темной комнатѣ“, нѣкоторые трудились на дворѣ надъ обработкой шкурокъ животныхъ, убитыхъ на чучела. За обѣдомъ долго не засижи-

вались: всякій торопился продолжать прерванную работу. Что касается доктора, то онъ, рано утромъ, обошедши своихъ немногочисленныхъ больныхъ, уходилъ въ сопровожденіи одного изъ рабочихъ на экскурсію и возвращался лишь къ вечеру, нагру-

Игры рабочихъ.
(Съ фотографіи).

женный матеріаломъ для коллекцій. Зато вечеромъ время между чаемъ и ужиномъ посвящалось общей бесѣдѣ, дебатамъ по вопросамъ литературы и науки. Рабочіе передъ вечеромъ устраивали себѣ развлеченія на дворѣ нашего зимовья.

Не проходило дня, чтобы мы обѣдали безъ дичи.

Такъ какъ въ этотъ періодъ отдыха, подведенія итоговъ сдѣланному и приготовленій къ слѣдующей „операціи“ каждый изъ насъ могъ сравнительно свободно распредѣлять свое время, а дичи кругомъ было слишкомъ много, то обитатели зимовья ежедневно выходили съ ружьемъ на охоту.

— Знаете что, господа?—сказалъ однажды Сергѣй Аристарховичъ.—Не съѣздить ли намъ на охоту куда нибудь подальше?

— Куда-же?—спросилъ дядя.

— А вотъ хоть бы на ту сторону Олекмы. Тамъ, навѣрное, есть болота и озера. Пострѣляемъ утокъ, гусей,—а можетъ быть и еще кого-нибудь встрѣтимъ,—прибавилъ Сергѣй Аристарховичъ, подмигнувъ мнѣ.

Встрѣтить когда-нибудь медвѣдя,—это была завѣтная мечта каждаго изъ нашихъ охотниковъ, а я просто бредилъ этимъ. Надежда, однако, на такую встрѣчу была слаба: медвѣди рѣдко стекаются въ долины большихъ рѣкъ,—имъ нечѣмъ было бы здѣсь кормиться. Но случайно, конечно, медвѣдь могъ забрести и въ наши палестины. Одинъ разъ, въ серединѣ лѣта, рабочіе положительно увѣряли, что видѣли, какъ, верстахъ въ 5 повыше зимовья, медвѣдь переплывалъ черезъ рѣку.

Сказано—сдѣлано. Мнѣ съ Расторгуевымъ поручено было осмотрѣть и почистить ружья и снарядить патроны, а также запасти провизіи на цѣ-

лый день. Но охотниковъ набралось немного: я съ дядей, начальникъ да еще одинъ инженеръ. У каждаго изъ насъ было по двухствольному скорострѣльному ружью, да дядя и инженеръ захватили по большому револьверу—„на всякій случай“.

Дичи, которую настрѣляемъ, мы напередъ рѣшили на охотѣ не ѣсть: хотѣлось привести съ собою на зимовье какъ можно больше трофеевъ.

Изъ работниковъ мы взяли съ собою якута Тита. Это былъ довольно умѣлый парень; но онъ оказался ужаснѣйшимъ лѣнтяемъ.

Рано утромъ, не напившись даже чаю, мы успѣлись въ лодку, куда Титъ предварительно уложилъ всѣ наши припасы и посуду. Мы съ дядей, начальникъ и Титъ сѣли на весла, инженеръ взялся за руль.

Половодье еще не прошло, и намъ, гребцамъ, было не легко, пока мы догребли до противоположнаго берега Олекмы. Нечего и говорить, что насъ порядочно-таки снесло теченіемъ внизъ.

Но вотъ мы добрались до мѣстечка, гдѣ оказалось удобнымъ пристать.

Титъ наскоро вырубилъ и заострилъ порядочный коль, который и вбилъ на берегу. Къ этому колу мы крѣпко-на-крѣпко привязали свою лодку, вытащивши ее предварительно, насколько то оказалось намъ подъ силу, на берегъ носомъ.

Мы четверо тотчасъ же надѣли на себя пат-

ронташи и вскинули на плечи свои ружья. Титъ пошелъ за нами, захвативши что могъ, изъ провизіи и посуды. Мы рѣшили устроиться на берегу перваго же большого озера, куда Титъ и долженъ былъ постепенно перенести все, что нужно. Провизіи, конечно, съ нами было не Богъ вѣсть сколько; но у каждого изъ насъ была еще и одежда на случай дождя, непогоды и ночного холода. Захватить все разомъ Титъ не могъ.

Выбирая мѣсто для причала, мы руководились не только удобствомъ для прикрѣпленія лодки и выхода на берегъ. Намъ нужно было выйти въ такомъ мѣстѣ, гдѣ поскорѣе можно было бы добраться до озеръ и болотъ. А уже издали мы запримѣтили такое мѣсто. Здѣсь, насколько хваталъ глазъ, предстояло намъ итти верстъ 10, прежде чѣмъ мы стали бы подниматься на крутую часть берега обширной рѣки.

Мы тронулись въ путь. Мои спутники, конечно, не такъ ужъ интересовались охотою и потому разговоры шли больше о постороннихъ предметахъ. Но у меня сильно развилась въ Сибири страсть къ охотѣ, и потому я весь поглощенъ былъ мыслями о томъ, что меня ждетъ сегодня.

— Дядя, не пойти ли мнѣ впередъ? — не выдержалъ, наконецъ, я.

— Э, нѣтъ, братъ! Погоди... А вдругъ — медвѣдь? — разсмѣялся дядя.

Пришлось сдержать свой порывъ. Я очень хорошо зналъ, что дядя всѣми средствами старается развить во мнѣ стойкость характера и самостоятельность, и потому не могъ не понимать, что если онъ удерживаетъ меня, то имъ руководятъ въ данномъ случаѣ серіозныя соображенія.

Довольно скоро крупный прибрежный лѣсъ сталъ рѣдѣть и мельчать. Наконецъ, мы вышли на пространство, гдѣ, во всѣ стороны, насколько хваталъ глазъ, виднѣлись лишь одинаковаго роста тальники.

— Ну, Сережа, мы уже приближаемся къ цѣли,—сказалъ дядя.—Идя по этому тальнику, мы непременно дойдемъ до большого озера. Маршъ—впередъ! Если дойдемъ до озера, то навѣрное мы услышимъ твои выстрѣлы: тамъ несомнѣнно плещутся утки или гуси. Но—уговоръ: дается тебѣ 15 минутъ сроку: иди прямо на сѣверъ, и если черезъ 15 минутъ ты не увидишь ясно, что озеро близко,—свисни въ свой экспрессъ.

Дядя взглянулъ на свои часы и заставилъ меня также посмотреть на мои.

Я поправилъ патронташъ и, осторожно прибавляя шагъ, пустился впередъ, стараясь ежеминутно ориентироваться и держать неуклонно на сѣверъ. Ружье я снялъ съ плеча и держалъ его въ рукахъ: если озеро недалеко, какъ говоритъ дядя,—думалъ я,—то возможно, что гуси или утки, пере-

летая съ озера на рѣку, попадутся мнѣ подѣ выстрѣль.

Но никакихъ ни гусей, ни утокъ я не встрѣтилъ. Я шелъ, по временамъ останавливаясь и вслушиваясь, не кричатъ ли гдѣ-нибудь передо мною утки. Тайга молчала.

Я шелъ и шелъ, не забывая взглядывать на часы. Подходилъ назначенный мнѣ дядею срокъ,— а я не могъ по совѣсти сказать, что вижу признаки близости озера.

Прошло еще 3—4 минуты,—и я, наконецъ, ясно сталъ различать просвѣты между тальниками.

„— Слава Богу!—подумалъ я.—Не придется прибѣгать къ экспрессу...“.

Я бодрѣе двинулся впередъ. На часы взглядывать не было надобности.

Скоро почва подѣ ногами у меня начала дѣлаться кочковатою, а между кочками — влажною. Не было сомнѣнія, что я очень недалеко отъ озера.

Еще немного,—и до меня стали долетать крики утокъ. Тогда я началъ ступать осторожнѣе, направляясь на крикъ птицы, которую я не могъ еще видѣть.

Вотъ мелькаетъ передо мною водное пространство,—и мой привычный глазъ уже различаетъ на немъ движеніе и кувыркание утокъ.

Недолго думая, я становлюсь на колѣни и на-

чинаю ползти на четверенькахъ. Время отъ времени попадаются уже пріозерныя толстыя деревья. Тогда я осторожно вытягиваюсь за ними во весь ростъ и изъ-за нихъ стараюсь опредѣлить, по какому направленію мнѣ выгоднѣе ползти дальше. Важно выбрать болѣе удобный, т.-е. болѣе защищенный путь, намѣтить мѣста, съ которыхъ удачнѣе всего можно будетъ выстрѣлить, а изъ этихъ мѣстъ—такое, гдѣ подъ выстрѣлъ могло бы попасть наибольшее число утокъ.

Я, по обыкновенію, начинаю немного горячиться. Замѣчая это, я рѣшилъ поскорѣе сдѣлать выстрѣлъ, хотя и сознавалъ, что утки отъ меня дальше, чѣмъ на выстрѣлъ.

Подъ защитою камыша мнѣ удастся пустить зарядъ почти по самой поверхности воды. Грянулъ выстрѣлъ,—и въ утреннемъ свѣжѣмъ воздухѣ гулко раздался по окрестностямъ. Мгновенно разсѣялся дымъ, и, быстро поднявшись во весь ростъ, я увидѣлъ, что осталась на мѣстѣ одна утка, перевернувшаяся вверхъ ногами и безпомощно ими болтавшая въ воздухѣ, а другая, съ подстрѣленнымъ крыломъ, быстро направлялась вплавъ на западный берегъ озера.

Хорошо зная, что утка, убитая почти наповалъ, отъ меня никуда не уйдетъ, я кинулся встрѣчать ту, которая имѣла очевидное намѣреніе скрыться въ кочкахъ.

Въ это время до меня донеслось „ура!“ дяди и его спутниковъ. Скоро показались и они.

Я долго не могъ найти подпибленной утки. Дядя послалъ Тита мнѣ помочь.

— Бубаръ (вотъ она)!—крикнулъ наконецъ Титъ, приподымая за крыло первую жертву сегоднешней охоты.

Оставшюся на озерѣ утку (которая уже перестала двигать ногами) понемногу относилъ вѣтромъ къ тому же западному берегу озера. Мы на этомъ успокоились и рѣшили пока ее не трогать: когда ее перестанетъ относить къ берегу (за что-нибудь должна же она зацѣпиться), тогда придется, конечно, лѣзть за нею въ воду.

А кстати мы тутъ-же стали разводить огонь и приготовились напиться чаю и закусить.

Давненько намъ не приходилось устраиваться такъ,—съ тѣхъ поръ, какъ мы съ дядей возвратились изъ своего „кругосвѣтнаго“ путешествія. И съ нѣкоторымъ удовольствіемъ мы вспомнили старину.

Умѣлыми руками мы съ Титомъ быстро соорудили костеръ и подвѣсили посуду съ водою для чаю. Пока закипала вода,—а дядя настаивалъ, чтобы она хорошенько прокипѣла: „не ледъ, изъ котораго морозъ выгналъ всѣхъ бактерій, бациллъ и микробовъ, а вода, *болотная* вода“, — пока кипѣла вода, взрослые успѣли пропустить по рю-

мочкѣ—по другой коньяку, да и мнѣ дядя поднесъ полрюмки, послѣ чего мы стали закусывать. Когда мы подкрѣпились, чай уже былъ готовъ, и костеръ чуть тлѣлъ: поддерживать огонь не было надобности, такъ какъ и на угольяхъ чай не остынетъ.

Это обстоятельство помогло намъ и въ нашей охотѣ. Гори нашъ костеръ яркимъ пламенемъ и давай онъ много дыму, мы не видали бы того, что случилось. А случилось вотъ что.

Неожиданно, въ нѣсколькихъ десяткахъ сажень отъ насъ, на западѣ, вдругъ раздался крикъ гусей. Очевидно, они летѣли молча и крикнули только тогда, когда замѣтили насъ.

— Ружья!—шопотомъ приказалъ дядя.—Цѣлься вѣрнѣе,—стрѣляй за мною!

Всѣ мы, съ ружьями „на прицѣлъ“, повернулись въ ту сторону, куда направилъ свое ружье дядя.

— Не шевелись!—скомандовалъ дядя.

Въ это время гуси крикнули уже надъ нашими головами. Я на мгновенье пораженъ былъ недоумѣніемъ: почему дядя держитъ ружье въ направленіи, противоположномъ тому, въ которомъ, очевидно, слышался крикъ гусей. Но это было одно мгновенье. Черезъ секунду стадо гусей, штукъ въ 11—12, оказалось прямехонько противъ нашихъ ружей. Дядя чуть-чуть повернулъ ружье, мы—за нимъ; грянулъ выстрѣлъ дядинаго ружья, за нимъ—

почти одновременно три другихъ. Одинъ гусь шлепнулся на берегъ, какъ шапка, подкинутаая кверху, два другихъ—медленно, но тяжело спускались въ озеро...

— Не мѣняйте позы! — поторопился сказать дядя.—Взводите курки лѣвыхъ стволовъ...

И прежде чѣмъ мы успѣли сообразить, въ чемъ дѣло, гуси, давши небольшой кругъ, надъ озеромъ, опять очутились хвостами противъ нашихъ ружей. Еще четыре выстрѣла,—и опять одинъ гусь, убитый на повалъ, лежалъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ, а другой, съ подшибленнымъ крыломъ, дѣлалъ попытку направиться въ лѣсъ.

— Ловко, чертъ возьми!—захохоталъ начальникъ.

— Для начала—недурно,—громко подтвердилъ дядя и прибавилъ, слѣдя за полетомъ гусей:—ну, эти уже не возвратятся. Бѣги, Сережа,—ты помоложе насъ!—за тѣми двумя, а я подберу вотъ этого...

Я кинулся огигать озеро съ южной стороны, на ходу выбрасывая выстрѣленные патроны и вкладывая въ ружье новые.

Одинъ изъ подшибленныхъ первымъ залпомъ гусей оставался еще на озерѣ; но другой успѣлъ выскочить на восточный берегъ и перебирался между кочками къ сосѣднему озеру. Двумя послѣдовательными выстрѣлами я добилъ гусей и только

что собирался разуваться, чтобы добывать изъ воды того изъ нихъ, который остался на озерѣ, какъ замѣтилъ, что Титъ, понукаемый дядей, лѣнливою походкою направляется въ мою сторону.

— Сергѣй, погоди!—кричалъ мнѣ дядя.—Титъ подберетъ!

Я опять переснарядилъ ружье и медленно направился къ нашей стоянкѣ. Тутъ уже лежали три гуся. Черезъ 5 минутъ Титъ принесъ остальныхъ двухъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, недурно!—еще разъ проговорилъ дядя.—Меньше часу,—а у насъ пара утокъ и пять гусей. Если такъ будетъ итти дѣло и дальше, то до вечера у насъ будетъ двѣнадцатью—два—24 утки и двѣнадцатью—пять—60 гусей.... ха, ха, ха!.... Однако, господа, надо прочистить ружья.... Порохъ-то вѣдь у насъ неважный: навѣрное, копотитъ въ стволахъ не мало....

Дядя былъ правъ: хорошій петербургскій порохъ мы давно израсходовали и пользовались теперь довольно плохимъ изъ мѣстныхъ казенныхъ складовъ. И ружья пришлось основательно прочистить.

Только послѣ этого мы стали продолжать чаепитіе.

— Двинемся дальше,—предложилъ дядя, когда мы вдоволь напились чаю.—Перенесемъ свою стоянку вонъ туда, — дядя указалъ на сѣвер-

ный берегъ озера, — а оттуда будемъ совершать экскурси.

Отдавши необходимыя приказанія Титу, мы отправились вдоль западнаго берега озера, а когда его прошли, то раздѣлились: я пошелъ съ дядей дальше въ сѣверномъ направленіи, а инженеръ и начальникъ разошлись въ противоположныя стороны.

За нашимъ озеромъ начинался довольно рѣдкій лѣсъ. Не было никакой надежды встрѣтить здѣсь дичь. Мы шли съ дядей, безопасно разговаривая. Но вдругъ страшный шумъ испугалъ меня, и передъ моими глазами замелькали бѣлые платки. То была стая куропатокъ, которыя поднялись изъ-подъ самыхъ нашихъ ногъ. Я такъ и остановился съ разинутымъ ртомъ. Но дядя, опытный и находчивый охотникъ, не потерялся, мгновенно взялъ ружье на прицѣлъ и послалъ вѣлѣдъ улетѣвшей птицѣ два заряда: три куропатки свалились.

— Тетеря! — попенялъ мнѣ дядя. — Чего же ты стоишь, ротъ раскрывши?

— Да такъ неожиданно, дядя... бормоталъ я.

— Ну, отправляйся теперь за ними: онѣ недалеко садятся.

Я пошелъ въ томъ направленіи, куда перелетѣли куропатки. Дядя, подобравши убитую дичь и зарядивъ вновь свое ружье, медленно слѣдовалъ за мною.

Скоро я нашель куропатокъ, но онѣ не подпустили меня близко къ себѣ. Однако, я слышалъ, что онѣ сѣли опять недалеко отъ мѣста, откуда я ихъ спугнулъ. Я продолжалъ настойчиво преслѣдовать ихъ. Потерявъ надежду выстрѣлить навѣрняка, я далъ два выстрѣла издалека. Куропатки на этотъ разъ перелетѣли въ сосѣдній лѣсокъ и преслѣдовать ихъ было уже бесполезно. Я подошелъ къ дереву, на которомъ сидѣла птица, когда я по ней стрѣлялъ. Увы! ни одной куропатки не осталось.

— «Въ бѣлый свѣтъ, какъ въ копейку!»— проговорилъ дядя обычную остроту охотниковъ въ случаѣ промаха.

— Промахнулся!—сконфуженно сознался я.

— Не тужи, братъ! Не кавалеристъ тотъ, кто не падалъ съ лошади,—не охотникъ, кто не промахивался.

Мы двинулись дальше.

Скоро мы выбрались изъ рѣденькаго лѣса и опять вышли къ озеру. На этотъ разъ оно было не круглое, какъ первое, а узкое и длинное, всего въ 3—4 десятка сажень шириною.

— Ну, тутъ разговоръ иной,—сообразилъ дядя.—Ты, Сережа, отправляйся по одному берегу,—я пойду по противоположному. Будемъ стараться, въ случаѣ чего, подгонять дичь одинъ къ другому. Но, чуръ, уговоръ: другъ друга не подстрѣливать!

Видишь озеро узенькое: если ахнешь въ меня,—убить не убьешь, а глаза засыпать дробью можешь.

Мы разошлись.

Берегъ, по которому шелъ я, былъ болѣе высокъ, и на немъ встрѣчались деревья. Противоположный берегъ былъ низокъ и ровень. Первое же встрѣченное стадо утокъ, естественно, скорѣе замѣтило дядю и стало тихонько плыть вдоль озера передъ нимъ. Каждый изъ насъ сообразилъ, что нужно дѣлать. Дядя слѣдилъ за моими движеніями и старался гнать передъ собою утокъ такъ, чтобы дать мнѣ время обойти ихъ. Недалеко отъ меня былъ значительный бугоръ со сломанною вѣтромъ громадною лиственницею. Дядѣ не трудно было догодаться, что я укроюсь за этимъ деревомъ. Изогнувшись въ дугу, я бросился отъ берега и, очутившись подъ защитою бугра, выпрямился во весь ростъ. Тутъ, быстрыми шагами, но стараясь не производить шума, я направился къ берегу.

Все это, конечно, прекрасно замѣчалъ дядя. Но вотъ я вышелъ и изъ его поля зрѣнія. Ему остается лишь всматриваться въ бугоръ и ждать появленія тамъ моей фигуры.

Вотъ я уже на мѣстѣ. Между тѣмъ, дядя все ждетъ и не гонитъ впередъ утокъ. Я готовъ потерять терпѣніе. Наконецъ, замѣчаю, что дядя нерѣшительно начинаетъ издали производить нѣкоторыя

Охота на утокъ.

движенія. Очевидно онъ меня не видитъ, но рассчиталь, что я долженъ быть уже въ своей засадѣ.

Дядя былъ настолько далеко отъ утокъ, что его движенія ихъ не пугали, и онѣ ограничивались лишь тѣмъ, что, не снимаясь съ мѣста, старались отплывать отъ него. Дядя умѣло пользовался этимъ: то приближаясь къ берегу, то отходя отъ него, онъ направлялъ утокъ въ ту именно сторону, гдѣ я сидѣлъ въ засадѣ.

Вотъ утки довольно близко отъ меня. Но все же еще внѣ выстрѣла!

Я прекрасно знаю, что утки очень осторожны. Слѣдя за движеніями дяди и стараясь отъ него уплыть, онѣ не упускаютъ и того, что дѣлается въ томъ мѣстѣ, куда онѣ плывутъ. Я знаю это,—и потому, хотя и очень соблазнительно было бы переползти овражкомъ вонъ въ тѣ камыши и очутиться всего въ 20 саженьяхъ отъ утокъ, но я проявляю выдержку охотника и—не шелохнусь!

Наконецъ, дядѣ удалось добиться того, къ чему онъ стремился: утки отъ меня въ 20—25 саженьяхъ. Я рѣшаюсь выстрѣлить.

Увы! растревоженныя птицы давно уже перестали плыть густой массой, и послѣ моего выстрѣла на мѣстѣ остался одинъ лишь тотъ крупный селезень, въ котораго я цѣлилъ.

Стадо быстро снялось. Обойденное съ двухъ сторонъ, оно пустилось вдоль озера. Не успѣлъ я подняться, какъ раздались, одинъ за другимъ, два выстрѣла.

Утки прибавили лета, но ни одна изъ нихъ не пострадала.

Я взглянулъ въ сторону дяди. Онъ спокойно вкладывалъ въ ружье свѣжіе патроны на мѣсто выстрѣленныхъ.

— На всякій случай.... пустилъ имъ вслѣдъ два заряда,—кричалъ онъ мнѣ.

Озеро оказалось чрезвычайно глубокимъ, и не безъ труда удалось мнѣ добыть изъ воды убитого селезня. Подобравши добычу, мы двинулись, дальше.

Уже было около полудня, когда мы съ дядей (онъ подстрѣлилъ потомъ еще трехъ утокъ, а кромѣ того, и онъ, и я, мы дали по нѣскольку промаховъ) рѣшили возвратиться къ нашей стоянкѣ. Въ узкомъ и неглубокомъ мѣстѣ озера дядя перешелъ на мою сторону, такъ какъ не видно было и конца озеру, и мы, весело разговаривая, въ $1\frac{1}{2}$ часа добрались до стоянки.

Почти одновременно съ нами подошелъ и начальникъ, а инженера мы уже застали на мѣстѣ. Оказалось, что ихъ охота была менѣе удачна: у начальника въ элегантной сумкѣ болталась одна утка, инженеръ принесъ пару чирковъ.

Ко времени нашего прихода у Тита уже сварился супъ. Намъ осталось положить въ него за-сыпку, да разогрѣть котлеты,—и нашъ скромный обѣдъ былъ готовъ.

Всѣ проголодались и ѣли съ большимъ аппетитомъ. Послѣ обѣда мы не торопились уходить, мирно попивая чаекъ. Но тутъ случилось повтореніе въ миниатюрѣ утренней исторіи. Привычный слухъ Тита уловилъ крикъ лебедя, несущагося на насъ,—на этотъ разъ съ сѣверо-востока на юго-западъ. Всѣ схватились за ружья.

Лебедь оказался одинъ. Притомъ лежавшее передъ нами озеро могло быть привлекательно для гусей, но не для лебедей. Поэтому, одинокій лебедь пролеталъ высоко надъ нашими головами.

— Не достанешь!—съ досадою проговорилъ дядя.—Но.... на всякій случай....

Онъ быстро приложился и выстрѣлилъ. Къ удивленію, лебедь перевернулся въ воздухѣ, но моментально оправился и продолжалъ летѣть дальше.

Однако, уже будучи далеко отъ насъ, онъ сталъ спускаться книзу.

— Дядя, я пойду добыю его!—вскрикнулъ я.

— Куда! куда!—разсмѣялся дядя.—Да, вѣдь, если онъ и упадетъ, такъ не ближе, какъ верстахъ въ 3 отъ насъ. Гдѣ же тебѣ его искать по

тайгѣ? — И мы тебя потомъ, пожалуй, не отыщемъ, а ужъ что ты не выберешься, такъ это вѣрно...

Всѣ скоро успокоились и принялись прочищать свои ружья. Было жарко и никто не торопился уходить со стоянки. И не потому только, что утомительно ходить въ жару: утки и гуси сами въ жаркое время дня скрываются въ высокихъ камышахъ и въ тѣни между кочками, и поднять ихъ могла бы лишь собака, а собакъ съ нами, по сибирскому обычаю, не было.

Часовъ съ 3 пополудни началось движеніе утокъ. Не успѣли мы разойтись съ мѣста стоянки, какъ, съ шумомъ покругившись надъ озеромъ, сѣло на воду штукъ 5 — 6 «гоголей», — какъ разъ противъ того мѣста, гдѣ мы утромъ пили чай.

— Сережа, опять твой чередъ! — сказалъ мнѣ дядя.

Я взялъ ружье и углубился въ лѣсъ, — въ направленіи, противоположномъ тому, гдѣ полоскались гоголи. Когда я убѣдился, что утки потеряли меня изъ виду, я сталъ густымъ лѣсомъ, далеко отъ берега, обходить озеро въ сѣверо-западномъ направленіи и тогда, подъ защитой высокихъ камышей, началъ приближаться къ мѣсту, гдѣ разсчитывалъ найти утокъ.

Конечно, за время моего продолжительнаго

«обходнаго движенія» утки успѣли не разъ перемѣнить мѣсто, и мнѣ пришлось довольно долго маневрировать, чтобы выбрать удобный для себя пунктъ.

Я прилегъ за камышами, приложился и сталъ выжидать, чтобы утки «спарились», т.-е. большая ихъ часть стала на одну линію противъ моего ружья. Выбравъ подходящій моментъ, я спустилъ курокъ. Какъ и въ первый разъ, одна утка моментально перевернулась вверхъ ногами, другая осталась совершенно неподвижною, какъ будто ничего не произошло, но черезъ нѣсколько секундъ медленно начала склонять голову къ водѣ прямо передъ собою и, наконецъ, осталась недвижимою; остальные же утки быстро снялись. Но изъ снявшихся одна направилась, нервно работая крыльями, прямо къ нашей стоянкѣ, въ то время какъ другія давали кругъ по озеру и, очутившись надъ берегомъ, моментально свалилась, какъ будто ее только теперь кто нибудь подстрѣлилъ. Но никто, кромѣ меня, не стрѣлялъ, и я могъ быть увѣренъ, что она убита мною: и раньше мнѣ случалось видѣть, какъ смертельно раненая птица пролетала нѣсколько саженой или даже десятка полтора саженой и затѣмъ мертвою падала внизъ.

Я не мѣнялъ позы, и когда дававшія кругъ надъ озеромъ утки пролетѣли мимо меня, то выстрѣлилъ въ нихъ изъ другого ствола въ летъ.

Но въ лежачемъ положеніи неудобно стрѣлять въ летящую птицу, и я промахнулся.

Хотя надежды на то, что тѣ же утки сядутъ опять противъ меня, почти не было, но я рѣшилъ нѣсколько минутъ пролежать въ своей засадѣ. Пока я лежалъ, приходила въ голову всякая мысль, всяческія воспоминанія. Я, между прочимъ, думалъ, что можно было бы выдумать такой «охотничій» рассказъ,—т.-е. рассказъ о происшествіи на охотѣ, явно недостовѣрномъ, которымъ любятъ хвастаться охотники: выстрѣлилъ, моль, утка упала въ воду и—утонула....

Пролежавши минутъ съ 10, я поднялся. Оказалось, что мои спутники уже разбрелись. Ушелъ и дядя, разсчитывая, конечно, что я буду благоразуменъ и далеко отъ стоянки не уйду.

Я, не торопясь, раздѣлся и добылъ изъ воды двухъ убитыхъ мною утокъ (упавшую у нашего становища подобралъ, я замѣтилъ, Титъ). Послѣ этого я рѣшилъ обойти озеро съ южной стороны, чтобы выйти на сосѣднее, куда утромъ пытался перебраться пѣшкомъ подстрѣленный нами гусь.

Озеро, къ которому я подходилъ, было такого же характера, какъ и то, на которомъ мы охотились съ дядей утромъ, длинное и узкое, но гораздо меньшихъ размѣровъ. Насколько можно судить, оно должно было быть очень глубоко.

Въ ту самую минуту, когда я подходилъ къ этому озеру, надъ нимъ пролетали утки,—штукъ 5—6. Я быстро приложился, проводилъ ихъ ружьемъ и выстрѣлилъ, когда онѣ уже отлетали отъ меня. Одна утка перекувыркнулась и, безпорядочно вертясь въ воздухѣ, полетѣла внизъ. Глазъ у меня уже наметался, и я видѣлъ ясно, что утка убита на-поваль....

Но—что это?—Утка шлепнулась на воду и, вмѣсто того, чтобы остаться на поверхности, исчезла въ глубинѣ озера.

Я не вѣрилъ своимъ глазамъ. Но, на всякій случай, взвелъ курокъ лѣваго ствола и напряженно всматривался, не покажется ли откуда-нибудь моя утка. Я обошелъ весь берегъ, сталъ бросать камни и сучья на противоположный берегъ, считывая выгнать утку, если она прячется гдѣ-нибудь въ камышахъ. Но все было тщетно.

Я былъ сконфуженъ: случилось именно то, что я отнесъ мысленно на счетъ «охотничьихъ» разсказовъ.

Смущенный, я позвалъ Тита.

— Помоги мнѣ отыскать утку,—просилъ я его, и разсказалъ, въ чемъ дѣло.

Титъ внимательно выслушалъ меня и тщательно осмотрѣлъ озеро.

— Тойонъ (господинъ), мы не отыщемъ твоей

утки. Это озеро называется Сордонгнохъ (щуцѣе), здѣсь навѣрное много щукъ. И когда твоя утка упала въ воду, то ее увлекли щуки на дно....

Побродивши еще немного, я возвратился на стоянку. Скоро стали подходить и всѣ остальные члены нашей охоты. Начались рассказы. Исторія съ моей уткой произвела большое впечатлѣніе, но вообще добыча наша оказалась не особенно велика, а перемѣнять мѣсто стоянки было уже поздно. Поэтому, по предложенію начальника, мы рѣшили еще разъ слегка закусить и напиться чаю, а затѣмъ отправиться домой.

Такъ и сдѣлали.

На этотъ разъ мы уже не имѣли надобности готовиться къ охотѣ, а потому распустили перевязи у своихъ ружей и надѣли послѣднія черезъ плечо, чтобы освободить обѣ свои руки. Каждый изъ насъ нагрузился, елико возможно, и черезъ $1\frac{1}{2}$ часа мы усаживались уже въ свою лодку, оставленную на берегу Олекмы.

Не безъ усилій добрались мы до зимовья. Наша добыча, 5 гусей и десятка 2 утокъ, поступили въ распоряженіе Бѣлича, который еще въ тотъ же вечеръ устроилъ изъ нея для насъ знатный ужинъ. 10 утокъ и пару гусей, съ общаго согласія участниковъ охоты, дядя приказалъ передать на кухню рабочимъ.

IV.

Между тѣмъ, всѣ думы наши были обращены на будущее. Какъ и гдѣ проведемъ мы слѣдующую зиму? Были уже посланы въ Петербургъ представленія, и отъ главныхъ руководителей дѣла мы со дня на день ждали распоряженій. Но собраніе свѣдѣній не прекращалось: во всякомъ случаѣ намъ предстояло еще выше подняться по р. Олехмѣ и основать новое зимовье—базисъ операцій слѣдующаго года.

Задача была не изъ легкихъ. Наша рѣка на всемъ своемъ протяженіи не была свободна отъ подводныхъ камней, мѣстами переходившихъ въ шивера ¹⁾ и пороги, — а, между тѣмъ, бывшіе въ распоряженіи экспедиціи пароходы заставляли производить на нихъ всю перевозку грузовъ лѣтомъ.

Само собою разумѣется, что чѣмъ выше подвигались мы по рѣкѣ, тѣмъ чувствительнѣе для насъ становилось присутствіе пороговъ. Въ случаяхъ большой убыли воды, даже до нашего перваго зимовья пароходы добрались бы не безъ затрудненій. На порогахъ лоцманы должны были держать ухо востро, и нерѣдко командующіе пароходами не отхо-

---

¹⁾ Мелкое мѣсто во всю ширину рѣки.

дили отъ штурвала и телеграфа въ машинное отдѣленіе. Былъ даже случай прошлымъ лѣтомъ, когда вслѣдствіе недостаточнаго давленія пара въ котлѣ, одинъ изъ пароходовъ отбросило на каменья, въ трюмѣ показалась вода, и только сама стихія, кинувши пароходъ къ другому берегу, спасла команду отъ бѣды. Но теперь на пространствѣ отъ устья до зимовья фарватеръ былъ изученъ лоцманами въ совершенствѣ, капризы силы теченія также, и потому всего одинъ разъ пароходъ поцѣловался носомъ съ подводнымъ камнемъ, да и то случилось это во время исключительной убыли воды.

Что дѣлается на рѣкѣ выше зимовья, — объ этомъ мы знали только по отрывочнымъ рассказамъ тонгусовъ. Эти господа, какъ мы въ томъ убѣдились много разъ, не въ состояніи были оцѣнивать явленія и факты съ точки зрѣнія европейскихъ условій передвиженія. Вопросъ о томъ, можно ли намъ пройти или нельзя, оказывался большею частью для тонгуса неразрѣшимымъ, — лучше сказать: никогда не разрѣшался правильно. Съ извѣстной точки зрѣнія для тонгуса не существуетъ невозможности передвиженія, — до такой степени онъ приспособился къ условіямъ мѣстности. Но, съ другой, онъ не зналъ, какимъ условіямъ должна удовлетворять мѣстность, чтобы по ней можно было пройти съ вьючными лошадьми, съ конными санями, и т. п., — способы передвиженія, неизвѣстные тон-

гусамъ. Наконецъ, съ третьей стороны, онъ не могъ себѣ реально представить, что можетъ сдѣлать для улучшенія пути европеецъ, вооруженный американскими топорами, другими усовершенствованными инструментами и знаніемъ.

Разспрашивая тонгусовъ о фарватерѣ рѣки выше зимовья, мы должны были убѣдиться еще разъ, что на ихъ показаніяхъ нельзя строить никакихъ выводовъ. Сила нашихъ пароходныхъ машинъ была непостижима для тонгусовъ; они не знали, насколько быстро можетъ измѣнить пароходъ направленіе своего движенія, не могли соразмѣрить длины парохода съ шириною рѣки и т. д.

Тѣмъ не менѣе былъ нанятъ въ помощники нашему лоцману бывалый тонгусъ. Передъ нимъ на столѣ былъ разложенъ листъ ватманской бумаги, и онъ на немъ начертилъ толщеннымъ карандашомъ главное русло рѣки, а затѣмъ сталъ наносить притоки, пороги, камни. Собралась вокругъ вся „экспедиція“ съ начальникомъ во главѣ, дядя служилъ переводчикомъ. Каждый требовалъ отъ тонгуса то того, то другого поясненія. Дядя со словъ тонгуса надписывалъ названіе притоковъ, ихъ протяженіе, разстояніе между ихъ устьями по главной рѣкѣ, отмѣчалъ пороги, камни, покосы, ключи и т. д. Ассистентами при нашемъ тонгусъ-лоцманѣ состояли другіе тонгусы, погонщики нашихъ оленей.

Картина была довольно оригинальная: въ нашей лучшей комнатѣ, на почетномъ мѣстѣ сидить тонгусъ, окруженный нѣсколькими другими такими же тонгусами, и у всѣхъ у нихъ по карандашу въ закорузлыхъ рукахъ,—а мы почтительно окружаемъ нашихъ учителей географіи, ставя осторожно свои вопросы, чтобы не сбить тонгусишку, дать ему возможность изобразить, какъ дѣло обстоитъ въ дѣйствительности, — не создавать, словомъ, „обстоятельствъ“, къ которымъ тонгусы могли бы примѣнять свои показанія. Временами возбуждались пренія между учеными географами, причемъ они переходили съ якутскаго языка на тонгусскій, и тогда дядя понималъ ихъ столько же, сколько и другіе окружающіе. Поэтому, дядя немедленно же вмѣшивался въ разговоръ и тѣмъ заставлялъ ихъ продолжать бесѣду на якутскомъ языкѣ.

Это было задолго до прихода нашихъ парходовъ (они зимовали—„отстаивались“, какъ говорятъ на р. Ленѣ—далеко отъ нашего зимовья). Между тѣмъ, внизъ по рѣкѣ началось уже обычное лѣтнее движеніе тонгусовъ съ вершинъ тысячи рѣчекъ къ городу, на ярмарку. Тутъ они запасаются на будущую зиму пороховъ, свинцомъ, мукой, чаемъ, сахаромъ, ситцемъ и др. матеріалами, чтобы осенью опять двинуться къ верховьямъ рѣчекъ, гдѣ занимаются звѣринымъ промысломъ зимою. Запасшись въ теченіе зимы пушниною, весною они

по прошлогоднему спускаются внизъ по рѣкѣ къ городу за новыми запасами продуктовъ своего потребленія въ обмѣнъ на добытую пушнину. Въ этомъ-то и заключаются главныя перекочевки тунгусовъ: зимою—на вершинахъ рѣчекъ, весною—внизъ по рѣкѣ, лѣтомъ—рыболовство на большихъ рѣкахъ, осенью—движеніе вверхъ по рѣкѣ.

У каждаго тонгуса есть въ городѣ или около города свой „атасъ“—пріятель, у котораго тонгусъ состоитъ обыкновенно въ неоплатномъ долгу: атасу сдаетъ тонгусъ свою пушнину за прежній долгъ и у него же беретъ снова въ долгъ все, что ему нужно.

Что касается зимы, то тонгусъ также не ночуетъ больше двухъ ночей подъ рядъ въ одной юртѣ (за исключеніемъ самаго холоднаго времени, дней 40—50 въ году; да и къ этому исключенію прибѣгаютъ только тонгусы, у которыхъ грудныя дѣти); но эти перекочевки всегда ограничиваются вершиною одной или двухъ-трехъ рѣчекъ. Обыкновенно, нѣсколько лѣтъ подъ рядъ тонгусская семья по зимамъ кочуетъ на однѣхъ и тѣхъ же рѣчкахъ и избираетъ мѣстомъ своихъ зимнихъ кочевокъ вершины другихъ рѣчекъ только подъ давленіемъ какихъ-нибудь важныхъ обстоятельствъ: оскудѣнія промысла, падежа оленей и т. п.

Передвиженія свои тонгусы совершаютъ медленно. Весною, внизъ по рѣкѣ, они ѣдутъ на лод-

кахъ, отдавшись теченію, рѣдко на веслахъ. Осенью, вверхъ по рѣкѣ, они тянутся лямкою. Но обычный недостатокъ пищи весною (за зиму все подобралось) и экономическія соображенія заставляютъ тонгусовъ весною и лѣтомъ подолгу останавливаться въ устьяхъ большихъ притоковъ рѣки для рыбной ловли. Во всякомъ случаѣ, имъ необходимо самую раннюю весною перебраться на большую рѣку,—иначе, когда все подтааетъ и побѣжитъ вода, имъ не выйти съ вершинъ мелкихъ рѣчекъ къ большой рѣкѣ. Поэтому-то къ намъ на зимовье стали подходить тонгусскія семьи, по пути въ городъ, еще тогда, когда наши пароходы не успѣли прійти снизу. Этими посѣщеніями, по мысли начальника экспедиціи, мы начали пользоваться для пополненія нашихъ свѣдѣній о верховьяхъ рѣки, по которой мы должны будемъ подыматься на нашихъ пароходахъ.

Несмотря на всю сбивчивость полученныхъ такими путями свѣдѣній, мы узнали очень интересныя вещи.

Оказалось, что нѣсколько лѣтъ назадъ какой-то пароходъ пытался подняться по рѣкѣ, но въ 40 верстахъ выше нашего зимовья, на первомъ же порогѣ, изломалъ колесо и долженъ былъ возвратиться вспять. Еще дальше есть мѣсто, гдѣ вода скатывается, замѣтно на глазъ, къ одному берегу и бьетъ прямо на отмель изъ крупной гальки. Въ

другомъ мѣстѣ теченіе такъ сильно, что лодка несется тамъ быстрѣ полета птицы, причемъ лодку бьетъ то въ одинъ берегъ, то въ другой; вверхъ по теченію ни на какихъ лодкахъ никакими средствами подняться нельзя. Наконецъ, въ нѣкоторомъ мѣстѣ есть порогъ, называемый „Манган-ат“, т.-е. „бѣлый конь“: здѣсь вода разбивается о подводные камни съ такою силою, что образующаяся пѣна высоко подымается надъ поверхностью рѣки и страшно бурлитъ, напоминая бѣлыхъ коней, вставшихъ на дыбы...

Все это, конечно, способно было внушить нѣкоторую долю страха, но не снимало обязанности—йти вверхъ на пароходахъ и опытомъ установить возможность или невозможность прохожденія на всѣхъ этихъ „манган-ат“-ахъ.

Долго ждали мы на зимовьѣ нашихъ пароходовъ: они запоздали. Все чаще и чаще собирались въ свободное время служащіе и рабочіе на площадкѣ у берега, откуда можно было бы разглядѣть дымъ пароходной трубы, если бы за извилинами рѣки самаго парохода видѣть было нельзя, и онъ не давалъ бы знать о своемъ приближеніи свисткомъ.

Въ одинъ вечеръ, когда быстро и неравномѣрно по рѣкѣ понизившаяся температура вызвала мѣстами поднятіе клубовъ тумана отъ воды, мы привняли одинъ изъ столбовъ пара за дымъ пароходной

трубы. На наше несчастье, вѣтеръ гналъ туманъ какъ разъ вверхъ по рѣкѣ, и мы приняли это за несомнѣнный признакъ того, что пароходъ, а не что иное, приближается къ зимовью. Вѣсть объ этомъ быстро разнеслась по зимовью, всѣ побросали свою работу, ѣду, схватились за ружья, чтобы салютовать пароходъ... Увы! прождавши полчаса, мы должны были убѣдиться, что ошиблись. Подобныя ошибки повторялись неоднократно.

Наконецъ, въ одинъ несомнѣнно прекрасный для насъ вечеръ совершенно явственно донесся до нашего слуха свистокъ парохода. Поднялась невообразимая суматоха. Всѣ поздравляли другъ друга, обращались съ вопросами, не ошиблись ли, передавали надежды, связанные для каждаго съ приходомъ парохода, и т. д. Еще свистокъ, и теперь уже никто не сомнѣвался, что это пароходъ. Наконецъ, за мысомъ раздался первый салютъ пароходу: стрѣляли тонгусы, остановившіеся тамъ, а пароходъ отвѣчалъ имъ радостными свистками. Вотъ и самъ пароходъ, въ видѣ тонкой и длинной полоски на водѣ, потянулся изъ-за мыса, выпуская клубы дыма, но тотчасъ же, сдѣлавши поворотъ, превратился въ точку. Раздался залпъ изъ ружей—первый салютъ зимовья. Пароходъ отвѣтилъ долгимъ, долгимъ радостнымъ свисткомъ. Затѣмъ стрѣлялъ каждый, кто только успѣвалъ зарядить ружье или револьверъ, и на каждый выстрѣлъ пароходъ

отзывался свисткомъ... Бинокли переходили изъ рукъ въ руки. Можно уже различать, что пароходъ на славу подчищенъ, команда въ новенькой, съ иголки, формѣ. Пароходъ свиститъ „входъ въ гавань“. Мы слышимъ команду лоцмана „мѣрить глубину футштоками“ и звонокъ телеграфа; лоцманъ даетъ знать машинисту—уменьшить ходъ. Машина заработала медленнѣе, лоцманъ высматриваетъ мѣсто, гдѣ бы причалить, прислушиваясь къ выкрикамъ матросовъ о глубинѣ. Опять звонокъ телеграфа, машина еле шевелитъ колесо.

Наконецъ „стопъ“, а потомъ „задній малый“, опять „стопъ“, и команда „отдай якорь“.

— Есть, отвѣтили на носу,—и загремѣла якорная цѣпь.

Отдали причалы, наши рабочіе ихъ приняли и „рачатъ“ за береговые камни. Спустили трапъ, по которому входитъ на пароходъ Сергѣй Аристарховичъ, а за нимъ и мы. Матросы вытягиваются и отдають начальству честь по военному, прикладывая правую руку къ фуражкѣ.

Ночью пароходъ выгрузился, оставивши въ трюмахъ пудовъ до 200 овса вмѣсто балласта. А на утро перебрались на пароходъ горный инженеръ Владиміръ Михайловичъ, Дмитрій Матвѣевичъ со своею походною аптекою и мы съ дядей. Командовать пароходомъ было поручено дядѣ.

Признаюсь, я позавидовалъ дядѣ. Онъ—коман-

диръ парохода, его приказаній обязаны будутъ слушаться всѣ, начиная съ матроса и кончая горнымъ инженеромъ, онъ по своему желанію можетъ останавливаться или итти, приставать тутъ или тамъ, вводить тѣ или другіе порядки, давать малый, большой или средній ходъ—словомъ: дѣлать, что хочетъ. И меня очень интересовало, какъ будетъ себя чувствовать и держать дядя, будучи облеченъ такими правами.

Въ 9 часовъ утра снялись съ якоря.

Первый „перекать“ былъ верстахъ въ 40 выше зимовья. Это было то мѣсто, гдѣ, по описанію тонгусовъ, вода скатывается на одинъ берегъ.

Еще версты за три до этого мѣста навстрѣчу пароходу показалась пѣна, теченіе становилось съ каждымъ пройденнымъ шагомъ стремительнѣе, а подъ конецъ вода, несмотря на тихую погоду, была покрыта значительною зыбью. Пароходъ подвигался впередъ все медленнѣе и медленнѣе. Налѣво, т.-е. у праваго берега рѣки, были шивера, направо—большая отмель. Въ одномъ мѣстѣ фарватеръ становился чрезвычайно узкимъ, и тамъ необходимо было круто повернуть налѣво, въ обходъ шиверовъ, стараясь какъ можно скорѣе отойти подалеже отъ мели. Все это сразу же сообразилъ нашъ опытный лопманъ, почти не пользуясь указаніями тонгуса, который, впрочемъ, все-таки без-

отлучно былъ у штурвала; тутъ же находился, конечно, и дядя.

Въ аппаратъ былъ пущенъ весь паръ. Поэтому, замѣтивши, что пароходъ подвигается впередъ слишкомъ медленно, лоцманъ предложилъ поднять паръ въ котлѣ. Дядя согласился и крикнулъ кочегару чрезъ говорную трубу, чтобы лучше шуровали. Когда паръ поднялся въ котлѣ до 105 фунтовъ давленія, дядя приказалъ закрыть поддувало. Тѣмъ временемъ пароходъ вступилъ въ самую узкую часть фарватера. Шивера были сравнительно далеко; но мы шли почти у самой отмели. Все искусство лоцмана заключалось въ томъ, чтобы не поставить парохода бортомъ противъ теченія: тогда насъ неминуемо отбросило бы на косу. Былъ даже моментъ, когда это едва не случилось. Но вниманіе всѣхъ было крайне напряжено.

— Стоповать надо, Николай Алексѣевичъ, проговорилъ лоцманъ.

Дядя не выпускалъ изъ рукъ рычага отъ телеграфа и, машинально отвѣтивши: „есть!“—нажалъ ручку. Раздалось три рѣзкихъ удара звонка, слышно было, какъ звякнула „перекидка“ и машина перестала работать. Въ мгновеніе ока лоцманъ заработалъ штурваломъ и выправилъ пароходъ, а дядя быстрымъ движеніемъ опять нажалъ рычагъ телеграфа, и стрѣлка его показала машинисту „полный ходъ впередъ“.

Съ невообразимымъ шумомъ и ревомъ разшибались всплывшіяся волны о грудь парохода. Оглядываясь кругомъ, я увидѣлъ, что дѣйствительно съ шиверовъ вода буквально скатывалась на отмель: это было замѣтно на глазъ. Теченіе было такъ сильно, что пароходъ еле-еле подвигался впередъ. Но дядя не рѣшался подымать пары въ котлѣ выше 105 фунтовъ давленія. Напряженно всматривались мы въ деревья на берегахъ, стараясь опредѣлить, какъ быстро мы подвигаемся. Только минутъ черезъ 10 стало замѣтно, что ходъ нашъ увеличивается. Всѣ облегченно вздохнули. Но все-таки мы двигались черепашимъ шагомъ. Прошло еще минутъ десять—и только тогда можно было безъ риска спустить давленіе въ котлѣ фунтовъ до 90.

Такимъ образомъ, мы благополучно прошли тотъ порогъ, на которомъ нашъ предшественникъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ потерпѣлъ аварію и который оказался тогда непроходимымъ.

Прошли мы также еще два порога,—прошли почти незамѣтно, благодаря обилію воды въ рѣкѣ. Наконецъ, на третій день, часамъ къ 3 дня, мы стали подходить къ знаменитымъ „бѣлымъ конямъ“.

Плѣну мы начали встрѣчать верстахъ въ 4—5 отъ порога,—какъ опредѣлилъ разстояніе нашъ тонгусь-лоцманъ. Точно также зыбь, переходящая въ волненіе, показалаь раньше и была значитель-

нѣе. Парь въ котлѣ держали на 100 фунтахъ. Съ каждымъ шагомъ впередъ волны все сильнѣе и сильнѣе хлестали о бортъ парохода, нерѣдко разбиваясь вдребезги и обдавая матросовъ водяною пылью. Шумъ все усиливался. Начинало темнѣть. Всѣ мы напряженно слѣдили за скоростью движенія парохода, вглядываясь въ деревья по берегамъ рѣки. Намъ пришлось убѣдиться, что съ каждою минутою движеніе это дѣлалось медленнѣе.

Мы шли, лавируя между подводными камнями. Налѣво у насъ былъ рядъ шиверовъ, направо — отмель, какъ на первомъ порогѣ. Фарватеръ сдѣлался чрезвычайно узкимъ. Но въ то время, какъ на первомъ порогѣ, пройдя перекасть подобнаго же характера, пароходъ выходилъ на „плесъ“, т.-е. на широкой фарватеръ съ слабымъ теченіемъ, здѣсь, далеко вперед, виднѣлись „бѣлые кони“... Въ бинокль можно было разглядѣть въ нѣсколькихъ мѣстахъ клубы пѣны, которые то опускаются вдругъ низко надъ водой, то стремительно вздымаются кверху, кипятъ ключомъ, медленно опускаясь и затѣмъ немного подымаясь. Оттуда шла ключьями пѣна, крутясь и сверкая отблескомъ заката.

Мракъ вокругъ насъ сгущался. Ревъ стихіи не давалъ намъ слышать голоса окружающихъ. Чтобы отдать приказаніе матросамъ, стоявшимъ на палубѣ, дядѣ приходилось надрывать грудь отъ крика. Волны неистово хлестали о борты, перекачивались

черезъ палубу нашего низко сидящаго въ водѣ парохода. Всѣ сдѣлались серіозны и сосредоточены. Мы уже съ трудомъ различали предметы на берегу. Тѣмъ не менѣе ясно было, что мы если и не полземъ назадъ, то не идемъ впередъ.

— Сколько пару? крикнулъ дядя кочегару.

— 105 фунтовъ! заоралъ тотъ, взглянувъ на монометръ.

— Что дѣлать? посоветовался дядя съ Владиміромъ Михайловичемъ.

— Надо возвратиться, Николай Алексѣевичъ,— я такъ думаю.

Тутъ вмѣшался лоцманъ.

— Не могу, ваше высокородіе, сказалъ онъ,— Узко... Пароходъ нельзя повернуть. Да если и повернешь, то можетъ захлестнуть: сильно бьетъ теченіе-то.

— Да какой же смыслъ итти впередъ? замѣтилъ Владиміръ Михайловичъ.— Вѣдь если при такой большой водѣ съ трудомъ подвигаемся, такъ при меньшей ужъ ни за что не подняться.

Дядя помолчалъ.

— Знаете что, Владиміръ Михайловичъ? сказалъ онъ немного погодя.— Согласенъ, что здѣсь вообще пароходы ходить не могутъ. Но вмѣсто того, чтобы пятиться назадъ съ рискомъ наскочить на камень, не лучше ли хотя только на этотъ разъ все-таки

подняться? На плесѣ, за „Бѣлыми конями“, мы повернемъ пароходъ и спустимся носомъ впередъ.

Поговорили на эту тему: Владиміръ Михайловичъ настаивалъ на своемъ мнѣніи.

Все это произошло въ минуту: всѣ говорили отрывочными фразами, не переставая напряженно наблюдать и за ходомъ парохода, и за стихіей.

Дядя, пользуясь своимъ правомъ командира парохода, рѣшилъ по своему и крикнулъ въ говорную трубу:

— Открыть сифонъ! Шуровать во всю!

Зашипѣлъ сифонъ, раздался лязгъ желѣзной шуровки о дверцы топки, изъ трубы повалилъ густой дымъ и снопъ искръ.

Черезъ нѣсколько минутъ усилившаяся, благодаря работѣ сифона, тяга подняла жаръ въ топкѣ, повысилось давленіе въ котлѣ, и машина заработала быстрее, заставляя пуще прежняго вздрагивать нашъ пароходъ подъ двойнымъ вліяніемъ увеличившагося прибоя волнъ и болѣе энергичнаго движенія колеса. Пароходъ двинулся впередъ.

— Сколько пару? ежеминутно освѣдомлялся дядя у кочегара.

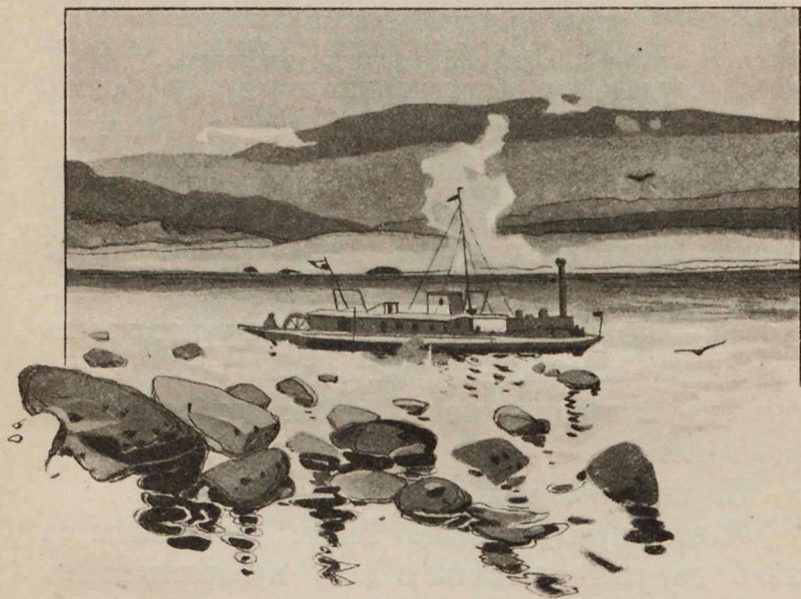
— 110!.. 115!.. 120!.. выкрикивалъ тотъ.

Наконецъ онъ самъ подбѣжалъ къ мостику и заоралъ, стараясь перекричать стихію.

— Въ котлѣ 125 фунтовъ пару!

— Надо спускать паръ, Николай Алексѣевичъ, встревожился Владиміръ Михайловичъ.

Котель нашъ былъ рассчитанъ на 150 фунтовъ давленія и подымать паръ выше 125 было дѣйстви-

На порогахъ.

тельно рискованно,—тѣмъ болѣе, что надежды на то, чтобы подняться, не было уже никакой: имѣя въ котлѣ даже такое высокое давленіе, мы все-таки въ концѣ концовъ пришли къ тому, что стояли на мѣстѣ.

Мы были, какъ въ кипящемъ котлѣ. Всѣхъ насъ обдавало брызгами разбивавшихся о борты парохода волнъ, пароходъ дрожалъ всѣмъ корпусомъ. Стихія оглушала насъ своимъ ревомъ. Окруженные мракомъ, имѣя непреоборимую преграду впереди и безчисленное множество подводныхъ камней позади себя, мы были немного сконфужены неудачей и испытывали нѣкоторую боязнь за слѣдующее мгновеніе. Вѣроятно, не одинъ я подумывалъ въ эту минуту, что для нашей лодочки, сшитой изъ тонкаго желѣза и громко именуемой пароходомъ, нужно очень немного, чтобы всѣ мы погибли въ волнахъ бушующей стихіи. Хорошій ударъ объ одинъ изъ многочисленныхъ подводныхъ камней,—и придется услышать, можетъ-быть, послѣднюю въ своей жизни команду: „спасайся, кто можетъ!“

Но пока что, а приходилось дѣйствовать.

Я взглянулъ на дядю. Теперь уже онъ ни съ кѣмъ не разговаривалъ и весь превратился въ наблюденіе и слухъ, отдавая неторопливо, рѣшительными и короткими фразами, свои приказанія.

Вся его фигура изображала сознаніе важности лежащаго на немъ долга. Мнѣ было понятно, что потому именно онъ такъ и хладнокровенъ, что сознаетъ себя отвѣтственнымъ за благополучіе и жизнь десятка людей, находившихся подъ его командой. Правда, по морскимъ правиламъ, онъ,

какъ командиръ парохода, могъ требовать отъ каждаго изъ насъ непрекословнаго повиновенія; но, въ сущности, именно поэтому онъ и является единственно отвѣтственнымъ лицомъ, за благополучіе и жизнь тѣхъ, кто находится на пароходѣ.

— Ничего не подѣлаешь, торопливо проговорилъ дядя.— Приходится ракомъ ползти назадъ.

Между тѣмъ, случилось обстоятельство, которое насъ едва не погубило. Кочегаръ, услыхавши распоряженіе спустить паръ, поспѣшилъ моментально закрыть поддувало, прекратить дѣйствіе сифона, да при этомъ еще усердно сталъ накачивать въ котель воду. Я замѣтилъ, что вдругъ нашъ пароходъ стало быстро нести внизъ по теченію, не смотря на полный передній ходъ.

— Сколько пару? догадался освѣдомиться дядя.

Оказалось, всего 70 фунтовъ. Мы были на волоскѣ отъ гибели: насъ моментально могло снести назадъ и выбросить на камни.

— Что онъ сдѣлалъ!—вскрикнулъ дядя,—и тутъ только я замѣтилъ, что хладнокровіе готово покинуть дядю.

— Шуровать во всю!—прокричалъ онъ громовымъ голосомъ въ рупоръ и затѣмъ въ волненіи сбѣжалъ внизъ; тамъ онъ засталъ уже поддувало опять открытымъ. Машинистъ распекалъ кочегара, который съ видомъ виноватаго человѣка старательно

шуроваль. Настрога наказавши, чтобы пару въ котлѣ было не меньше 110 фунтовъ, дядя поднялся опять къ штурвалу.

Мы медленно спускались внизъ по рѣкѣ кормою.

Все время приходилось штурвальному усиленно работать. Мы и раньше, при движеніи впередъ, двадцать разъ рисковали погибнуть, если бы только насъ, по недосмотру лоцмана, поставило бортомъ противъ теченія. Но теперь, когда мы стали пятиться ракомъ, опасность еще болѣе увеличилась: при такомъ движеніи пароходъ плохо слушается руля. Штурвальный перебѣгалъ справа налѣво, — то быстро клалъ „налѣво на бортъ“, то совершенно выпускалъ штурвальное колесо изъ рукъ и затѣмъ быстро подхватывалъ его, когда нужно было „закрѣпить“ курсъ. Моментами, напрягши до невозможности мускулы рукъ, онъ стоялъ неподвижно, для большей устойчивости широко разставивши ноги. Для того, чтобы спускаться, мы уменьшали ходъ до средняго передняго.

Такъ, лавируя между камнями, мы достигли мѣста, гдѣ ширина рѣки и уменьшеніе силы теченія давали возможность повернуться носомъ къ низу.

— Можно повернуть, Николай Алексѣвичъ! сказалъ лоцманъ.

Дядя далъ средній ходъ, загудѣла штурвальная цѣпь, пароходъ круто повернулъ и понесся

внизъ со стремительной быстротою, обгоняя волны и клубы пѣны.

Дядя приказаль причалить въ первомъ же заливчикѣ, который встрѣтится на берегу, и мы сошли въ каютъ-кампанію. Черезъ четверть часа стали звенѣть звонки машиннаго телеграфа, и наконецъ загремѣла якорная цѣпь. Мы были у тихой пристани.

Дядя былъ страшно утомленъ и нервенъ. Я, чтобы не беспокоить его, не рѣшался его разспрашивать о впечатлѣніяхъ дня.

Впрочемъ, и безъ того для меня все было ясно. Съ перваго взгляда можетъ показаться что командиръ парохода поступаетъ такъ, какъ онъ хочетъ; но на самомъ дѣлѣ онъ слѣдуетъ въ своихъ распоряженіяхъ не собственнымъ желаніямъ, а указаніямъ обстоятельствъ: онъ поступаетъ такъ, какъ необходимо поступать, чтобы сохранить въ цѣлости пароходъ, сберечь людей и достигнуть тѣхъ результатовъ, которые намѣчены для путешествія. И потому дядя, отдавая свои приказанія, которымъ всѣ обязаны были безпрекословно повиноваться, забылъ даже, что онъ—полновластный повелитель, и думалъ лишь о томъ, какъ лучше выполнить дѣло, которое было ему поручено.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Пользуясь разспросами тонгусовъ и руководствуясь собственными соображеніями, экспедиція окончательно установила мѣсто постройки новаго зимовья верстахъ въ 5 ниже „Бѣлыхъ коней“.

Быль общими силами выработанъ планъ будущей постройки. Имѣлось не мало основаній предполагать, что въ выбранномъ мѣстѣ температура зимой будетъ еще ниже, нежели на первомъ зимовьѣ. Кромѣ того, было предположено, что въ новомъ зимовьѣ намъ придется прожить не одинъ, а два года. Домъ, поэтому, строился обширнѣе, капитальный, въ нѣсколько комнатъ, съ отдѣльною кухней и ванною комнатою. Амбаръ для склада провизіи, товара, матеріаловъ и инструментовъ рассчитанъ былъ также на долгое время.

Работа кипѣла. Нѣкоторые изъ членовъ экспедиціи уже отправились для новыхъ изысканій. Пароходы поддерживали постоянное сообщеніе съ Олекминскомъ, пополняя наши запасы и привозя каждый разъ намъ почту.

И вотъ въ одинъ изъ такихъ дней, когда мы съ дядей были особенно поглощены работой, съ пароходомъ прибыла къ намъ телеграмма отъ моего отца, который сообщалъ, что мать опасно больна

и просить меня немедленно ѣхать въ Петербургъ. Это разомъ перевернуло все въ моемъ настроеніи.

— Ну что, Сережа? спросилъ меня дядя.

— Разумѣется, надо ѣхать! сказалъ я.

— Конечно.

Я не рѣшился задать дядѣ вопросъ, который меня въ эту минуту интересовалъ больше всего на свѣтѣ: дядя, какъ мнѣ показалось, самъ догадывался объ этомъ. Онъ сосредоточенно думалъ.

— Какъ же ты поѣдешь одинъ? проговорилъ онъ.

Я помолчалъ.

— А ты, дядя? спросилъ я наконецъ тихо.

— Я поѣду тоже въ Петербургъ, сказалъ онъ, не глядя на меня и потирая лобъ концами пальцевъ.

Неописуемая радость овладѣла мною. Я такъ полюбилъ дядю, я такъ многимъ былъ ему обязанъ... я такъ много ждалъ отъ него для себя впереди, что разстаться съ нимъ мнѣ было бы теперь невыносимо тяжело.

Мы съ дядей углубились въ сосѣдній рѣдкій соснячекъ и пробродили тамъ съ $1\frac{1}{2}$ часа.

— Помнишь ли, Сережа,—говорилъ мнѣ дядя,— какъ мы сидѣли и пили чай на вершинѣ рѣчушки, а Аленка рассказывала намъ о злоключеніяхъ своей семьи?

— Помню, дядя.

— Помнишь ли, ты какъ я сказалъ тебѣ, что вопросъ о человѣческомъ счастіи и объ отношеніяхъ между людьми—вѣчный вопросъ, отъ котораго нельзя уберечься даже на вершинѣ никому невѣдомой рѣчушки въ заброшенномъ краю?

— Да, я помню это.

— И помни это всегда... Вотъ ты узналъ цѣлую отрасль человѣческой дѣятельности. Ты въ экспедиціи научился любить природу, изучать ее. Но это—средство, а отнынѣ ты будешь ужъ не въ глухой тайгѣ, не въ общеніи съ одною природою, а среди людей, и долженъ помнить, что главная твоя цѣль—пользоваться знаніями для того, чтобы сдѣлать людей болѣе счастливыми, чтобы заставить людей лучше относиться другъ къ другу. Въ этомъ—высшее назначеніе человѣка на землѣ, и я увѣренъ, что ты исполнишь это назначеніе. Учись, работай; но не забывай, что это—средство, а не цѣль, цѣлью же всегда было, есть и будетъ—счастье человѣка.

Дядя обнялъ меня, прижалъ къ своей груди и поцѣловалъ...

Извѣстіе о томъ, что мы съ дядей уѣзжаемъ, поразило и даже опечалило всѣхъ въ экспедиціи. Дядю всѣ уважали за мягкость обращенія съ людьми, которая свободно уживалась рядомъ съ твердымъ характеромъ и взглядами.

Сборы наши были недолги. Мы раздарили всѣ вещи, которыя раньше припасли специально

для путешествія по тайгѣ, оставили и массу вещей, которыя требовали замѣны новыми. Багажъ у насъ, поэтому, былъ не великъ, если не считать ящика съ книгами и бумагами дяди.

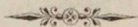
Вечеромъ, по распоряженію Сергѣя Аристарховича, былъ приготовленъ самый пышный ужинъ, какой только могъ изобрѣсти Бѣличъ. Для рабочихъ было отпущено по лишней чаркѣ водки. Когда было подано „сладкое“, т.-е. хворостъ съ вареньемъ, хлопнула пробка, и намъ поднесли по бокалу шампанскаго. Сказано было много теплыхъ словъ какъ со стороны остающихся членовъ экспедиціи по адресу отъѣзжающихъ, такъ и со стороны дяди—по адресу бывшихъ товарищей.

И вотъ я опять на палубѣ того самаго парохода, на которомъ я пріѣхалъ въ тѣ пустынные мѣста, гдѣ теперь стоитъ наше зимовье. Оставшіеся на берегу слѣдятъ за дымомъ парохода, который на этотъ разъ уноситъ насъ. Навѣрное, всѣ провожаютъ глазами послѣднюю струйку дыма, какъ провожали и мы, когда въ минувшемъ году пароходъ покинулъ насъ среди глухой тайги. Но тогда все умирало въ природѣ, все засыпало зимнимъ сномъ, теперь, наоборотъ, кругомъ все было полно жизни, лѣто вступило въ свои права, и было такъ дивно хорошо!

Мы неслись 10.000 верстъ, не теряя ни минуты, пользуясь всѣмъ, что предоставляла намъ цивили-

зація для ускоренія нашего путешествія отъ зимовья до Петербурга.

Мы пріѣхали какъ разъ во-время, чтобы вырвать маму изъ рукъ смерти. Радость свиданія со мною и дядей, немедленная поѣздка на югъ, всевозможныя заботы и удобства, которыя мы доставляли мамѣ, быстро возстановили ея силы, и она здравствуетъ до сихъ поръ.

Изданія книгоиздательства А. Ф. Девріена.

С.-Петербургъ, Вас. Остр., Румянцевская площ., соб. д. № 1—3.

Золото. Повѣсть въ 2-хъ частяхъ. Изъ жизни золотоискателей Восточной Сибири и Манчжуріи. С. А. Поспѣлова. Съ рис. Л. П. Альбрехта. Ц. 1 р. 20 к., въ папкѣ 1 р. 40 к.

Въ снѣгахъ Восточной Сибири. Приключенія американцевъ среди чукчъ, коряковъ. и камчадаловъ. С. А. Поспѣлова. Съ 18-ю рис. С. И. Панова. Ц. 90 к., въ папкѣ 1 р. 15 к.

Русскіе мореплаватели. Арктическіе и кругосвѣтные. 1-ая серія русскихъ путешественниковъ-ислѣдователей. Путешествіе В. Беринга, Г. Сарычева, Ф. П. фонъ-Врангеля, графа Ф. П. Литке, П. Пахтусова, А. Норденшельда, И. Ф. фонъ-Крузенштерна и Ѳ. Ѳ. фонъ-Беллинггаузена. Обработано по подлиннымъ ихъ сочиненіямъ М. А. Лялиной. 2-е изд. Со многими рис. и картою. Цѣна 2 руб. 75 коп., въ перепл. 3 руб. 25 коп.

Русскіе мореплаватели. Головиннѣ, Коцебу, Невельской. 2-ая серія русскихъ путешественниковъ-ислѣдователей. Головиннѣ въ плѣну у японцевъ. Плаваніе Коцебу на „Рюрикѣ“. Присоединеніе Амурскаго края. Изложено по подлиннымъ сочиненіямъ путешественниковъ М. А. Лялиной. Съ рис. Въ иллюстр. перепл. Цѣна 3 руб.

Путешествія Н. М. Пржевальскаго въ восточной и центральной Азіи.—Уссурійскій край.—Монголія и страна тангутовъ.—Лобъ-Норъ.—Тибетъ.—Верховья и источники Желтой рѣки. Обработаны по подлиннымъ его сочиненіямъ М. А. Лялиной. 3-е просм. изданіе. Съ 58 иллюстр. и 2 картами. Цѣна 2 руб., въ коленкор. перепл. 2 руб. 50 коп.

Путешествія В. В. Юнкера по Африкѣ. Изложены 3. Ю. Петри, профессоромъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета. Съ 158-ю рис. въ текстѣ, съ портретомъ и картою 3-е изд. Цѣна 1 руб. 50 коп., въ перепл. 2 руб.

Путешествія Г. Н. Потанина по Китаю, Тибету и Монголіи. Обработаны по подлиннымъ его сочиненіямъ **М. А. Лялиной**. Съ 48-ю рисунками, портретомъ и картою. Цѣна 1 руб. 75 коп., въ коленкор. перепл. 2 руб. 50 коп.

Путешествіе въ Западный Китай братьевъ Г. Е. и М. Е. Грумъ-Гржимайло. По подлиннымъ сочин. путеш. обраб. **М. А. Лялиной**. Съ рисунк. Цѣна 2 руб. 50 коп., въ перепл. 3 руб.

Фритъюфъ Хансенъ, его жизнь и путешествія. По книгѣ **В. Бруггера** и **Н. Рольфсена**, а также по подлиннымъ сочиненіямъ путешественника перев. и состав. **А. и П. Ганзенъ**. 2-е значительн. дополн. изданіе. Съ 138 рис. въ текстѣ и 3 географ. картами. Цѣна 2 руб. 75 коп., въ перепл. 3 руб. 50 коп.

Таримъ—Лобъ-Норъ—Тибетъ. Путешествіе по Азіи 1899—1902 г. **Свена Гедина**. Переводъ-извлечение со шведскаго. Съ 126 рис. въ текстѣ и картой. Цѣна 3 руб., въ перепл. 3 руб. 60 коп.

Востокъ. Страны креста и полумѣсяца и ихъ обитатели. Историко-географическое и этнографическое обозрѣніе Левантскаго міра. Составилъ **П. А. Стенинъ**, дѣйствительный членъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Одинъ большой томъ, болѣе 200 политипажей въ текстѣ и 64 отдѣльныхъ гравюръ. Цѣна въ иллюстрированной обложкѣ 5 руб., въ перепл. 6 руб.

Китай и Китайцы. Жизнь, бытъ и нравы современнаго Китая. Соч. **Эрнста фонъ Гессе-Вартега**, переводъ со второго исправленнаго и дополненнаго нѣмецкаго изданія **А. и П. Ганзенъ**. Одинъ большой томъ съ 32 отд. гравюрами и 114 рис. въ текстѣ. Цѣна 4 руб. 50 коп., въ коленкор. перепл. 5 руб. 50 коп.

Японія и Японцы. Жизнь, бытъ и нравы современной Японіи. **Эрнста ф. Гессе-Вартега**. Переводъ со 2-го испр. и дополнен. нѣм. изданія, съ разрѣшенія автора, **М. О. Шрейдеръ**, подъ редакц. **Д. И. Шрейдера**. Съ 28 отд. гравюрами и 106 рис. въ текстѣ. Изданіе 2-е испр. и дополн. Цѣна 3 руб. 75 коп., въ коленкоровомъ перепл. 4 руб. 50 коп.

Край гордой красоты. Кавказское побережье Черного моря. Природа, характеръ и будущность русской культуры. Сочиненіе **С. Васюкова**. Съ 37-ю странными рисунками и въ текстѣ. Цѣна 2 руб., въ коленкор. перепл. 2 руб. 75 коп.

Старинныя сказанія чешскаго народа. Составилъ **А. Ирасекъ**. Переводъ съ чешскаго **М. А. Лялиной** Съ 93 иллюстраціями **Венцеслава Чернаго**. Цѣна въ обложкѣ 3 руб. 50 коп., въ коленкор. перепл. 4 руб. 25 коп.

Кавказскія легенды. **В. П. Желиховской**. Съ 22 рис. **С. С. Соломко**. Цѣна 1 р. 75 к. въ пер. 2 р.

Подъ звонъ мечей. Народныя сказанія Сѣвера и Запада Европы. Кельтійскія, Скандинавскія, Германскія и Финскія, въ изложеніи **П. Н. Полевого**. Съ рис. **Г. Дорэ, Н. Каразина, Шнорръ, фонъ-Карольсфельда, Е. Гарнана** и др. Цѣна въ иллюстрированной обложкѣ 4 руб., въ коленкор. перепл. 4 руб. 75 коп.

Царь Іоаннъ Грозный. Историческая повѣсть въ 2-хъ частяхъ, вполне перераб. для юношества. **Льва Жданова**. Съ 10 рис. акад. **Н. В. Лебедева**. Цѣна 3 руб. 50 коп., въ перепл. 4 руб. 25 коп.

Корень зла. Историческая повѣсть **П. Н. Полевого**, передѣланная для русскаго юношества. Съ 18-ю гравюрами по оригиналамъ **А. Земцова**, и **Н. Лебедева**. 2-е изд. Въ коленкор. перепл. Цѣна 3 руб. 75 коп.

Отголоски старины. Сборникъ историческихъ разсказовъ **П. Н. Полевого** Съ 12 иллюстр. академикомъ **Н. В. Лебедева** и **Н. С. Самокиша**. Ц. 2 руб. 25 коп., въ кол. перепл. 3 руб.

Избранникъ Божій. Историческая повѣсть начала XVII вѣка. Сочиненіе **П. Н. Полевого**. Съ 12-ю автотипіями по оригинальнымъ рисункамъ художн. **Н. В. Лебедева**. Цѣна въ коленк. перепл. 3 руб.

Кудесникъ. Историческая повѣсть для юношества **П. Н. Полевого**. Съ 12-ю отдѣльными рисунками акад. **Н. В. Лебедева**. Цѣна въ коленкор. перепл. 3 руб.

Севастополь и его славное прошлое. Соч. А. П. Валуевой (Мунт). Съ 30-ю полнотипажамъ въ текстѣ и 4-мя отдѣльными рисунками въ краскахъ по оригиналамъ художника Н. С. Самокиша. 2-е изд. Цѣна въ обложкѣ 2 руб. 50 коп., въ коленкор. перепл. 3 руб. 25 коп.

Подвиги русскихъ адмираловъ. Петра Михайлова, Спиридова, Ушакова, Сенявина, графа Гейдена, Лазарева, Нахимова, Корнилова и ихъ сподвижниковъ. М. А. Лялиной. Съ 33 рис. въ текстѣ. Цѣна 2 руб. 25 коп., въ перепл. 3 руб.

Физика въ играхъ. Для юношества. Съ подробнымъ изложеніемъ простѣйшихъ способовъ изготовленія приборовъ для самостоятельнаго производства физическихъ опытовъ. Б. Донатъ. Обработалъ канд. естеств. наукъ Н. П. Комовъ съ 124 рис. въ текстѣ. Цѣна 2 руб., въ перепл. 2 руб. 30 коп.

Что говорятъ камни? Жизнь минераловъ и ихъ круговоротъ въ природѣ и Technikѣ. Для юношества и самообразованія. Съ 217 рис. въ текстѣ. Съ приложеніемъ краткаго руководства для составленія коллекцій, списка русскихъ музеевъ и библиогр. указателя. По книгѣ Г. Петерса „Bilder aus der Mineralogie und Geologie“ сост. А. П. Нечаевъ. Съ предисловіемъ заслуженнаго ординарнаго профессора С.-Петербургскаго университета А. А. Иностранцева. Изд. 2-ое. Цѣна 2 р., въ коленкор. перепл. 2 руб. 40 коп.

Въ царствѣ воды и вѣтра. А. П. Нечаева. Очерки изъ жизни и исторіи земли. Съ 125 рис. въ текстѣ ц. 1 руб. 90 коп., въ перепл. 2 руб. 20 коп.

Искусства и ремесла у животныхъ. Г. Купнѣ. Переводъ извлеченіе съ французскаго К. М. Жихаревой, подъ редакціей кандидата естеств. наукъ Н. П. Комова. Съ предисловіемъ проф. Н. А. Холодновскаго. Съ 112 рис. въ текстѣ. Цѣна 1 руб. 75 коп., въ коленк. перепл. 2 руб. 25 коп.

Вѣкъ великихъ открытій. Проф. С. Гюнтера. Переводъ П. Ю. Шмидта. Съ 50 рис. и двумя картами. Цѣна 1 руб. 25 коп., въ перепл. 1 руб. 50 коп.

*Полный каталогъ книгоиздательства А. Ф. Девриена
высылается по первому требованію бесплатно.*

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина

20124-66
Инд. М. 1-2002

Цѣна . . . 1 р. 25 к.

Въ палкѣ 1 р. 45 к.